

Гостя из прошлого

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алексей Борисов

18+

Алексей Борисов

Гостя из прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70360975

SelfPub; 2024

Аннотация

Сборник составлен из произведений разных лет. Одни были написаны на злобу дня, в других подняты более основательные темы. В рассказах есть своя «изюминка» в виде, как правило, неожиданной развязки, фельетоны дают повод улыбнуться или рассмеяться от души. От самого натурального реализма автор переходит к фантастическим сюжетам и элементам сказки. А главный вывод прост: человек сам кузнец своего счастья, здесь его не заменит даже золотая рыбка... Эта истина подтвердилась во время пандемийной паники, обуявшей чуть ли не весь земной шар, подтверждается и в наши тревожные дни.

Содержание

Из современного	6
Место силы	42
Социальный статус	53
Воин света	64
Лицемеры	71
Руки прочь!	76
Домик золотой рыбки	80
Помещение	123
Вакцинировался	148
Просто бумага	153
Добро пожаловать в Антарктиду	179
Сто шестнадцатая	185
Вылазка	211
Похожий случай	236
Гостя из прошлого	246
Хранитель тайн	262
Без Москвы	270
Пуша и Плюша	310
Фестиваль	315
Мечтатели	328
Из давних лет	359
Что он обо мне думает	372
Только факты	375

Про молодежь? Это не актуально...	378
Сам себе мэр	381
Сон в президиуме	385
Сколько весит бронезилет	389

Алексей Борисов

Гостя из прошлого

Читателям – от автора

Существует мнение, что нет ничего легче малых форм. Дескать, накидал по-быстрому несколько страничек и прославился. Если прославиться не удалось, то хотя бы сэкономил драгоценные силы и время, можно смело переходить к следующему творению.

Лично я творил и быстро, и не очень, но то, что накопилось, рассматривал придирчиво. Вышло своего рода избранное. Читая, можно примерно понять, чем жили и дышали вместе со страной и отдельно от нее. Или представить, чем могли бы дышать.

Даты я поставил под совсем уж давнишними произведениями во второй части книжки. Когда были написаны остальные, как правило, ясно из текста. Если ясно не везде, торжественно обещаю исправиться при подготовке полного собрания сочинений.

Название сборнику дал один из рассказов про обычных людей, которые оказываются в невероятных обстоятельствах. От предстоящего выбора зависит их судьба...

Добро пожаловать в миры моих героев!

Из современного Идеальный друг

После четвертого или пятого звонка в дверь Юра оторвал голову от подушки. Сквозь тонкую штору светило солнце, поднявшееся на изрядную высоту, через балкон доносилось чириканье воробьев среди листвы стоявшего рядом тополя. Кажется, было уже довольно позднее утро. Со стороны прихожей раздалась еще одна трель, дольше предыдущих.

– Иду я, иду, – пробормотал Юра, откидывая пододеяльник.

Он лег спать поздно, часов около трех. Причина была, на его взгляд, вполне уважительной. На днях с ним ненадолго поделились романом одного из столпов современной американской фантастики, пока не переведенным на русский язык. Бывший одноклассник, ныне лаборант НИИ радиосвязи, помог бесплатно сделать ксерокопию, и теперь Юра наслаждался чтением, периодически сверяясь со словарем.

Во входную дверь позвонили снова, потом громко постучали.

– Минуту! – крикнул Юра, хватая со стула домашние штаны и растянутую футболку.

Мама с папой, конечно, давно ушли на работу: понедель-

ник всё-таки. Сестра Инга была в своем пионерском лагере на педагогической практике. Кот Барсик, серый в темную полосу, с упоением тянулся и кувыркался посреди прихожей, и любимый хозяин едва не наступил ему на хвост, босиком шлепая по линолеуму.

– Я подумал, ты скрылся, – без всякого приветствия выдал через порог Алексей Иванников.

– От кого?

– Не в курсе, что ли?

– В курсе чего?

Алексей пристально посмотрел на Юру и понял, что тот говорит чистую правду.

– Может,пустишь?

– Да, конечно, – спохватился его друг, делая шаг назад.

Юра познакомился с Алексеем без малого четыре года назад, явившись первого сентября на сбор будущих филологов. Им отвели площадку в дальнем углу сквера справа от главного корпуса университета. В ожидании краткой церемонии с напутственным словом ректора те, кто знали друг друга, образовали отдельные группки, активно болтали и дурачились. Ребята, с которыми Юра сдавал устные экзамены, а после зачисления таскал кровати и тумбочки, наводя порядок в общежитии факультета, опаздывали. Поэтому он молча пристроился с краю толпы и решил пока понаблюдать. То была его обычная манера поведения в новом для себя обществе.

– Не у каждого писателя столько читателей, – услышал он

чей-то голос за своим плечом.

Обернувшись, Юра увидел молодого человека напоминающей наружности. Высокий, не ниже метра восьмидесяти пяти, подтянутый и стройный, с тонкими бровями, легким пушком над верхней губой и густой шапкой прямых светло-русых волос, тот глядел на него широко открытыми васильковыми глазами. Нижняя губа была чуть поджата, в глазах играла легкая насмешка. Молодой человек был одет в светло-коричневый, по фигуре, костюм-тройку и белую сорочку с однотонным серым галстуком. Юра в легкомысленной клетчатой рубашке, ветровке и джинсах ощутил себя на его фоне простым парнем со двора.

– Филологи – это ведь профессиональные читатели, верно? – добавил он, не дождавшись ответной реплики от Юры. – Очень приятно. Алексей.

Назвать его по-свойски Лёшей тогда и язык не повернулся бы.

– Э-э... Юра. То есть, Юрий.

Неожиданный знакомый рассмеялся, но не обидно, а по-доброму.

– Соблюли протокол.

Выяснилось, что Алексей как золотой медалист сдавал только один экзамен – писал сочинение вместе с двумя сотнями других абитуриентов, а обязательные для первокурсников работы отбыл в университетской библиотеке, упорядочивая каталоги. Поступление для Юры, вообще, проходи-

ло в каком-то угаре, который усугубила дикая жара, и ничего удивительного не было в том, что за всеми переживаниями он не выделил Иванникова из массы впервые увиденных людей...

– По обоим каналам «Лебединое озеро» показывают, – очень серьезно сказал Алексей, пройдя в комнату.

В левой руке у него была картонная папка с надписью «Дело №...», туго набитая какими-то бумагами. Стандартных завязок на ней еле хватило для узла бантиком.

– Авария на телецентре? – предположил Юра.

– Переворот, – ответил Алексей.

Юре почудилось, что он ослышался или до сих пор видит сон.

– Дикторы зачитали обращение. Обязанности президента исполняет Янаев, власть передана комитету по чрезвычайному положению, – в нескольких словах описал обстановку незванный гость.

Юра, сколько себя помнил, всегда комплексовал из-за внешности. В детском саду и младших классах ему казалось, что у него слишком большие уши. Позднее стала беспокоить избыточная, по его мнению, худоба. Она никак не хотела проходить несмотря на волчий аппетит. Кроме того, оставлял желать лучшего нос. Был он мелковатым в сравнении с остальным лицом и совсем не благородной формы. Цвет собственных глаз Юре тоже не нравился – то ли серый, то ли

светло-зеленый. Короче, муть.

У Алексея, в отличие от него, всё было идеально. Будучи первым красавцем на курсе, он и держался соответственно – не оставляя ни тени сомнения в том, что знает себе цену. К вводным словам и междометиям не прибегал, изъясняясь четко и уверенно, аргументировал, будто гвозди заколачивал (Юра тщетно завидовал такой манере). Смутить его, казалось, было невозможно. Ярчайшее подтверждение этого факта случилось в самом начале второго семестра, на комсомольском собрании группы.

О том, что собрание состоится, Юра узнал минут за десять до его начала, во время большого перерыва. Стоя в коридоре, он жевал пирожок с повидлом, купленный с лотка в фойе первого этажа. Традиционный перекус прервала Людмила Сергеевна Кирпичева, куратор группы. Вечно куда-то спешившая невысокая, худая женщина лет сорока или чуть старше, с хмурым лицом и собранными в пучок волосами, в одежде предпочитавшая темные тона и отсутствие украшений, она без затей взяла Юру за рукав и отвела подальше.

– Ты с Иванниковым в каких отношениях? – спросила она в лоб.

К тому времени Юра и Алексей успели крепко сдружиться. У них быстро нашлось много тем для разговора, и стиль общения Иванникова ничуть не отталкивал Юру. Он по умолчанию принял роль второго номера при новом товарище, ни разу не претендуя на хотя бы подобие лидерства. Чего

греха таить, Юра всегда мечтал быть кем-то вроде Алексея – человеком без изъянов и слабых мест. Другое дело, что реальность сильно расходилась с мечтами. Впрочем, видимая разница потенциалов не помешала обоим сдать первую сессию на все пятерки.

– Ну, так... приятели, – аккуратно ответил Юра, нутром почуяв подвох.

– Приятели? Хорошо, – кивнула Кирпичева. – Имей в виду: не наш он человек.

– Как не наш?

От подобного определения Юра малость оторопел. На дворе был февраль восемьдесят восьмого, а не, допустим, пятидесятого. Конечно, Людмила Сергеевна не произнесла приснопамятного «классовый враг», но подтекст выпирал совершенно недвусмысленный.

– Ты умный, сам всё знаешь, – заметила куратор группы. – Тебе лучше от него отмежеваться.

Юра понял, что краснеет от волнения. Здесь он тоже, к явному прискорбию, проигрывал невозмутимому Алексею.

– Не п-понимаю вас, Людмила Сергеевна, – выдавил он из себя, борясь с пересохшим горлом.

Кирпичева метнула на него странный взгляд, в котором Юра уловил, как ни странно, тень сочувствия, и, ни слова больше не говоря, устремилась к аудитории. То, что разыгралось после перерыва, окончательно шокировало своей нелепостью в сочетании с тупой серьезностью.

– К сожалению, наши комсомольцы Иванников и Зуев игнорируют общественную работу. Они считают, что для получения повышенной стипендии достаточно учиться на «пять», – после краткой преамбулы объявила Вероника Янченко, комсорг группы.

Веронику, по правде говоря, Алексей презирал и особо не скрывал этого. Училась она на четверки с тройками примерно в равной пропорции, зато рисовала стенгазету и была одним из организаторов театрализованного представления первокурсников. Иванников регулярно отпускал в ее адрес подколки с прибаутками, самой ходовой из которых была «Как поживает выездная редакция?»

– Я предлагаю обсудить их поведение и дать возможность каждому выразить свое отношение, – Вероника поправила очки в толстой роговой оправе, делавшие ее некрасивое лицо еще некрасивее, и села обратно за стол, на практических занятиях занимаемый преподавателями.

Людмила Сергеевна выбрала позицию в самом конце того ряда, который был ближе к выходу. Она сосредоточенно писала что-то в блокноте, не поднимая голову.

– Мы все, конечно, уважаем Алексея и Юрия за их труд, – своим тонким голоском подхватила пухленькая, в веснушках, Юлия Морозова, неразлучная спутница Вероники, соавтор стенгазеты. – Но комсомолец – это более широкое понятие, это активная жизненная позиция...

– Перестройка обязывает нас не быть равнодушными,

жить жизнью коллектива, участвовать в деятельности комсомольской организации. Партии нужны наши молодые голоса, наши силы! – продолжила Рита Дубинина, собиравшая профсоюзные взносы.

Иной общественной деятельности Юра за ней не смог припомнить, как ни старался. За Ритой выступил еще один оратор, потом еще. В группе, как и на курсе в целом, преобладали девушки. Кое-кто из них с первого дня откровенно поглядывал на Алексея, но ни одна не обрела взаимности. Данное обстоятельство, как Юра догадался впоследствии, тоже имело значение в истории со стипендией.

Обличительный пафос нарастал. Кирпичева только раз отвлеклась от блокнота и пристально посмотрела на Юру. «Давай, выступи и ты», – прочел он в ее глазах. Алексей, который сидел за одним столом с другом, не отрывал глаз от штукатурки на стене у доски. Он, не останавливаясь, тер пальцами то ли брелок, то ли нечто похожее на него (точнее Юра не мог разобрать). Лицо, в отличие от рук, было неподвижным и не меняло цвет. Только глаза как-то подозрительно блестели.

– Мы живем в эпоху перестройки... – опять раздалось в тесноватой и душноватой аудитории.

– Хватит! – сказал Алексей таким тоном, что Слава Еремеев, еще один член комсомольского актива, осекся на полуслове.

Сделалось тихо настолько, что все услышали бы пролета-

ощую муху. Но в феврале мухи не летали.

– Вам не надоело нести чушь? – спросил Иванников и сам дал ответ. – Вы из какого мезозоя вылезли? Газеты почи-тайте, журналы. Комсомол – это что, по-вашему, каратель-ный орган? Опять загоним всех к счастью? Учиться – глав-ная обязанность студента, а с рисунками и плясками каждый сам как-нибудь разберется, нужны они ему или нет. Здесь не художественная самодеятельность.

Кирпичева отложила блокнот и рассматривала Алексея, как решил Юра, прямо с удовлетворением. «Он прав абсо-лютно», – подумал Юра. Мысль о том, что надо бы встать и поддержать, посетила его в следующий же миг и... осталась мыслью. От Алексея незримой волной исходила готовность сражаться и бросить вызов хоть всему миру, но у его товари-ща такой готовности не было. Язык у Юры снова будто при-лип к гортани.

– Давайте уважать собрание, – опомнившись, начала Ве-роника.

– Я не вижу собрания. Это балаган и примитивное сведе-ние счетов, – отрезал Алексей.

Группа хором выдохнула и загудела на разные голоса.

– Иванников, только вы шагаете в ногу, а все остальные не в ногу? – подчеркнуто спокойно спросила Кирпичева.

– Мы не на плацу, Людмила Сергеевна, – с холодной веж-ливостью парировал главный обвиняемый.

Куратор задумчиво кивнула чему-то своему.

– Может, Зуев что-нибудь добавит? – спохватилась Янченко. – Он молчит постоянно.

– Собственно, всё уже сказано, – не вставая, через силу проговорил Юра, и лишь затем до него дошло, что эту реплику можно толковать двояко.

Скандал докатился до вузовского комитета комсомола. Эпоха оказалась, действительно, не та, чтобы Алексея поперли отовсюду и передали для опытов компетентным органам. Ограничились символическими мерами воздействия. Друзей лишили десятирублевой прибавки к стипендии, также попеняв лично Иванникову на неподобающее поведение. Комсоргу Янченко указали на то, что воспитательная работа в группе запущена. Куратору, как говорили, попало по своей линии.

– Она с моим отцом знакома, – гораздо позже обмолвился Алексей.

– То есть? – не понял Юра.

Отец Алексея преподавал на математическом факультете и часто заседал в приемной комиссии вуза. Пару лет назад Кирпичева, выполняя в свою очередь чью-то деликатную просьбу, попросила его проявить снисхождение к одному абитуриенту. Встретила принципиальный отказ и запомнила этот эпизод. До поры, до времени.

– Слушай, ты перегибаешь насчет переворота, – не совсем твердо сказал Юра.

– И как это называть, по-твоему?

– Наверху сегодня ссорятся, завтра мирятся. Впервые, что ли? Вспомни, какие митинги в Москве были. Ельцин отставки Горбачева требовал, а потом передумал.

– Сейчас их обоих снесут, – возразил Алексей.

В политике он был более сведущ, Юра это признавал. То злополучное собрание, как ни странно, побудило его друга к общественной активности, но другого рода. После первого курса Алексей сблизился с неформалами. Этим словом именовали всех, кто норовил проявить себя вне официальных рамок – от филателистов и кришнаитов до антисемитов из общества «Память». Иванников проявил интерес к независимым литераторам, в соответствии с профилем обучения. Писателем или поэтом он не стал, оставшись профессиональным читателем, зато включился в организацию процесса. Литераторы создали свой клуб, впоследствии переименованный в альянс, и Алексея избрали его ответственным секретарем.

На одно из мероприятий альянса он затащил и Юру, которому тамошняя публика показалась странноватой, хотя не без способностей. Со сцены малого зала Дома актера одни декламировали свои стихи, другие зачитывали отрывки из прозы. Алексей, как выяснилось, пробил аренду помещения, а также хлопотал об издании сборника. Среди независимых литераторов он однозначно завоевал авторитет, ответственному секретарю внимали даже те, кто по возрасту годились

ему в родители. В очередной раз Юра убедился в способности друга оказывать не по годам мощное воздействие на окружающих.

От имени альянса Алексей даже несколько раз побывал в командировках, посетил Киев, Вильнюс и Ригу. Там, по его словам, удалось завязать кучу полезных знакомств. Ради своей кипучей деятельности он всё чаще пропускал лекции с семинарами, что закономерно отразилось на содержимом зачетки, однако бывшего золотого медалиста это ничуть не напрягало. Несостоявшуюся повышенную стипендию Иванников если и вспоминал, то исключительно со смехом. Комсомол его персоной больше не интересовался, ибо в стране тотально восторжествовало правило «Что не запрещено, то разрешено».

А потом настало время свободных выборов. Разгул страстей не особенно тронул Юру. Отчасти потому, что он продолжал считать своей важнейшей обязанностью учебу, отчасти в силу его характера: крикливых манер с истериками в чем бы то ни было исполнении Юра не переносил. Криков же хватало с лихвой. Чего стоило одно выдвижение кандидатов в депутаты российского парламента!

– Достал пригласительный специально для тебя, – сообщил Алексей, когда агитировать за демократическую оппозицию приехал один из радикальных вождей всесоюзного масштаба.

Под встречу со столичной знаменитостью был зарезер-

ви рован ДК имени Карла Либкнехта – в народе «Карлик». Ожидался аншлаг.

– Отдай кому-нибудь, – махнул рукой Юра.

– Э-э, нет. Надо приобщать тебя к борьбе, – натурально по-ленински прищурился Алексей.

– Ты же за творчество, а не за борьбу.

– Поборем гидру коммунизма и займемся творчеством.

Подобная откровенность в провинции еще многих шокировала, но, по рассказам Алексея, в национальных республиках давно стала нормой. Юру больше интересовала тема его собственной курсовой работы, которую он формулировал с прицелом на диплом. Литература девятнадцатого века была далека от перестроечных баталий, к тому же у Юры именно в те дни появилось новое увлечение в виде переводных и еще не переведенных произведений в жанре фантастики и фэнтези. Хотя обижать друга отказом ему было неловко.

– Я немного с тобой посижу, а там видно будет, – предложил он компромиссный вариант.

– Посиди, не соскучишься, – интригующе сказал Алексей.

В главный зал «Карлика», где обычно выступали вокально-инструментальные ансамбли или гастролирующие сатирики-юмористы, набилось человек пятьсот, если не больше. Пригласительные билеты на входе проверяли дюжие парни с трехцветными повязками. Алексей то и дело здоровался с какими-то неизвестными Юре людьми – с одними за руку, другим бодро махал издалека. «Как рыба в воде», – пришло

на ум хрестоматийное сравнение. Места для себя и Юры он заполучил привилегированные – во втором ряду, около ступенек, ведущих на сцену.

Не успел Юра усесться, как пришлось вставать. Обменяться приветствиями к ним подошел сухопарый мужчина с бородой, чье лицо показалось смутно знакомым. Он энергично пожал руки обоим друзьям и поинтересовался у Алексея:

– Молодежь подтягиваешь?

– Готовлю потихоньку, – ответил тот, и Юра смекнул, что речь ведут о нем.

– Правильно. Молодые – двигатель перемен, – бросил бородач, хлопнув Юру по плечу.

Когда он взбежал на сцену, Юра вспомнил, где видел его лицо. Оно глядело на горожан с листовок, наклеенных у подъездов и на остановках. Это был доцент политехнического института Новицкий, лидер здешней демократической оппозиции. Доцент баллотировался сам и призывал поддержать обширный список сторонников реформ. «Новицкий за новизну!» – гласил его лозунг.

Ожидание столичного вождя выдалось томительным. Тот сильно опаздывал, поэтому переполненный зал переговаривался вполголоса, попутно слушая песни Талькова и Цоя, лившиеся из колонок. Алексей молча тер пальцами свой брелок – эту привычку Юра стабильно подмечал за ним после того идиотского собрания. Тот же самый был предмет или

нет, определить он не смог. Друг отрешенно смотрел перед собой, будто в мыслях своих витал далеко-далеко.

– Можно посмотреть? – спросил Юра, указывая пальцем на брелок.

Алексей вздрогнул.

– Давай потом?

Юра пожал плечами.

– Ладно, как хочешь.

На тридцать седьмой минуте ожидания стоявшие сбоку, вдоль откидных кресел с потертой плюшевой обивкой, задвигались, подаваясь к стене. По рядам словно пошла рябь. Вниз по наклонному проходу шагал рыжеволосый, с залысинами, человек среднего роста в темно-синем костюме. Делая резкую отмашку правой рукой, в левой он сжимал коричневый кожаный портфель. На лацкане его пиджака пламенел депутатский значок. Человека тотчас узнал даже Юра, всего несколько раз смотревший прямые трансляции из Кремля.

Зал зашевелился и ряд за рядом начал вставать. Грянули аплодисменты. Человек замахал свободной рукой и лихо, перескакивая через одну ступеньку, одолел подъем на сцену. В момент импровизированного торжества, поднимаясь вместе со всеми, Юра вдруг ощутил какое-то подобие стыда. Нет, он ничего не имел против перемен, но от вставаний и рукоплесканий на него повеяло всё тем же комсомолом, который уже начал отодвигаться со своими атрибутами и порядками в дальние дали.

Новицкий формально представил вождя и, ловко отодвинув свободный стул, помог ему расположиться в президиуме. Рядом с Юрой и Алексеем щелкал своим аппаратом фотограф областной газеты, запечатлевая исторические кадры. Именитый демократ еще раз помахал залу и взялся за графин с водой.

– Есть ли предложения? Дополнения? – зычно осведомился доцент-кандидат, огласив повестку.

В таких случаях, как твердо помнил Юра из опыта предыдущих, застойных лет, предложений и дополнений никогда не поступало.

– Есть! – раздался прекрасно знакомый голос, и тут настала очередь Юры вздрагивать.

Слова потребовал его однокурсник и друг. Алексей ментально очутился у стойки микрофона рядом со сценой.

– Есть предложение к повестке! – повторил он, и колонки резко усилили звучание.

Юра видел его лицо немного наискосок и на расстоянии, но ясно различил неестественный блеск в глазах. Хотя он мог бы поклясться, что Иванников не выпил ни грамма.

– Предлагаю дополнить пунктом о строительстве атомной электростанции в нашей области. Ученые считают, что АЭС представляет опасность для населения и может стать вторым Чернобылем. Демократические силы должны добиваться референдума о ее запрете!

После драматической паузы зал разразился грохотом ру-

коплесканий – не меньшим, чем при встрече вождя. Алексей стоял перед микрофоном, расставив ноги на ширину плеч, и Юре показалось, что друг находится на палубе корабля, а попутный ветер вот-вот подхватит полы его куртки.

– Что в папке?

– Документы кое-какие, для служебного пользования.

Пусть у тебя полежат, хорошо? – сказал Алексей.

Барсик терся об его штанину и урчал, как трактор.

– А ты сейчас куда?

– Повстречаюсь кое с кем. Забегу попозже или позвоню.

Сам не звони.

– Я завтра утром уезжаю, – сказал Юра.

– Уезжаешь? – Алексей положил свою папку с бантиком на письменный стол и присел на краешек дивана, отодвинув скомканную простыню.

– Хотел на недельку в Кабардинку рвануть, в море покупаться.

– Покупаться – это классно.

Неуместность мелких планов отдыха на Черном море была очевидной в свете открывшихся политических обстоятельств. «А почему я обязан что-то менять? С какой, вообще, стати? Это их дела, не мои, – внезапно с раздражением подумал Юра. – Пусть между собой разбираются».

Инициатива с референдумом о судьбе АЭС взорвала атмосферу в доселе тихом краю. Ее там же, со сцены «Кар-

лика», благословил вождь радикальной оппозиции, а всяческие активисты и добровольные помощники под командой Новицкого претворили в жизнь. Голосование состоялось одновременно с выборами, принеся ошеломляющий успех демократам. Новицкий отправился заседать в российский парламент, студента Иванникова в девятнадцать с половиной лет избрали депутатом горсовета.

– Ты сам это придумал или заранее решили? – допытывался Юра.

– В мемуарах всю правду напишу, – отшучивался Алексей.

То был его звездный час. Из полуживого комсомола он демонстративно вышел, причем даже раньше, чем Ельцин из КПСС. Зачастил в командировки, теперь преимущественно в Москву. В горсовете возглавил комиссию по гласности, которая взялась разоблачать образ жизни номенклатуры. Коллектив боевого листка пополнили несколько вчерашних независимых литераторов, которых обаял Иванников. Платили штатным разоблачителям нежирно, однако Алексей, ссылаясь на старших коллег-депутатов, рисовал заманчивые перспективы. Влиться в лагерь демократической прессы он предложил и Юре. Зувев, осознавая, что полноценно совмещать листок с университетом не получится, отклонил предложение.

На их отношениях это ничуть не сказалось. Юра, по-прежнему держась за филфак, в душе восхищался напором и

удачливостью Алексея. Всё, о чем он мог только помечтать, удавалось Иванникову буквально в одно касание. Алексей, в свою очередь, заскакивал к нему в гости или приглашал к себе домой, иногда просил об одолжениях, связанных с учебой. Весь четвертый курс он балансировал на грани вылета, затем, к ужасу родителей, перевелся на вечернее отделение...

– Договорились? – без тени сомнения в голосе произнес Алексей и подвинул папку в сторону Юры.

– Может, у Лены надежнее будет?

– Нет, не будет. С ней тема закрыта.

Это было сказано так, что охота спорить у Юры в принципе не возникла.

– Держись! Свяжемся до твоего отъезда, – подытожил Алексей, на прощание почесал Барсика за ухом и удалился, не говоря больше ни слова.

Папку с документами Юра переложил на книжный шкаф, так как его полки заодно с ящиками стола были переполнены. Внутри дивана лежало свернутое вчетверо теплое одеяло и тесно, впритык, стояли коробки с осенней и зимней обувью. Найдя временное решение, он направился на кухню, где водрузил на плиту чайник и включил черно-белый Schilalis. Завтракая чаем и куском черного хлеба с дефицитной докторской колбасой (мама достала ее через свою приятельницу из сферы общепита), Юра вспомнил, как всё произошло с Леной.

Алексей дружил с ней, начиная с восьмого класса, поэтому и не интересовался девушками из группы. Она перевелась из другой школы, после того как ее отец, инженер завода полимеров, улучшил жилищные условия, и семья переехала в новый микрорайон с панельными девятиэтажками. Внешностью Лена, возможно, уступала заграничным красоткам с популярных постеров, но была в ней какая-то изюминка, побуждавшая самых шустрых ребят оборачиваться ей вслед. Юра полагал, что друг не устоял перед томным взглядом ее больших карих глаз, которые и его не оставили равнодушным.

Лена, впрочем, была способна обаять не только взглядом. Она с младших классов посещала секцию легкой атлетики, участвовала в областных соревнованиях и успевала учиться на «отлично» по всем предметам, кроме химии. Та ей по иронии судьбы никак не давалась, и четверку Лене ставили только чтобы не портить успеваемость. «Ну, не мое это – полимеры», – вполне беззаботно высказывалась она на сей счет. О делании карьеры девушка, кажется, не задумывалась, и тут она точно пошла в родителей. Отца давно уже не перемещали вверх по служебной лестнице (вероятно, из-за нежелания вступать в партию), а мать всю взрослую жизнь трудилась простым бухгалтером.

Насколько было известно Юре, у Алексея с Леной всё развивалось совершенно неспешно и платонически – в виде прогулок на свежем воздухе, посещения театров и кино, сов-

местного празднования дней рождения. На выпускном они обнимались и целовались, уединившись в школьном саду. Дальше, как откровенно поделился Иванников, перефразируя генерального секретаря, процесс не пошел. Вузовская круговерть оставила меньше простора для лирики: Лена и Алексей занимались в разные смены, к тому же ее истфак базировался в другом корпусе университета. А его депутатство с командировками свело понятие личной жизни к чистой абстракции.

Развязка произошла за полмесяца до утреннего визита Иванникова. Ничто не предвещало такой исход. Воскресную поездку на природу затеял сам Алексей, избрав ее конечным пунктом турбазу общей альма-матер. Кроме него, Лены и Юры, в путь отправилась девушка по имени Катя, тоже студентка истфака. Ехали, как в былые времена, сначала на электричке, затем на битком набитом автобусе до близлежащего пионерлагеря – водитель обслуживал его и калымил, беря левых пассажиров. Что касалось турбазы, Алексей знал ее окрестности как свои пять пальцев и уверенно повел компанию мимо деревянных летних домиков вдоль петлявшей сквозь камыши речки.

Заветное место оказалось неподалеку, где сосновый лес подбирался почти к самой кромке берега. Песчаного пятачка хватило как раз для них. Расстелили принесенные с собой полотенца, одежду побросали на бревно и через пять минут уже купались и ныряли, поднимая брызги. День выдался чу-

десным: после дождей, в конце рабочей недели нагрывавших откуда-то с востока, снова припекало солнце, а вода, вопреки поверью насчет Ильина дня, несколько не успела остыть. На мелководье безбоязненно резвилась мелкая рыбешка, и Алексей сказал, что здесь водятся раки.

После купания все растянулись на полотенцах, подставляя тела солнечным лучам. Мигом проснувшийся зверский голод утолили заранее нарезанными огурцами, помидорами и поделенным по-братски цыпленком табака. Еду запили домашним компотом из вместительного термоса, который прихватил с собой Юра.

– Я и не думала, что депутаты как простой народ отдыхают, – лукаво заметила Катя, которая улеглась на спину и закинула руки за голову.

Алексей усмехнулся.

– Настоящий депутат неотделим от народа.

– Твоя газета писала, как сюда из обкома ездили?

Подруга Лены не церемонилась говорить народному избраннику «ты». Она вообще, как понял Юра, была не из стеснительных. Ее розовый купальник скрывал ровно то, что уже категорически нельзя было не скрывать, а во время ныряния, казалось, распрощается с хозяйкой и безвозвратно уплывет по течению. Он подчеркивал, что Катя тоже не чуралась занятий спортом и регулярно принимала солнечные ванны.

– Своей газеты у меня нет, ее Совет учредил, – миролюбиво разъяснил Иванников, поудобнее устраиваясь на левом

боку и пальцами правой руки теребя свой вечный брелок.

Совсем недавно бойкие журналисты опубликовали разоблачительную статью о чиновниках-партократах, которые нарушили правила въезда в лесной массив, пили и пели, не оплатив аренду домика. Комиссия по гласности настрочила по этому поводу запрос.

– А хотел бы свою? Собственную?

– Частную?

– Ну да. Сейчас всё можно.

Лена молча слушала их беседу, лежа спиной к солнцу. Ее купальник был чуть целомудреннее, чем у Кати. А в больших карих глазах застыло какое-то напряжение, появившееся сейчас, на берегу. Она словно хотела высказать что-то, но сдерживалась. «Ревнует?» – предположил Юра.

– Для бизнеса нужен талант, – ответил Алексей.

– Мне кажется, одной власти достаточно, – возразила Катя. – Если с умом пользоваться.

Лена кашлянула.

– Давайте хоть тут без политики?

– Подождете минут десять? Я до лодочной станции и обратно, – Алексей поднялся и стряхнул с локтя прилипший песок.

– Я с тобой, – решительно заявила Лена.

Когда они скрылись за кустами, Катя повернулась к Юре. В полной тишине, которую подчеркивало только редкое стрекотание кузнечика, она смотрела на него до тех пор, пока

он не покраснел. Как сообразил Юра, Лена позвала подругу, скорее всего, по просьбе Алексея – чтобы не было скучно ему, Юре. Вряд ли за ее приглашением скрывалось что-то еще.

– Ты в науку собрался, значит?

– Если получится. До аспирантуры дожить надо, – ответил он.

– Потом в универе останешься?

Юра перевел взгляд с ее груди под мокрой полоской ткани на бревно с одеждой.

– Так надолго я не загадываю.

Диалог с почти полностью раздетой девушкой клеился трудновато. У Алексея, как смутно догадывался его друг, с противоположным полом всё-таки происходило что-то по-серьезнее поцелуев и объятий под яблонями. В конце концов, разве могло быть иначе у человека, близкого к эталону? Сам же Юра точно застрял на этапе гуляний и вздохов, сознательно не форсируя события. О серьезных намерениях, по его понятиям, пока не могло быть и речи, а склонности к донжуанству он не имел.

Причина была в том, что в семье Юру воспитывали в строгих правилах. Мать с отцом прожили в первом и единственном браке двадцать три года и свято верили в истинность своей концепции. В итоге сын вырос довольно далеким от тех своих сверстников, которым не терпелось удовлетворить одну из основных физиологических потребностей. Юра не

бегал подсматривать, встав на ящик от стеклотары, в окошко женской бани, а позднее не посещал дискотеки, где можно было пройти курс мануальной подготовки. К дискотекам он был равнодушен еще и потому, что у него напрочь отсутствовал музыкальный слух – в отличие, кстати, от того же Алексея.

– Если приглашу на свидание, придешь?

Вопрос, заданный Катей, застал его врасплох.

– Ты меня?

Она рассмеялась неожиданно приятным, озорным смехом.

– Соглашайся, пока не передумала.

«Иванников бы не мешкал», – пронеслось в голове у Юры.

Катя встала с полотенца и потянулась, как после сна.

– Сплываем до того берега и обратно? – предложила она.

Прошло гораздо больше десяти минут, и Юра с Катей успели сплавить и еще поваляться на солнышке, когда раздался скрип весел в уключинах, а потом из-за поворота реки показалась лодка с надписью «Буревестник». Алексей грёб, Лена сидела на корме. Правое запястье друга было обмотано тонким ремешком, продетым через брелок.

– Объявляется посадка! – призывно крикнул Алексей.

В его глазах читался тот особенный блеск, который Юра видел в разных непростых ситуациях. Лена, наоборот, казалась подавленной.

– Давай, грузимся! – скомандовала Катя.

Они совершили целое путешествие вверх и вниз по течению, опять купались и загорали. Алексей был в ударе: шутки с анекдотами так и сыпались из него, Юра только улыбался в ответ, Катя заливисто хохотала. Лена реагировала вяло, но никто не задал ей вопрос, в чем проблема. С девушками молодые люди расстались на вокзале, выйдя из электрички. Те отказались от провожания, поскольку жили по соседству. На прощание Катя обняла Юру и жарко шепнула на ухо: «Жди, позвоню». Уже идя с Алексеем прочь от привокзальной площади, он сообразил, что не дал ей свой номер.

– Лена уезжает, – сквозь зубы проговорил Алексей, когда они в сумерках миновали здание горсовета и горисполкома без единого огонька в окнах.

– Надолго? – спросил Юра.

– Навсегда.

Смысл фразы был в следующем. Родители Лены отыскиали у себя какие-то древние корни и подали заявление на выезд за рубеж – для воссоединения с родней по линии прабабушки. Оказывается, эпопея тянулась долго, а теперь поступил положительный ответ. Хорошо, что отцовский завод не был оборонным, иначе и перестройка не помогла бы. Так сказала Лена со слов своей мамы.

– Как же ты? – опешил Юра.

– Я остаюсь, конечно, – ответил его друг и депутат.

Диктор в телевизоре в очередной раз огласил заявление

ГКЧП и указ вице-президента, взявшего на себя президентские полномочия. «Интересно, закроют границы или нет? Вот и уехала Лена в свою Канаду... или куда они собрались? Да, покатались мы на лодочке...» Эти мысли плавно сменили одна другую, а затем из комнаты послышался жуткий грохот. Юра вскочил, как ужаленный. Через несколько секунд его взору предстало зрелище рассыпанных по полу бумаг и валяющейся возле шкафа распаханной папки. Барсик занимал позицию на диване: глаза вытаращены, уши прижаты, туловище готово к броску и бегству.

– Ах ты, жопа мохнатая!

При следующем шаге Юры кот пулей пронесся мимо него в прихожую. Изменив направление движения и чуть не врезавшись в стену, он всё-таки вырулил на скользком линолеуме и с топотом скрылся в комнате сестры Инги. Привычка домашнего любимца запрыгивать на верхотуру не была вовремя учтена. Случайно он задел то, что не должен был задевать, или злонамеренно спихнул своей лапкой – какая, в сущности, разница?

Юра присел на корточки, чтобы разобраться в учиненном безобразии. Содержимое туго набитой папки не только рассыпалось, но и перемешалось. Были здесь какие-то документы на украинском и, кажется, литовском языках, были платежные ведомости, копии чеков и чьи-то расписки, акты и счета-фактуры, была программа обучающего семинара на английском. Привести всё это в изначальный порядок, разу-

меется, не смог бы никто из смертных. Юра вздохнул и начал элементарно складывать бумаги в стопку.

Приобщив к стопке очередную расписку, он остановился. На листе из тетради в клетку был прекрасно знакомый ему по вузовским конспектам почерк Алексея. «Это нехорошо, но я ему завидую. Иногда просто мучительно. Ничего не могу с собой поделатъ», – прочел Юра. Первая мысль была почему-то: «Сочинение», хотя после вступительного экзамена они больше не писали сочинений. Вторая – о том, зачем оно оказалось среди бумаг, не предназначенных для чужих глаз.

Он взялся читать дальше, почему-то отстраненно подумав о том, что это не совсем прилично. А, изучив весь текст с обеих сторон листа, испытал потрясение. Перед ним был фрагмент дневника, который набегам вел Алексей. Здесь же лежали другие страницы, мелко исписанные от руки. Они тоже рассыпались в беспорядке, поскольку и до удара об пол держались в общей тетрадке еле-еле. На фабрике явно пожалели клея.

Страницы не были пронумерованы, и Юра, чтобы вернуть их в исходное состояние, вынужденно продолжил чтение. Он торопился и перескакивал с пятого на десятое, но уже очень скоро перед ним вырисовалась картина, о которой он никогда не подозревал.

Идеальный друг был далеко не идеален. Гонка за золотой медалью держала его в напряжении с начальной школы, год за годом, почти без перерывов и выходных. При отсутствии

братьев и сестер от продолжателя фамилии требовали только лучших результатов, не признавая за ним права на осечку. Он должен был пойти по стопам отца – заслуженного ученого, труды которого публиковали толстые академические журналы. Математика считалась безусловным приоритетом. «К девятому классу я ее дико возненавидел», – писал не для печати Алексей.

Возражать диктовавшим свою волю родителям он не мог и не умел. Те выросли в не слишком интеллигентных семьях, где мнением детей никто не интересовался, сами пробивали себе дорогу, придавая главное значение трудолюбию и ценя знания. Причем под знаниями подразумевались естественные дисциплины, а не изменчиво-конъюнктурная «гуманитарщина», как выражался Иванников-старший. И быть бы Иванникову-младшему студентом математического факультета, если б однажды, под Новый год, не появился в их квартире почти забытый, но близкий родственник.

Дядя Саша, младший из отцовских братьев, высоченный и громогласный, прикатил из Сибири. В предыдущий раз Алексей видел его, наверное, лет в шесть. Профессия геолога носила дядю Сашу по разным удивительным местам огромной страны. На этот раз он вел изыскания в бассейне Ангары или Енисея (точно Алексей не запомнил). Племянник уже вымахал почти с него ростом, но оробел перед лицом такого незаурядного человека.

Для всех членов семьи дядя привез подарки – кедровые

орехи, банку мёда, копченую рыбу, которая пахла невероятно вкусно. Под свои взрослые разговоры на кухне старшие выпили по рюмке сибирской настойки. Иванниковы не вовлекали сына в подобные ритуалы, и Алексей сидел у себя в комнате с томиком Джека Лондона. Сегодня ему было можно взять тайм-аут. Он добрался до места в книге, где Мартин Иден вспоминал о том, как голодал и ходил оборванцем, а его произведения никого не интересовали. В этот миг из-за двери донесся голос дяди Саши:

– Пустишь на минутку?

Он вошел и заполнил собой почти всё свободное пространство – человек из другого, необъятного мира, где настоящие мужчины сами решали, как им жить. Во всяком случае, так думал тогда Алексей.

– Я ведь тебе ничего не подарил, – сказал дядя Саша. – Держи-ка.

На его широкой, жесткой ладони лежала серая костяная пластинка с круглым отверстием посередине. При ближайшем рассмотрении было видно, что ее украшает затейливый орнамент – загадочные письмена или рисунок, напоминавший наскальную живопись пещерных племен.

– Спасибо, – вежливо ответил Алексей. – А что это?

– Говорят, амулет. Но помогает не каждому.

– Откуда он?

– У шамана выменял, на спирт, – сообщил дядя Саша.

– У настоящего шамана?

– Местные его так называют. Вообще, он фельдшер в поселке.

Амулет был бугристым на ощупь и показался Алексею неожиданно теплым – возможно, после горячей дядиной руки.

– Носи на здоровье, – напутствовал его далекий и в то же время близкий родственник.

«Вот, значит, какой у него брелок», – мысленно произнес Юра. Следующая по счету страница дневника, которую он выудил из бумажного вороха, добавила ощущения нереального.

«Я не очень поверил дяде Саше, – писал Алексей. – Какие в декабре 1985 года шаманы и чудеса? Подарок сунул в карман рубашки, вернулся к «Мартину Идену» и вспомнил про него только утром, когда одевался. Амулет выпал на пол, я поднял его и почувствовал, что он по-прежнему теплый. Рубашка висела на спинке стула, далеко от батареи, к тому же в квартире было прохладно. Топили плохо при минус двадцати на улице. Я удивился, потрогал еще, потер».

Потерев пластинку из кости, Алексей, по его собственным словам, ощутил, как его наполняет невероятная сила. Он почему-то сразу понял и принял как данность, что может решить любую задачу, и совсем не обязательно математическую. В спину ему как будто подул попутный ветер (при этом сравнении Юра вспомнил свои впечатления от происходившего в ДК).

Дядя Саша рано уехал в аэропорт, и к семейному завтраку вышли из спальни только отец с матерью. Алексей не стал откладывать то, что, по его убеждению, назрело и перезрело.

– Во-первых, я не буду поступать на математический факультет. Мягко говоря, мне глубоко безразличен этот предмет. Во-вторых, я сам выберу интересующую меня профессию. Ничьи советы слушать не собираюсь. В-третьих, время опеки прошло. Я намерен планировать свое время так, как захочу, и в контроле не нуждаюсь. Уж точно не стану больше тайком читать книжки под одеялом, – отчеканил он, не дав родителям сказать ни слова.

Мама охнула и пролила заварку мимо чашки. Отец глядел на сына исподлобья секунд двадцать или тридцать, потом отреагировал:

– Хорошо. Делай, что считаешь правильным.

Не последовало ни взрыва эмоций, ни упрека в неблагодарности. Он словно подвел итог обсуждению теоремы.

– Но как же...

Договорить маме не удалось.

– Насильно мил не будешь. Мы, правда, что-то увлеклись.

Пусть решает сам и отвечает за свои поступки.

После этих слов отца Алексей безоговорочно уверовал в волшебные свойства амулета.

Юра по-турецки сидел на полу и заканчивал восстанавливать дневник друга, страница за страницей. Признание на-

счет зависти относилось к нему. Оно потрясло не меньше, чем история с подарком из Сибири. Прибегая к помощи амулета, Алексей всё сильнее зависел от него. Сначала он опасался таинственной вещи от шамана, использовал ее редко, только дома, и носил с собой, не доставая – до того комсомольского собрания. Тогда многочисленные обвинители не приняли никакого решения, отклонившись от намеченного сценария. На заседании вузовского комитета Иванников, положившись на себя, проиграл. С тех пор он больше не рисковал и в любой сложной или важной для себя ситуации тер костяную пластинку с дырочкой. Даже на людях.

«Он живет по своим правилам, и у него получается. Не депутат, ну и что? Знает, чего хочет. Идет к цели шаг за шагом. Просто остается собой», – именно о Юре написал недавно Алексей. Была в самом конце дневника и запись о разговоре с Леной на речке.

– Ты чего вообще хочешь? – спросила она своего давнего друга и поклонника.

– В смысле?

– В прямом. Я, например, хочу обычной жизни в нормальной стране. Без талонов, дефицита, обмена денег. Для себя хочу пожить. Семью, детей потом.

– Чем тебе страна не подошла? Подожди немного, постепенно всё наладим, как у них, – пообещал Алексей.

– Не тешь себя иллюзиями. Не наладите, – холодно ответила Лена.

Он еще говорил и говорил, убеждал и доказывал, однако амулет впервые не подействовал. Ночь после поездки на турбазу прошла между сном и явью, а когда удавалось забыться, мучили кошмары. Алексей, задыхаясь, бежал по горячей тайге, за его спиной с треском и грохотом рушились вековые деревья, вихрем кружились багровые искры. Пожар остался позади, но тут поперек тропы сгустились чьи-то тени. Вскинув левой рукой щит из шкуры какого-то косматого зверя, он сумел остановить первую стрелу. Спустя мгновение вторая вонзилась ему в правый бок, между ребер. Земля, покрытая мхом, рванулась навстречу и больно ударила в лицо. Стрела в боку обломилась, оставляя внутри наконечник из камня. Он почувствовал, как соленая кровь потекла изо рта, сжал пальцами бесполезный амулет и... проснулся.

«Оставлю его на время в секретной папке. Или даже навсегда, посмотрим». На этой записи двухнедельной давности дневник Алексея обрывался.

Юра бережно подровнял стопку страниц из развалившейся тетради, обернул обложкой со следами клея. Под глянцевым рекламным буклетом с изображением сенатора США от Республиканской партии он обнаружил целлофановый пакетик, перевязанный знакомым ремешком. Открывать его и трогать шаманский брелок не стал, вложил в середину стопки.

Алексей позвонил около часа дня – похоже, из телефона-автомата. Голос был напряженным.

– Что у тебя?

– Ничего, уборкой занимался, – сказал почти всю правду Юра.

– Не беспокоил никто?

– Нет.

– Жди, скоро буду.

Его «скоро» затянулось почти на час. Юра успел пожарить и съесть яичницу, помыть посуду и собрать сумку в дорогу. На месте не сиделось, было желание занять себя чем угодно.

– Поехали со мной, – предложил он, когда Алексей переступил порог квартиры.

– Ты на самолете? – спросил тот, судя по выражению лица, размышляя о своем.

– Поездом до Новороссийска, оттуда на автобусе. Билет с рук купим, или бронь выкинут. Жилье какое-нибудь найдем. Поехали, бросай к чёрту всю эту канитель.

Друг рассеянно поглядел на него васильковыми глазами без малейшего блеска.

– Я не могу. Папку спрятал?

– За нее не волнуйся, – заверил Юра.

Папку для служебного пользования он капитально перетянул шпагатом, который откопал в ящике с инструментами под ванной, и пристроил в диван, вместо зимних сапог. Коробка с сапогами отныне стояла на шкафу, не оставляя Барсику оперативного простора для запрыгивания.

– Спасибо, – сказал Алексей. – А я в Москву сегодня. С

Новицким говорил, он в «Белом доме».

Было ясно, что агитировать его за Кабардинку бесполезно. Юре захотелось рассказать ему о своей нечаянной находке и о том, что он знает тайну амулета, но никому не выдаст ее. Он уже почти решился, но Алексей разрушил его замысел.

– Возьми, – протянул он Юре мятый листок из отрывного календаря.

На листке плохой шариковой ручкой было нацарапано шесть цифр.

– Что это?

– Домашний номер Катерины. Лена передала, специально для тебя, – пояснил Алексей. – Бери, не тормози.

Место силы

Офис туристического агентства «Гранд вояж», состоявший из двух смежных комнат, отличался оригинальным интерьером. У каждой его стены кроме той, где располагалась входная дверь, был свой цвет – красный, оранжевый, желтый, зеленый и далее согласно полосам радуги. Половину одной из них занимала подробнейшая рельефная карта мира от пола до потолка. Над ней, на уровне чуть выше человеческого роста, в ряд висели шесть одинаковых часов со стрелками. Они были настроены на разные пояса, от Нью-Йорка и Гринвича до Сингапура и Токио. Часы громко тикали. Стрелки перемещались короткими рывками.

Слева от входа вместо вешалки торчал бивень то ли слона, то ли носорога. Здесь же, начиная от двери, красовались авторские фото хозяйки. Все снимки были сделаны в ходе многочисленных путешествий по разным континентам Земли. Таким образом, первая и меньшая комната служила сразу выставкой и холлом. Сама хозяйка, закутанная в фиолетовую шаль, сидела в большей из комнат, как раз под часами – на полукруглом возвышении, напоминавшем подиум. Между нею и посетителями было воздвигнуто нечто вроде кованого ажурного заборчика.

– С прибытием из Гренландии? – спросил Максим, помещивая чай слишком горячей ложечкой.

Крутящееся гостевое кресло, предложенное ему, стояло прямо перед заборчиком.

– С Фарерских островов, – уточнила Амалия.

– Здорово, – от всей души восхитился он.

Занимаясь проектами в сфере полиграфии, Максим чаще колесил по России. Самым экзотическим местом зарубежья, которое ему довелось посетить, был непризнанный мировым сообществом Северный Кипр. К Амалии он забрел по старой дружбе, случайно. Внезапно образовалось «окно» между парой деловых встреч, а до турагентства было рукой подать. Амалия искренне обрадовалась его визиту. Она только что вернулась из банка и предложила почаевничать, закусив бубликами. Предложение оказалось своевременным, так как в офисе было зябко.

– Ты чего лично по банкам таскаешься? – поинтересовался Максим, откладывая ложечку на фарфоровое блюдце. – Где твоя ассистентка? Как ее... Валя... Вера?

– Василина, – поправила его владелица «Гранд вояжа».

– Точно! Никак не запомню эти модные имена. Василины, Гэндальфы, Святогоры... И в управляющую компанию пускай ходит, топят еле-еле.

– Уволилась моя девушка.

– Зарплата маленькая?

Амалия отрицательно помотала головой.

– Зарплата небольшая, конечно. Откуда у меня большой взяться? Но ты же знаешь молодежь. Амбиции через край,

умнее всех себя считают. Она, видите ли, думала, что будет на Бали кататься или на Мальорку, а тут документацию вести надо, клиентов выслушивать.

– Другую взяла бы из числа перспективных. Их полно после вузов.

На эту рекомендацию Максима хозяйка-путешественница только рукой махнула.

– Брала. На неделю ровно.

– И куда делась?

– Вышла на обед и не вернулась.

– Да ладно, – не поверил Максим.

– Так и есть. Потом позвонила, ближе к вечеру, и говорит: мне, дескать, мама отсоветовала. Обещала устроить в налоговую.

– Не такими мы раньше были...

Если уж совсем честно, то у Максима имелся и вполне конкретный повод проведать Амалию. К этому шагу его сподвигло изучение ее наисвежайших фото в социальной сети. Вернее, фото заодно с постами к ним. Еще недавно «Гранд вояж» оказывал населению довольно стандартные услуги, в основном отправляя туристов на широко разрекламированные курорты. Безусловно лидировали отели, работавшие по системе «Всё включено». Платежеспособный контингент, как правило, выбирал варианты с максимальным расслаблением в треугольнике «бар – бассейн – пляж». Но с некоторых пор, когда экономику залихорадило, Амалия резко пе-

реключилась на другое.

Каждый ее вдохновенный текст теперь был посвящен плюсам внутреннего туризма. Отныне «Гранд вояж» воспевал закаты солнца на Балтийской косе, колдовские загадки острова Ольхон на Байкале и руины древнего Аркаима в уральской степи. Желаящим обменять за границу на отечественные просторы предлагались разнообразные бонусы. Разумеется, Максиму стало любопытно, много ли нашлось желающих.

– Что бизнес, процветает? – задал он следующий вопрос.

– Ой, не то слово! – живо реагировала Амалия. – Защищаюсь просто, ничего не успеваю.

Стол уволенной ассистентки возле окна действительно был завален папками с бумагами. Впрочем, зная хозяйку далеко не первый год, Максим с выводами не торопился. Познакомились они, когда Амалия была стажером в крупной сетевой компании, также практиковавшей на поприще туризма. Он неспешно подбирал себе тур в Грецию, она набиралась опыта для самостоятельного плавания в море предпринимательства и носила менее яркие наряды, не чета нынешним.

В предыдущие времена местом работы Амалии была средняя школа, где ее персональной сферой ответственности являлось воспитание учащихся. «Хороводы водили», – так она охарактеризовала свои прежние обязанности. Новое призвание Амалия открыла в себе, увидав Тадж-Махал и ре-

ку Ганг в Индии. Путевку туда ей купил муж, генеральный директор нескольких фирм и муниципальный депутат. Он же впоследствии арендовал офис и оплатил экстравагантный ремонт, после чего перестал вникать в дела жены.

Увлекающаяся натура требовала выхода. Из стажеров перейдя в руководители, Амалия записалась на кучу курсов по повышению личностного и профессионального уровня. Круто изменив свою жизнь после сорока, она как будто наверстывала упущенное. Максим был человеком более консервативным. Профессию, которая кормила его с юности, он не торопился сменить на другую, периодически повторяя про себя: «Надо делать то, что получается».

– То есть, повернулся народ лицом к своей стране? Осознал?

Тут Амалия не дала ясного ответа, вместо него без паузы пустившись в несколько иные рассуждения.

– Ольхон – это такое место силы, где ты ощущаешь полное духовное перерождение! Необъятный простор до горизонта, бездонная пучина озера, прямая связь с космосом! Через тебя буквально хлещут потоки энергии!

Максим вежливо покивал, вспоминая ее последние фотографии. На них Амалия, бурно переживавшая вторую молодость, распускала длинные, ниже талии, волосы, запрокидывала голову, оголяла плечи и ноги, демонически щурилась и вздымала руки к небу. В витиеватых выражениях она призывала подписчиков раскрепостить свое «я» и полностью

слиться с матерью-планетой. Ему стало интересно, что, например, думает по этому поводу муж-депутат. Хотя вряд ли тот вообще успевал о чем-нибудь толком подумать, день-деньской мотаясь по городу между своими фирмами и офисами партнеров.

– На Фарерах силы нет?

– Скучновато, – небрежно сказала она. – Овцы, домишки.

Но разок можно прокатиться.

– Курсы так же посещаешь? – спросил Максим для поддержания диалога и отпил из чашки.

– О, насчет курсов совершенно особая тема! Я недавно была на тренинге у Альберта Выдрина.

– У кого?

– Выдрина не знаешь? – изумилась Амалия.

Покопавшись в глубинах памяти, Максим вспомнил увиденную где-то афишу. С нее умеренно небритый мужчина в концертном пиджаке и галстук-бабочке указывал перстом на прохожих и взывал, подобно красноармейцу эпохи Гражданской войны: «Ты прокачался у меня?» Никаких других сведений о персонаже он не имел.

– Альберт Выдрин – ведущий коуч в номинации «Духовные практики», президент Всероссийского конгресса бизнес-наставников, – разъяснила Амалия.

– Духовный практик? Батюшка, что ли?

– Сам ты батюшка. Духовные практики... как бы проще сказать, подступнее... это что-то вроде йоги. А он ис-

пользует их в своей образовательной деятельности. На его тренинги в «Олимпийском» по десять тысяч человек собиралось. Из регионов специально ехали.

– Ты тоже?

– Я не успела. Узнала поздно, все билеты размели, даже с рук. Только видео посмотрела, – с нескрываемым сожалением поведала Амалия. – Зато потом, когда он к нам приезжал, я в первый ряд попала.

– Что же вы все делали, просто сидели и слушали его? – Максим был сама серьезность, внутренне норовя хихикнуть.

– Не просто. Был сеанс коллективной медитации, это первый шаг к трансформированному сознанию.

– Зачем же его трансформировать?

Амалия метнула на Максима внимательный взгляд, но не уловила в облике приятеля ничего крамольного.

– Трансформировать необходимо, если стремишься к новым рубежам. Иначе старая сущность будет тянуть назад в хаос, мешать прогрессу.

– Прогрессу в чем?

– Во всём. В бизнесе, интеллектуальном совершенствовании, личной жизни.

Слова про личную жизнь вызвали у Максима дополнительный интерес.

– Слушай, у тебя-то в семье порядок. Может, не обязательно прокачиваться?

В семье у Амалии, кроме мужа-депутата, была дочь-сту-

дентка, мечтавшая об артистической карьере. Кроме регулярного участия в каких-то массовках, эта энергичная де-вушка рассылала резюме по всем киностудиям и заочно учи-лась в академии гримеров-визажистов. Родители узнавали о ее инициативах задним числом, но обычно не перечили единственному чаду. Все трое давно функционировали по своим отдельным, не пересекавшимся программам. Это и называлось порядком.

– Методика так не работает, – возразила продвинутая вла-делица турагентства. – Тренинг приобретается пакетом.

– Дорого?

Максим только присвистнул, когда Амалия назвала цену.

– Не слабо! Я лучше в Гренландию слетал бы. Или чуть поближе, в Исландию. Там «Игру престолов» снимали.

– Подобные вложения окупаются с лихвой, – как по писа-ному парировала собеседница. – А игры – это, знаешь, для тех, кто не думает о завтрашнем дне.

Про завтрашний день думалось, и правда, плоховато. Курс рубля отправился в очередное пике, так что надо бы-ло спасти свои активы сегодня. Максим, к счастью, вовремя подсуетился благодаря подсказке друга-финансиста, обратив сбережения в твердую валюту. Туристическому же рынку, по его мнению, предстояло пройти сквозь мощный шторм.

– Не боишься, значит, кризиса?

– Инвестирую в себя. Выдрин так и советует, – уверенно подытожила Амалия. – В сорок пять всё только начинается.

Она хотела добавить еще что-то, но мобильник выдал мелодию песни про лабутены.

– Агентство «Гранд вояж», – приветливо отозвалась хозяйка. – Да... Да... Нет... Нет... Вы нас неверно поняли... Тур не отменяется, мы готовы предложить вам замену. Да, абсолютно адекватную. Да, в окрестности Онежского озера... Что?.. Извините, мы действуем строго в рамках постановления правительства...

Абонент, кажется, общался с ней в повышенном тоне. Максим допивал остывший чай и с любопытством прислушивался к разговору, однако из трубки до него доносилось что-то совсем нечленораздельное. Он показал жестом: «Может, я мешаю?» Она успокаивающе помахала свободной рукой: сиди, мол.

Когда Амалия отложила телефон, в холле отрывисто брякнул колокольчик. В отсутствие ассистентки встречать-привечать посетителей было некому, и они спустя несколько секунд появились в главной комнате без помощи провожатых. Точнее, речь шла о посетительницах – двух блондинках лет тридцати пяти, одной повыше, другой пониже ростом.

Судя по облачению, обе далеко не бедствовали. Та, что повыше, была в стильном клетчатом пальто и берете, а под мышкой держала крохотную моську в ошейнике со стразами. Та, что пониже, носила столь же элегантное пальто без клетки, не пользуясь головным убором. Вместо моськи у нее была серебристая сумочка-сундучок с цифровым замком.

На лице у Амалии тотчас отразилось страдание. Ее большие круглые глаза с поволокой сделались еще больше и круглее.

– Мы к вам, и вот по какому вопросу... – решительно начала первая блондинка.

Моська на ее руке беспокойно тряхнула мохнатыми ушами.

– Простите, мне пора, – пробормотал Максим, филигранно ставя чашку с блюдцем на краешек стола и поднимая зад с кресла.

Уже из холла, совмещенного с выставкой, он услышал, что, оказывается, незадачливые путешественницы внесли предоплату за круиз вокруг Испании с Португалией, но в связи с текущими событиями путевки подорожали ровно вдвое. Отдуться за правительство выпало всё той же хозяйке агентства.

С тех пор прошло уже месяца три, а то и больше. Максим успел съездить в одну из своих долгих командировок и вернуться. Обвал рубля и меры властей в связи с ним были вдоль и поперек проанализированы толпой экспертов. Город за это время изменился мало. Кое-какие заведения на главном проспекте закрылись, кое-какие письменно уведомляли прохожих, что проводят финальную распродажу.

Идя прогулочным шагом вдоль первой линии, он сам не заметил, как очутился возле офиса Амалии. Броской, всех

цветов радуги вывески «Гранд вояжа» больше не было. Рабочий со стремянкой крепил нечто взамен нее. Максиму стало грустно. По натуре своей человек незлой, он всегда сочувствовал чужой беде.

Что-то заставило его приблизиться. На входной двери, видимо, пока вместо вывески, было приклеено подобие плаката. Центр духовных практик «Озарение» извещал, что завершается набор слушателей на тренинг личностного роста. Тех, кто достигнет полной трансформации, ожидала групповая поездка к местам силы, с медитацией на лоне природы.

Главным украшением плаката служило до боли знакомое фото с распущенными волосами. Амалия была представлена как сертифицированный специалист, наставник и коуч. «По методу Альберта Выдрина», – уточнялось мелким шрифтом.

– Да уж, в сорок пять всё только начинается, – вырвалось у Максима.

Рабочий поднатужился, крикнул и наконец водрузил обновленную вывеску на место.

Социальный статус

– Уважаемые пассажиры, занимайте обе стороны эскалатора...

Из туч над Москвой лил холодный сентябрьский дождь, а под землей, на станции метро «Алексеевская», был утренний час пик. Вадим сидел на лавке в дальнем конце зала, поджав ноги, чтобы никто не наступил на его почти новые кроссовки. Обувать что-то более официальное он не стал, хотя ему предстояло пообщаться с учредителем и генеральным директором издательства деловой прессы.

Добраться до офиса, где соискателю назначили аудиенцию, можно было всего минут за двадцать, но Вадим вышел из дома заранее. Перед поездкой он предполагал прогуляться для пущей ясности сознания, однако шлепать по пузырящимся лужам расхотел. Теперь Вадим слушал грохот поездов, гул толпы и периодические объявления дежурной у эскалатора. Ехать не тянуло совершенно.

Предварительное собеседование с ним провел зам генерального по кадрам – мелкий мужчина с пухлым лицом и носом картошкой, редким белесым чубчиком и глазами неопределенного цвета, то ли серо-голубыми, то ли голубовато-серыми. В ходе разговора он постоянно потирал руки, а после каждой реплики зачем-то облизывался.

– Э-э, я так понимаю, ситуация у нас щекотливая, – начал

он вступительную речь.

Ситуация была действительно щекотливой. В этом издательстве Вадиму раньше уже довелось поработать. Журналист по образованию, он впервые попал туда пять лет назад, принятый на должность специального корреспондента. Освещать предстояло экономические форумы и выставки, постоянно проводимые в столице. Кое-какой подходящий опыт у Вадима имелся: перестав быть помощником депутата у себя в Саратове, он там же, месяцев семь или восемь до переезда сюда, вел колонку в глянцевого журнале под псевдонимом «Афанасий Финансов, системный аналитик». Колонка посвящалась событиям провинциальной политики, а заодно и бизнес-процессам, с нею связанными.

– Ваше обращение... э-э... рассматривалось особенно тщательно, – продолжил зам по кадрам, предварительно облизнувшись. – Вообще, тех, кто от нас однажды увольнялся, мы обратно не берем.

Вадим знал за собой такой грех. На третьем году беспорочного труда он расстался с издательством, поддавшись на посулы земляка и старого друга Иннокентия. Тот как раз покидал редакцию корпоративного издания при очень крутом государственном концерне и срочно искал себе замену. Кеше светило место в известном пиар-агентстве на Тверской. «Дуй сюда! – горячо убеждал он Вадима в преимуществах редакции. – Премия раз в квартал, годовой бонус, перспектива роста до шеф-редактора!»

В другое время Вадим, возможно, спросил бы, почему Кеше самому не остаться навеки в этом раю. Увы, подвело ощущение замкнутого круга, в который уже стали превращаться его хождения по одним и тем же отелям, конференц-залам и выставочным центрам. Да и концерт был реально (или скорее нереально) крут. Несколько премий и один бонус там даже удалось получить. Потом наметились проблемы. Сначала отменили ежегодное вознаграждение для пишущих сотрудников. Дольше него держались, но всё равно пали жертвой финансового оздоровления квартальные премии. Как было заявлено свыше, в отрасли произошел временный спад, вызванный внешней конъюнктурой. Заключительным аккордом стало сокращение штатов. Вадим, принятый в редакцию позже остальных коллег, первым расписался под строчкой «С приказом ознакомлен».

– Вениамину Сергеевичу доложили... э-э... о вашем желании вернуться, – сказал зам по кадрам. – Он, конечно, человек отзывчивый...

Вениамином Сергеевичем звали того самого гендиректора и учредителя издательства деловой прессы. От текущих вопросов он давно дистанцировался и обозначал лишь общий курс компании, по полдня и более проводя на переговорах. При этом натурально имел репутацию человека незлого, могущего вникнуть в нужды подчиненных. Когда Вадим прощался со своей первой московской работой, Вениамин Сергеевич лично пожал ему руку и пожелал творческих

успехов. Впрочем, в его взгляде тогда промелькнуло что-то вроде укоризны. Хотя не исключено, что Вадиму это просто померещилось.

– Вакансия специального корреспондента закрыта, – подытожил кадровик, так и не перестав облизываться. – Могу предложить только позицию младшего редактора.

Ниже этой позиции в большом коллективе из двухсот человек не было ничего. В обязанности ее обладателя входила литературная обработка длиннейших и скучнейших текстов об отдельных нюансах бухгалтерского учета и налогообложения. Подобное назначение было для Вадима откровенным, образцово-показательным унижением, избежать которого не осталось ни малейшего шанса. На экстренно разосланное им резюме не отреагировали ни в одном приличном офисе, а друг Иннокентий пообещал перезвонить не позже, чем вчера, и пропал. «Есть один очень интересный вариант», – многозначительно обронил он перед этим, наотрез отказавшись сообщить подробности. Вадим набрал его в одиннадцать вечера, но абонент был вне зоны доступа.

Сейчас, сидя на «Алексеевской», Вадим достал смартфон и снова проверил, доставлено ли вечернее сообщение. Рядом с именем «Кеша» по-прежнему стояла одна серая галочка.

– Эх, дружочек-пирожочек, – пробормотал он.

Рядом на лавке расположилась пара с большим дорожным чемоданом на колесиках: молодой человек лет двадцати пяти или двадцати семи и девушка – пожалуй, его ровесница.

Внешность у молодого человека была прямо киношная, чем-то напоминая Леонардо Ди Каприо на заре его голливудской карьеры. Девушка сидела спиной к Вадиму, и вместо лица он видел ее волнистые светлые волосы до плеч. Шум метро не позволял толком разобрать, о чем они говорят. Два долетевших до него слова «социальный статус» заставили Вадима вздрогнуть.

Это произошло здесь же, в конце зала, позапрошлым летом. Другую девушку звали Викой, и она была настоящим аналитиком – не со страниц малотиражного журнала, а из департамента мэрии. Вадим познакомился с ней через модную социальную сеть, назначив первое свидание у колоннады парка Горького. Ростом почти с него, стройная и спортивная, с короткой стрижкой, она явилась в длинном платье, которое не столько скрывало, сколько подчеркивало достоинства ее фигуры. Общение вживую завязалось легко, будто они знали друг друга уже массу времени. Версия насчет занятий спортом быстро подтвердилась.

– Я с шести лет на горных лыжах катаюсь, – сказал Вика.

– На Кавказе? – спросил Вадим.

– Нет, в Австрии, – запросто ответила она.

Вадим уже полтора десятка лет не становился на лыжи и никогда не посещал Австрию, а его заграничные поездки ограничились Турцией и Грецией, но у них и без того обнаружилось много общих тем. Выяснилось, что Вика хотела по-

ступать на факультет журналистики МГУ и чуть ли не в последний момент приняла другое решение под влиянием родителей. Выбрать более основательную, по его определению, профессию ей посоветовал отец, ведущий акционер и топ-менеджер нефтеперерабатывающего завода в Тюменской области. Ужиная с Вадимом на веранде ресторана с видом на Москву-реку и Фрунзенскую набережную, Вика обмолвилась об этом так же непринужденно, как о своих вояжах в Альпы.

Он почти потерял голову от нее. Второе свидание состоялось на следующий день после первого. На этот раз они гуляли по ВДНХ, ели мороженое, вспоминали учебу и всякие забавные случаи из жизни, Вадим с увлечением фотографировал Вику возле фонтана «Дружба народов». Поздно вечером она довезла его до дома на своем черном BMW, и Вадим, прощаясь, поцеловал ее в щеку. Вике надо было возвращаться в Фили, где в новом, только что сданном жилом комплексе у девушки была собственная квартира. Он задержал ее руку в своей, и возникло ощущение, что Вика не против остаться. В тот миг он внезапно подумал о своей съемной однушке с крошечной кухней и мебелью из гарнитуров разных эпох, а еще почему-то о хозяйской люстре. Этот предмет с пожелтевшим от старости плафоном висел так низко, что Вадим регулярно стучался о него лбом.

В третий и последний раз они встретились только через неделю: у обоих грянул аврал на работе. Вика приехала на

метро, отдав машину в сервис, и прогулка завершилась на «Алексеевской». Прежде они прошли, болтая, мимо его дома на Большой Марьинской. Вадим долго думал, как ему поступить. Наконец внизу, в зале станции, он пригласил девушку присесть. Откашлялся, зачем-то сделал вращательное движение головой.

– Понимаешь, у нас с тобой разный социальный статус, – брякнул он без прелюдии, чтобы не тянуть.

– Что? – не поняла Вика.

– Ну, тебе кто-нибудь другой нужен, более значительный.

Она взглянула на Вадима так, что он едва не пожалел о своих словах.

– Ты себе хорошего найдешь, перспективного, – добавил он, отводя глаза и вставая с лавки.

– Главное, что сам человек думает о себе, – услышал Вадим, сделав шаг в сторону выхода, но не остановился и не оглянулся...

Воспоминания прервало сообщение от Кеши.

«Сегодня в 12.30 приходи с трудовой. Ждут».

У Вадима часто заколотилось сердце.

«Куда?» – набрал он дрожащим пальцем.

«На Охотный, 1».

«Там кто?»

«Глухов, депутат Госдумы».

«Кем?»

«Пресс-секретарем».

«А что по деньгам?»

«В два раза больше, чем в газете. Я за тебя ручался».

«Я Глухова не знаю», – написал Вадим, чувствуя, как его наполняет дикая радость, как тянет вскочить и пуститься в пляс посреди толпы.

«Вот и узнаешь», – логично ответил Иннокентий.

Ольга поняла всё, едва Игорь начал говорить. Глупо было надеяться на что-то иное. Выборы прошли, карета превратилась в тыкву. Он из водителя закрывшегося вчера избирательного штаба стал безработным на взятой в кредит KIA, живущим к тому же с мамой-пенсионеркой в тесной двушке. Обратный путь лежал туда же, откуда Игоря взяли по объявлению: в таксисты. Для нее, вчерашнего автора агитационных текстов и спичей, с которыми выступал народный избранник, московский проект длиной в полгода тоже подкатил к финишу.

Она, как и ее кратковременный спутник, возвращалась в исходное положение: подхалтуривать случайной писаниной, не особенно шикавать и терпеливо ждать очередного выезда на кампанию. Ольга очень-очень уповала на то, что в следующем году нынешний работодатель, маститый политтехнолог со стажем, вспомнит о ней и снова куда-нибудь позовет. Всё равно куда, хоть в Сибирь или на Камчатку. В сезон без федеральных выборов и множества заказчиков человеку ее профессии привередничать не рекомендовалось.

Роман с Игорем был случайным и скоротечным. Всё закрутилось, когда он отвозил Ольгу в типографию, где ей предстояло забрать пробный экземпляр буклета с рассказом о депутатских достоинствах. Игорь галантно распахнул перед ней дверцу и, будто по наитию, сразу настроил приемник на ее любимую со студенческих лет группу. Они абсолютно синхронно улыбнулись друг другу, чтобы тем же вечером отправиться в кинотеатр, на последний сеанс, а оттуда к ней в гости. Ольге было легко с Игорем: он не задавал лишних вопросов, водил в непринужденной манере, будто одной левой, и жил в целом так же. Чего еще желать после вечной штабной нервотрепки? Их любимым местом для автомобильных прогулок быстро сделались Воробьевы горы, откуда открывалась потрясающая перспектива сиявшей огнями Москвы.

Сегодня настала пора подвести итоги. Победив на выборах, заказчик дал технологу от ворот поворот. Хотя в штабе упорно носился слух, что Ольгу оставят за ее острый ум и журналистские способности, а то и сделают депутатским пресс-секретарем на окладе, выигравшую команду, которая состояла из иногородних специалистов, проводили восвоиса. В принципе это была обычная практика. Родители уже позвонили Ольге и выразили надежду на то, что она бросит свои странствия с непонятными людьми, остепенится и выйдет замуж. Приводили в пример подруг и старшую сестру, которая ждала двойню.

– Ты давай, заходи, если в Москве будешь. Не стесняйся

– фальшиво пробормотал Игорь.

И откуда он выкопал эту фразу про социальный статус? Уж точно не из книжек, которых после окончания школы вообще не читал. Наверное, услышал по радио, наткнувшись на чье-то интервью.

Она промолчала в ответ и смотрела ему в спину, пока эскалатор не увез его навсегда. Слезы сами полились из глаз, и рука не поднималась сделать хоть что-то. Игорь предлагал подбросить ее с багажом до вокзала, но Ольга отказалась. Времени в любом случае оставался целый вагон: покинуть теплую и уютную квартиру на Новоалексеевской улице, за полгода ставшую для нее такой привычной, пришлось рано утром из-за хозяйки. Той отчего-то было недосуг подождать до обеда, чтобы проверить сохранность имущества и вернуть залог.

– Зачем вы плачете? Не надо, – раздался чей-то голос.

Мужчина с виду лет тридцати пяти или чуть постарше, рослый брюнет довольно рядовой наружности с аккуратной щетиной на лице, участливо наклонился к ней. Кажется, он сидел рядом, пока они с Игорем прощались. Или не он?

– Всё пройдет, – через силу произнесла Ольга.

Глаза мужчины светились счастьем.

– Давайте познакомимся, – сказал он. – Я Вадим.

– Давайте потом.

– Нет, не возражайте! У меня праздник, и я не хочу праздновать один.

Ольга бумажной салфеткой вытерла слёзы.

– Праздник прямо с утра?

– Я только что получил сообщение, которое изменит мою жизнь, – с воодушевлением объявил Вадим.

– Личное?

Улыбка ей не удалась, вышла какая-то гримаса.

– Скорее служебное. Да я вам всё расскажу. Пойдемте, тут рядом с метро есть милое заведение, оно уже открыто, – Вадим решительно взялся за выдвижную ручку ее чемодана.

«А, собственно, почему нет? – вдруг подумала Ольга. – И чёрт с ним, этим депутатом Глуховым и его новой командой, и на саратовский поезд я успеваю».

– Ольга. Можно просто Оля.

Под сводами станции снова раздался голос дежурной:

– Уважаемые пассажиры, занимайте обе стороны эскалатора...

Воин света

Блогер Чушкин откинулся в необъятном кресле на колесиках и удовлетворенно покивал сам себе. Пост вышел на славу. В одном абзаце длиной в полтора листа прежней машинописи он доказал, что дыру в обшивке орбитальной станции провертели американцы. Правда, его приятель Пылесосов, выпускник политеха, а ныне индивидуальный предприниматель, усомнился, что подобное возможно в открытом космосе. Однако блогер отступить не привык.

–Ты, брат, в политике ничего не смыслишь, – пробормотал он и проигнорировал совет приятеля не влезать в сложную тему.

Чушкин писал обо всём. Этому его обучили на факультете изящной словесности еще в ту пору, когда любой работник пера считался подручным партии. Основным рецензентом тогда были органы госбезопасности.

С началом перестройки Чушкин мигом сменил генеральную линию. Правда, в успешные публицисты из-за нехватки способностей не выбился, поэтому бегал на митинги за демократию и гласность. К его досаде, хлебные должности с депутатскими мандатами достались более ловким коллегам. Капиталов Чушкин тоже не нажил, ибо дар бизнесмена в нем начисто отсутствовал. Поэтому после краха социализма он стал завсегдаем уже других митингов – под красным фла-

ГОМ.

На информационной арене его не было видно и слышно, пока не стало общедоступным дьявольское изобретение ЦРУ в виде Интернета. Оказалось, писать можно что угодно, не оглядываясь на рецензентов. И Чушкин набросился на капитализм, как лев на антилопу.

– Ты того, аккуратнее был бы, что ли, – периодически говаривал ему Пылесосов, но блогер только распалялся.

Для украшения персональной страницы (от заграничного слова «аккаунт» его передергивало) Чушкин подобрал изображение богатыря в древнерусском шлеме. Герой с бородой мужественно вглядывался в зарево пожарищ.

От этой картинки Чушкин млел. Псевдоним он себе придумал соответствующий – Светлозар. Впрочем, с героем его роднила только борода. У Чушкина она даже была длиннее, и в ней регулярно застревали остатки пищи.

Питаться блогеру приходилось часто, для поддержания массы тела. При власти эксплуататоров он раздался так, что с трудом пролезал в дверь. Раз в неделю посещая торговый центр, Чушкин набирал полную телегу пивных банок и закусок. Пыхтя, он толкал ее к выходу, где дежурили охранники-церберы, и мысленно цедил:

– Устроились тут, сволочи...

Со временем блогер вообще перестал выбираться куда-либо, кроме как за едой и бодрящим напитком. Уборку в квартире он производил дважды в год, при смене сезонов,

притом довольно поверхностную. Так что жилище Чушкина быстро стало походить на берлогу неандертальца.

Чушкину было некогда отвлекаться на мелочи. Он бился за возвращение самого передового строя.

– Всех на чистую воду выведу! Всех! – клялся он в монитор.

Жил Чушкин, получая пособие по состоянию здоровья, которое исхлопотал через знакомых. Кроме того, сдавал в аренду квартиру, доставшуюся ему по наследству. В налоговую инспекцию об этом доходе он не заявлял. Жены и детей, подрывающих бюджет, у Чушкина не было.

Отвлекаясь лишь затем, чтобы отхлебнуть пива и смахнуть крошки с бороды, блогер строчил и строчил. Есть он наловчился в процессе писания. Клавиатура от липких пальцев скоро сделалась неприятной на ощупь, но чего не стерпишь ради классовой борьбы?

Главным номером программы Чушкина был поиск наглядных подтверждений превосходства социализма над капитализмом, а также патриотизма над либерализмом. Большим торжеством для него становилось размещение у себя на странице черно-белого фото с надписью «А мороженое было по 10 копеек!» или «Вот сколько коробков спичек мог купить на свою зарплату советский рабочий». Отгружая подобные произведения в Сеть, Чушкин хлопал в ладоши и вскрикивал:

– Получи! Получи!

Уверенно судил Чушкин и о вопросах внешней политики. Корейский полуостров и Ближний Восток, Венесуэла и Сирия, а тем более Украина были предметом его постоянных комментариев. Приближаясь к пенсионному возрасту, блогер ни разу не побывал за рубежом, даже в турецком отеле. Это не мешало ему выносить оценки и сыпать прогнозами.

Прогнозы обычно не сбывались. Империализм стоял и не являл признаков краха. Здоровые силы в лице Каддафи-младшего, а также Мадуро, «Хамас» и Ким Чен Ына топтались на месте. И как личную трагедию воспринимал Чушкин невзятие Киева силами шахтеров и трактористов Донбасса.

– На гусеницы, на гусеницы всех намотать! Танками, танками давить! – давал он экспертные советы.

При этом Чушкин был очень набожен. Уверовав после перестройки во Христа, он крестился и теперь витиевато поздравлял своих подписчиков со всеми церковными праздниками. Из того же контингента блогер сколотил тематическую группу, где так же безапелляционно касался проблем городской жизни.

– Хоть сюда бы не лез, а? – пытался образумить его Пылесосов.

Берлогу Чушкина он давненько не посещал по причине врожденной брезгливости. Приятели продолжали общаться по телефону и путём переписки.

От пожеланий блогер только отмахивался, уже оседлав те-

му общественного транспорта, а именно прокладки легкого метро взамен почившего трамвая. Она действительно разожгла живую дискуссию на просторах Интернета, и Чушкин спешил набрать очки.

Примерно так же, как слесарь-интеллигент из «Двенадцати стульев», он использовал малейший повод, чтобы высказаться. Сразу переходя на «ты», Чушкин давал понять, что все еще пешком под стол ходили, когда с его мнением считались отцы города и области.

Отцы разных лет Чушкина припомнить не могли, как ни старались. Поэтому суждения новоявленного эксперта вызвали насмешки, от которых блогер натурально бесился. В ярости он кидался давать отпор, брызгал слюной на дисплей и клеил оппонентам ярлык погубителей сладкой советской действительности.

Возраст и социальный статус противников Чушкин во внимание не принимал, от чего комический эффект его выступлений лишь возрастал. Но блогер был уверен, что занят важной и нужной миссией.

Так и сегодня, перед тем как разоблачить происки США в безвоздушном пространстве, он родил девять комментариев подряд, посвященных одному лицу. Лицо осмелилось непочтительно отозваться о его требованиях к мэрии устроить протяженность будущего метрополитена.

«Перестаньте ерунду молоть», – лаконично ответили Чушкину, и блогер завелся.

Уже излив свой праведный гнев, он где-то в глубине души ощутил, что перегнул палку. Но пока переключался на геополитику, забыл о содеянном. Как выяснилось, напрасно.

«Я тебя знаю, Светлозар. Ты Чушкин», – пришел ответный комментарий, и патриотический блогер похолодел.

«Живешь на Третьей улице Сантехников, дом пять, квартира сорок семь. Второй подъезд», – неумолимо продолжал оппонент.

Чушкин едва не поперхнулся и перестал жевать.

«Как узнал? Откуда? Не может быть!» – у него часто заколотилось сердце. Неужели, правда, ЦРУ или АНБ? Неужели мы все под колпаком?

«Фотки свои убирать надо», – с издевкой пояснил пишущий.

И тут Чушкин вспомнил... Только-только обзаведясь, прости Господи, аккаунтом, он по неосторожности выложил в альбом старое-престарое фото. Сходство с сегодняшним Чушкиным там было минимальное. Достаточно сказать, что весил он в минувшую эпоху почти на центнер меньше. Видимо, вычищая потом всё лишнее, могущее идентифицировать его личность, блогер недоглядел.

«Готовься. Приду и рыло пощупаю», – добавил критик его творчества и вышел из режима онлайн.

Чушкин облился потом. Схватился за клавиатуру, начал удалять свои многочисленные комментарии. Затем опомнился, активировал функцию «Служба поддержки».

– Скорее, скорее давай! – торопил он не слишком поворотливый компьютер.

«Хотите подать жалобу?» – спросил администратор американской социальной сети.

«Да», – ответил Чушкин.

«Выберите один или несколько пунктов, чтобы мы могли принять меры».

На всякий случай Чушкин поставил несколько галочек. Своего виртуального оппонента он обвинил в отсутствии толерантности, подчеркивании физических или умственных изъянов и разжигании национальной розни.

«Жалоба принята. Идет проверка».

Пока за океаном реагировали, Чушкин с кряхтением выбрался из кресла и неожиданно проворно подбежал к входной двери. Проверил замки, потрогал засов. От этих усилий он совершенно выдохся и опустился на полку для обуви в прихожей. Полка опасно закрипела. Пришлось встать и прислониться к стене.

«Может, заблокируют его. Если повезет, то на месяц, – подумал Чушкин. – Всё-таки у них дело хорошо поставлено».

Оставалось позвонить в полицию своего буржуазного государства, дабы она спасла его от реальных побоев.

Лицемеры

Писатель Квартальный понял, что у него паранойя. Или что-то вроде этого. Он абсолютно перестал верить отзывам о своем творчестве.

Отзывов было не слишком много, но и не так чтобы совсем мало. В основном их оставляли его друзья и знакомые.

Книжки писателя выходили в электронном виде. До бумажных версий дело пока ни разу не доходило. Квартальный, впрочем, сперва не впадал в уныние.

– Так бывает с каждым, – уверял его, исходя из богатого опыта, литературный агент Грызунов.

– Так уж и с каждым? – отвечал писатель.

Ни в каких союзах Квартальный не состоял, творил сам по себе.

– Временные трудности – обязательный этап. Когда продвинем твои произведения, отбоя от издателей не будет.

На эти слова агента писатель реагировал скептической улыбкой. Ему казалось, что издателям вполне хватает бестселлеров Стивена Кинга и Джоан Роулинг.

Тем не менее, Квартальный упорно продолжал сочинять. Он был далек от сравнений себя с Кингом, однако до поры до времени считал, что и его сюжеты достаточно захватывающие, а уровень исполнения весьма недурен.

Такую убежденность в нем поколебали именно друзья со знакомыми. Они не ругали произведения Квартального – как раз наоборот, хвалили и стиль, и слог, и то, как выстроена интрига, как жизненны герои. В один прекрасный день он понял всю фальшь подобных заявлений.

– Нет, ребята, меня не проведете, – бормотал Квартальный, читая очередной положительный отзыв.

Он твердо уверился в том, что его писанину способны адекватно оценить только профессионалы, обитающие в издательствах и толстых литературных журналах. А какие профессионалы из лично знающих его людей?

– Расстраивать меня не хотите, понимаю. Добрые вы, – приговаривал Квартальный. – Люблю, ценю.

Для пушего вдохновения писатель предпринимал прогулки в близлежащий лесок. Его путь пролегал мимо заброшенного строительного забора из бетонных плит. На одной из них кто-то, видимо, из числа праздно шатающихся подростков намалевал без знаков препинания краткую надпись: «Катя лицемерка».

Определение показалось Квартальному идеально подходящим для его ситуации. Лицемерия он на дух не выносил.

– Ты потерпи немного. Не сразу Москва строилась, – убеждал Грызунов.

Деньги он взял с писателя совсем пустяковые, сказав, что рассчитывает на процент с договора о публикации. Только заключать договор на бумажную книгу с Квартальным по-

прежнему никто не спешил.

– Лицемеры... Лицемеры... – повторял писатель, шагая от дома к лесочку и обратно.

Заброшенный забор как бы подтверждал его правоту.

– Может, хватит себя изводить? – спрашивала жена.

В талант Квартального она не верила, а он не давал ей читать написанное. Мир в семье от этого, правда, не страдал. На высказывания супруги о том, что надо писать, как Толстой с Достоевским, или не писать вовсе, Квартальный возражал, что и во времена классиков хватало достойных авторов.

– Кто-нибудь их помнит? – интересовалась жена.

– Современники ценили, – аргументировал писатель.

– Ах, современники...

Постепенно количественные изменения перешли в качественные. Квартальный утратил покой, стал нервным и раздражительным. Дома за ужином он ни с того, ни с сего наорал на сына, затем послал к чёрту Грызунова, который позвонил насчет продления агентского контракта, и даже шуганул кошку, взобравшуюся на микроволновку.

– Все врут, никто правды в лицо не скажет, – говорил он вслух, отмеряя привычные десять тысяч шагов по лесным тропинкам.

В обстановке тотального лицемерия жизнь превратилась в ад. Квартальный забросил очередную захватывающую повесть, не доделав ее до середины, и тупо валялся на дива-

не. На отсутствие аппетита он обычно не жаловался, но тут ощутил натуральное отвращение к еде.

– Может, к психологу сходим? – предложила жена.

– Зачем нам психолог? Я что, чокнутый? – вопросом на вопрос ответил Квартальный.

Идея с консультацией у специалиста была похоронена. Писатель начал понемногу прикладываться к бутылке коньяка, которую держали для гостей.

Перспектива просматривалась совсем скверная. И тут Квартальный получил письмо от старинного друга, много лет назад осевшего за рубежом и преподававшего изящную словесность в одном из европейских вузов.

Оказалось, что друг следит за его творчеством. Раньше он молчал, как человек деликатный, а тут всё же не утерпел – решил по собственному почину выступить с рецензией.

«Прости, старик, истина мне дороже, – читал Квартальный в смартфоне. – Изучил твою последнюю повестушку. Картина печальная. Где ты выкопал такие характеры? Откуда такой язык? А вся история, якобы взятая из реальной жизни? Слабенький, притянутый за уши вымысел. Не то завещали нам светила отечественной словесности! Пример с Толстым и Достоевским, конечно, очень хрестоматийный, но я рискну привести его. Вот у кого следует учиться...»

Квартальный поймал себя на том, что улыбается от счастья.

– Друг... Настоящий друг. И в радости, и в горе, – сказал

он, перечитав послание. – Один среди лицемеров!

Рецензия вернула его к жизни. Писатель встал с дивана и перестал прикладываться к бутылке. Перезвонил Грызуну, извинился и поблагодарил за проделанную работу. О продлении контракта обещал подумать.

Новая повесть быстро бежала к концу. В перерывах между написанием Квартальный бодро ходил по привычному маршруту, хитро подмигивая надписи на заборе.

Сомнений больше не осталось. Все его книжки – сплошная чепуха, но это еще не повод бросать начатое.

– Мне до пенсии далеко. Буду продолжать, авось повежет, – сделал вывод автор, не состоявший в союзах.

Для себя он твердо решил не беспокоить издательства с журналами по меньшей мере лет пять. За это время он наделся отшлифовать мастерство.

Больше Квартального радовалась только его жена. Отыскав через социальную сеть мужнина друга, именно она убедила его состряпать разгромный отзыв на книжку. Душевное здоровье супруга было ей ценнее любой литературы.

Руки прочь!

Левый хавбек Скорострелов попал в сложную жизненную ситуацию. Нет, очередной транш капнул на его карточку вовремя, и жена, эстрадная певица, мигом собравшись и нарядившись, выехала на шопинг по лучшим бутикам Москвы. Проблема была в другом. Какой-то гад слил в Интернет видео мужских забав, которым хавбек предавался в бане у приятеля.

В принципе ничего особенного Скорострелов не делал. Как говорится, время от времени все джентльмены делают это. Тем более, формально-юридически он ничего не нарушил. Однако это не уберегло прославленного футболиста от гневной реакции общества.

Общество отреагировало немедленно. В аккаунт к Скорострелову посыпались крайне эмоциональные комментарии. Спустя какой-то час там творился натуральный ад.

«В наше время такого не было!» – возмутился болельщик со стажем как у пенсионера-героя. «На немцах с испанцами отрываться надо!» – давал четкие указания фанат помоложе. «Что скажут дети?» – задалась вопросом одна из поклонниц хавбека, здесь же объявившая, что навеки отписывается от него.

Насчет детей Скорострелов был уверен, что нечто новое они для себя вряд ли откроют. Повторить содеянное с испан-

цами и немцами он тоже был не прочь, хотя до сих пор всё происходило с точностью до наоборот. Деду хавбек даже начал подробно отвечать, но потом бросил, проглядывая другие, еще более яростные отклики.

Друзья и коллеги Скорострелова, несомненно, изучали всю эту пургу в одно время с ним. Отзываться и вступаться за него, впрочем, не спешили. Данный факт особенно расстроил потерпевшего. Не удержавшись, он набрал номер правого хавбека Петухова, с которым раньше играл за один клуб.

– Видел? – спросил Скорострелов.

– Да уж... – глубокомысленно ответил Петухов.

– Чего молчишь? Написал бы свое мнение.

Повисла долгая пауза.

– У меня вторая линия. Перезвоню. Ок? – отреагировал наконец Петухов и убрался из эфира.

Голкипер Прыгунов находился, по его словам, на процедурах в барбершопе, и говорить ему было неудобно. А двухметровый центрфорвард Тянитолкаев прислал смс, известив, что участвует в съемках рекламного ролика.

Слово «съемки» ранило теперь хавбека, будто острый нож. Он посмотрел статистику: счет комментариям в аккаунте повалил на тысячи. Скорострелов глубоко вздохнул и удалился из социальной сети.

Чтобы отвлечься, он включил телевизор. Самый народный канал показывал ток-шоу «В нашем ведре». Его веду-

щий ходил по студии с помойным ведром и вынимал оттуда бумажки с темами.

– А вот сейчас... внимание... новая тема! – взвыл шоумен так, будто его кастрировали без наркоза. – Что действительно делал в бане футболист Скорострелов?

В глазах у хавбека потемнело.

– Мы связались с бывшей невестой Скорострелова, которая живет в поселке Забытом на севере Хабаровского края, – продолжал ведущий с ведром.

Скорострелов нажал красную кнопку на пульте. «Может, не увидит всё-таки», – подумал он о своей жене, вообще не смотревшей телевизор. «Подруги подскажут», – неумолимо возразил внутренний голос.

Телефон завибрировал, и левый хавбек поспешно схватил трубку. Звонил главный тренер сборной. Ей в следующее воскресенье предстоял проверочный матч с командой Лихтенштейна. От определения «товарищеский» руководство отказалось как от демотивирующего и расхолаживающего.

«Это же провокация. Так и скажу», – решил Скорострелов, но наставник национальной команды опередил его.

– Отдохни, подлечи нервишки. Понял? Вместо тебя вызываем Дровосекова, – сообщил он.

– Как... – поперхнулся хавбек.

– Займись самоподготовкой, – отрезал главный.

Вернувшаяся с покупками супруга застала Скорострелова

на кухне. Еще одним ударом для титулованного игрока стал звонок от только что созданного общественного движения «Руки прочь!» Оно уже подало заявку на проведение массовой акции возле Кремля. Его участники, а вернее, участницы, рвались отстаивать право заниматься чем угодно в банях и саунах.

– Вы оплатите изготовление плакатов и аренду звуковой установки? – деловито спросила общественница.

Ни слова ни говоря, Скорострелов отключил телефон.

– Нарушаешь? – поинтересовалась жена при виде початой бутылки виски.

Потерпевший поднял на нее глаза, полные вселенской тоски. Он уже наизусть выучил первую фразу, с которой следовало начать трудное объяснение, но она застряла в горле.

– Плюнь ты на этих клоунов, – неожиданно мягко сказала его вторая половина. – Плесни-ка и мне рюмку.

Скорострелов ушам не верил.

– Надо же платье обмыть, чтобы носилось, – пояснила жена.

Домик золотой рыбки

Сказка для взрослых

– Уверен, что вы придете, – сказал загадочный человек, и Егор ясно ощутил, что так и будет.

Он думал об увиденном и услышанном всё время, пока шагал до остановки, ехал в маршрутке, а потом снова шел пешком. Яна позвонила на мобильный метров за сто до подъезда, чтобы напомнить про хлеб и батон. «Да, хорошо», – рассеянно ответил Егор, поворачивая обратно к киоску.

В средние века или раньше это, конечно, назвали бы чудом. Сегодня весь мир, с точки зрения тогдашнего человека – одно сплошное чудо. Наверное, можно было потребовать подробных объяснений, строго научных аргументов, но со своим гуманитарным образованием он вряд ли понял бы их. По большому счету, оставалось верить или не верить – так же, как пятьсот или тысячу лет назад.

Среди застройки начала семидесятых одноэтажный домик из бурого кирпича, с печной трубой над зеленой треугольной крышей, и во времена детства Егора мог считаться памятником старины. Он притулился к липовой аллее, которая вела в сторону гастронома с высоким крыльцом. В гастрономе Егор еще до школы бегал за мелкими покупками,

и в те годы у входной двери домика, где не было никакого крыльца, висела вывеска «Ателье».

Внутри чинили обувь, продавали шнурки, вшивали молнии и делали фотокарточки на разные случаи жизни. Там у Егора была первая в жизни съемка, которую он помнил необычайно четко. Сниматься его привела мама – то ли очень поздней осенью, то ли зимой. На улице вдруг установился лютый холод, вдобавок дул резкий, пронизывающий ветер. Мама укутала сына в шубку ниже колен, обмотала вязаным шарфиком и напялила ему на голову плотную шерстяную шапочку с помпоном и завязками. Из того, что осталось торчать наружу, выделялись только пухлые, румяные щеки.

– Какая девочка симпатичная, – оценил мамины труды фотограф, пожилой мужчина с морщинистым лицом, на котором белели длинные обвислые усы.

Егорке мигом стало душно в натопленном помещении с толстыми стенами, и от таких слов его дополнительно бросило в жар. Он уже начал ходить в детский сад, где у девочек были свои игры, а у ребят свои. Разница полов сказывалась на их содержании: одни возились с куклами, другие – с солдатиками.

– У нас мальчик, – поправила мама, разматывая шарфик.
– Прошу прощения.

Пока мама снимала с Егора шапочку и шубку, торопливо причесывала его, фотограф отрегулировал треногу, на которой стояло орудие труда. Духота отступила. Чуть освоив-

шись, Егор принялся с любопытством разглядывать студию. Кроме аппарата со стеклянным зрачком объектива, его внимание привлек круглый аквариум на высоком столике. Столик с аквариумом располагался на фоне стены, которая была разрисована ярко-алыми и синими цветами, заменяя собой декорацию. В воде плавала настоящая золотая рыбка, отчего у малыша ёкнуло сердце.

Рыбка была сказочно хороша. Вся как будто из переливающегося драгоценного металла, подсвеченная электрической лампочкой, с ажурными плавниками и веерообразным хвостом, она покорила воображение. Он смотрел на нее широко распахнутыми глазами, не сходя с места, пока не услышал глуховатый голос седого мастера.

– Молодой человек, будьте любезны.

Для Егора была приготовлена специальная подставка, на которую его водрузили прямо в сапожках. С аппарата свисала черная ткань, и под нее шустро подлез фотограф. Мама, стоявшая рядом, приобняла сына за плечи. Но отвести глаза от рыбки было совершенно невозможно.

– Внимание! Сейчас отсюда вылетит птичка.

Лишь эти слова заставили Егора повернуть голову на камеру. Раздался сухой щелчок...

– Как родители себя чувствуют? – спросила Яна, забрав у него пакет с буханкой «Бородинского» и батоном.

– Более-менее, – отозвался Егор, снимая ботинки.

– Может, почаще приезжать надо?

– Может.

Вместе с женой он в последний раз навещал родителей три года назад, когда сильно занемог отец. Ее кандидатуру они откровенно не одобрили еще на стадии знакомства, однако Егор пренебрег их мнением. Сложившиеся затем отношения скорее напоминали вооруженный нейтралитет. Мама даже порой вспоминала его первую супругу, и сравнения были не в пользу второй. Яна никого ни с кем не сравнивала, вежливо, но настойчиво проводя свою линию. Сын ездил к бабушке и бабушке вдвоем с папой, а у нее всякий раз находились другие заботы. Попытка примирить обе стороны Егору не удалась, и он махнул на всё рукой по принципу «Лишь бы хуже не стало».

– Будешь есть?

– Спасибо, я перекусил, – ответил Егор.

– Ну, тогда Артёма дождемся и поужинаем, – Яна накинула на плечи куртку и удалилась на балкон – выкурить сигарету, пока не видит ребенок.

Ребенку в сентябре исполнилось тринадцать, и он учился во вторую смену. Яна выполняла свои задания, получаемые от издательства, на дому, а у Егора вчера начался отпуск. Так что семье выпала возможность подольше побыть под одной крышей.

Егор переодевался и мыл руки, продолжая размышлять и собирать воедино свои впечатления от визита. Точнее, от той

его части, которая последовала за расставанием с родителями. Мэрия города изменила схему движения транспорта, и приехать в микрорайон теперь можно было по одной улице, а уехать из него – по другой, пролежавшей вдоль старой липовой аллеи. Остановку оборудовали рядом с бывшим гастрономом, где после капитальной реконструкции открылся сетевой супермаркет. По пути к ней Егор и замедлил шаг возле памятного ему домика.

Опустевший в начале девяностых, домик, как рассказывали местные жители, был кем-то приватизирован то ли под офис, то ли под склад, но у его хозяев что-то не сложилось. Простояв лет десять с заколоченными окнами и запертой железной дверью (единственным улучшением, которое внесли собственники), он приютил в своих кирпичных стенах распивочную, а потом игровые автоматы. Тотальная ликвидация игорного бизнеса привела к его новому закрытию. На смену вынужденному простояю чуть позже пришла овощная лавка, зачахшая незадолго до возвращения Егора из очередной командировки.

И вот домик снова ожил. Кто-то убрал с его фасада все следы присутствия лавки, отдраил от грязи и пыли кирпичи, сменил подоконники, покрасил металлический козырек над входом, а дверь обшил натуральным деревом. Сквозь новенькие белые жалюзи на окнах пробивался свет, около двери появилась аккуратная вывеска. «Ателье», – прочел Егор, и разом накатили воспоминания.

Возможно, это было глупо, но его потянуло войти и посмотреть, кто поселился тут. Естественно, он не ожидал увидеть седого фотографа – люди столько не живут, и всё же... Рука сама взялась за ручку. В глубине домика мелодично прозвенел колокольчик.

Предбанник без мебели, оклеенный обоями в полоску, вызвал у Егора ассоциацию с обыкновенной городской квартирой. Стрелка на стене указывала направо. Да, именно туда они с мамой свернули без малого полвека назад перед тем, как отворить вторую дверь, обитую дерматином. «Еще не поздно уйти», – подумал Егор, берясь за другую ручку.

В голове не сложилось никакой первой фразы для начала беседы, когда он переступил порог бывшей студии. Комната, как и тогда, была надвое разгорожена ширмой. За нею в тот раз помещался кабинет фотографа и отдельная каморка, где мастер светописи колдовал над пленками. О том, что она скрывает сейчас, Егор не успел подумать.

– Здравствуйте, – сказал человек у стены, которая давным-давно служила декорацией.

Стена была белой, в тон жалюзи на окне. От нарисованных цветов, разумеется, не осталось и следа. Зато столик стоял на том же месте, и такой же аквариум на нем, и золотая рыбка неподвижно висела в воде, едва уловимо шевеля хвостом.

За окном постепенно темнело. Егор полез в шкаф-купе, где наряду с одеждой и обувью хранился его старый, потер-

тый на углах кофр от ноутбука, и вывалил его содержимое на диванчик в прихожей. Коричневый ежедневник с золотым тиснением на кожаной обложке отыскался быстро. То был подарок от приятеля, ковавшего прибыль в инвестиционной компании, – кажется, по случаю дня рождения. К нему прилагалась бутылка виски, которую они уговорили в один присест. После того как свободного места в нем больше не осталось, ежедневник стал частью архива. Егор берёт его, сам толком не зная, зачем. Сегодня он тоже увидел в этом своего рода перст судьбы.

– Потерял что-то?

Егор, не услышавший, как сзади мягко подобралась Яна, вздрогнул.

– Проверить одну фигню хочу, – вполне правдиво сказал он.

Яна коснулась богатой обложки.

– О, год нашего знакомства.

– Да, пятнадцать лет...

Впервые они встретились в компании общих друзей, в страшно модном в ту пору кафе «Коза-дереза». Визит туда не значился в планах Егора на вечер пятницы, но ситуацию изменил звонок Юли Павловой из рекламного агентства «Салют». С ней он общался со времен стажировки на телевидении. Воды потом утекло немало, обстоятельства развели их по конкурирующим организациям, и тем не менее товарищеские отношения продолжились. Под товарищескими

не подразумевалось ничего личного, только периодический трёп на посторонние темы.

– Ты где? – сходу осведомилась Юля.

– Из офиса иду.

– Поворачивай к нам.

– Куда?

Она в двух словах объяснила, куда и зачем. Юля пила шампанское с двумя своими коллегами. А еще, по ее словам, с минуты на минуту в кафе должна была пожаловать девушка редкой красоты.

– Прямо-таки редкой? – съязвил Егор.

– Сам увидишь.

Яна действительно очаровала его с первого взгляда. Стройная брюнетка с голубыми глазами, щеголявшая в красном платье и черных ботфортах, оказалась также остроумной собеседницей. Она находилась в стадии развода с мужем и не скрывала, что не прочь познакомиться надолго – быть может, с серьезными намерениями. Детей у нее не было – правда, предстоял раздел имущества: судя по всему, не без скандала.

– Есть у меня ушлый адвокат, могу порекомендовать, – дал понять Егор, заказав еще шампанского и фруктовую закуску.

Будущая истица улыбнулась так, что сомневаться в общих перспективах не приходилось. Их предсвадебный роман был быстрым и бурным – гораздо быстрее, чем тот, который за-

вершился первой женитьбой Егора. Дальнейшие годы, в общем, тоже не дали поводов для сожалений. Вернее, все дальнейшие, кроме последних двух. Егор впервые ощутил прохладу в отношениях после своего долгого, на три с лишним месяца, отъезда.

Дела позвали его в древний город на Волге и здорово задержали там вопреки первоначальному плану. Проведать папу Яна с Артёмом не смогли: на носу был учебный год. Вернувшись, Егор буквально с порога порадовал жену известием о том, что контракт с ним продлен.

– Опять укажишь? – не разделила его восторг Яна.

– Я ведь для нас стараюсь, – заметил он.

Приподнятое настроение тотчас улетучилось. Вместо ответа Яна только рукой махнула.

– Давай не будем с порога сцены устраивать.

Эту его просьбу она сопровождала недовольной гримасой и уклонилась от поцелуя. Егор сделал вид, что подобная реакция ему безразлична, однако еле справился с приступом горечи. Он так спешил домой, что взял билет на ранний утренний поезд из Москвы, с сидячими местами – хотя мог спокойно погулять по столице до обеда и отчалить на более удобном фирменном. Проезд ему в любом случае оплачивал наниматель.

Прохлада не исчезла сама собой. Их совместная жизнь после той командировки стала походить, скорее, на вежливое общение двух британских джентльменов. Из нее ушло бы-

ное доверие, при котором и слов почти не требуется – впрочем, со стороны могло показаться, что у Егора и Яны всё по-прежнему замечательно. В некоторые моменты ему чудилось: стоит нащупать нужную интонацию, и утраченная теплота вернется. Увы, это была иллюзия. . .

Андрей Вьюнов, его друг со школьной скамьи, с которым Егор поделился своей печалью, имел особое мнение. «Прости, но у нее хахаль завелся. Сто пудов», – припечатал он. В версию Андрея верилось с трудом: Яна почти всё время работала дома, раз в неделю посещая планерки в издательстве, и, значит, практически постоянно оставалась у кого-нибудь на виду. Егор между выездами в другие города сидел на очень гибком графике, возвращаясь домой в разное время, а то и совсем никуда не выбираясь. Вести двойную жизнь в таких условиях жене было крайне сложно.

Когда Яна дотронулась до ежедневника, Егор вновь решил, что у них появляется шанс. Сказав про пятнадцать лет, он сознательно взял паузу, надеясь услышать продолжение вроде: «А давай начнем заново?» Вместо этого она кинула взгляд на настенные часы и совершенно ровным голосом, без эмоций, произнесла:

– Закругляйся с проверками. Тёма написал, что их с последнего урока отпустили.

Человек в студии не имел ничего общего с фотографом из детства. У него была осанка отнюдь не старого, полного сил

мужчины без лишнего веса, высокий рост и гладко выбритое лицо. Нигде не просматривалось ни намека на седину, поскольку голову он также побрил до последнего волоска. Редкие брови неопределенного цвета топорщились над глубоко посаженными карими глазами. Прямой нос, тонкие губы, прижатые уши прямоугольной формы – этим, пожалуй, исчерпывался список примет. На незнакомце хорошо сидел современный темно-синий костюм с однотонной белой рубашкой без галстука, явно не из павильона вечных скидок. Туфли тоже были не с распродажи. «Всё-таки офис?» – мысленно предположил Егор.

– Вы зашли из-за вывески?

Голос у человека был уверенный, с легкой хрипотцой. Глаза не мигали.

– Э-э... Здравствуйте. В какой-то степени, – ответил Егор.

– Но не только поэтому?

– Знаете, любопытно стало. Вспоминать начал, ностальгия и всё такое.

«С какой стати я перед ним отчитываюсь? – Егор почувствовал раздражение. – Хоть представился бы».

Загадочный человек улыбнулся одними краями губ.

– Называйте меня Николаем Николаевичем, здесь мои владения.

– Зоомагазин?

Улыбка на лице Николая Николаевича сделалась чуть шире.

– Нет, экспериментальная площадка. Или лаборатория, если хотите.

Какие эксперименты можно проводить в скромном домике из бурого кирпича, Егор и представить себе не мог. Тем более, что в его поле зрения до сих пор не попало ни одного прибора. В той половине комнаты, где находился он с незнакомцем, был один столик с аквариумом. Даже стула или табуретки никто не принес. Может, за ширмой?

– Я вам всё расскажу и покажу, – продолжил Николай Николаевич, будто услышав его мысли.

Он говорил настолько веско и убедительно, что у Егора не возникло и тени желания развернуться и уйти. Наоборот, им овладела твердая уверенность в правоте странного владельца странной лаборатории. Егор никогда не подвергался воздействию гипноза, хотя читал о нем, и тут его посетило похожее ощущение. «Если я думаю, что это гипноз, на самом деле это не гипноз?» – успел предположить он, и Николай Николаевич заговорил снова.

– Только наука, ничего сверхъестественного, – предупредил он.

Суть заключалась в следующем. Оказывается, ученые, исследуя свойства материи, давно пришли к выводу, что теории об альтернативных мирах имеют под собой почву. В этих мирах действительно существуют наши двойники. Но события там могут течь не совсем как в мире, известном нам – а порой совсем иначе. Более того, наука нашла способ про-

никать в альтернативные миры, притом не затрачивая массу энергии. Перемещения возможны как между мирами, так и во времени. То есть, выбираете некую дату, пока только в прошлом, и – вперед, в другой мир, где обитает ваш двойник.

Одна часть сознания Егора, пока он слушал монолог Николая Николаевича, твердила, что это бред сумасшедшего. Другая почему-то была уверена в подлинности сообщаемой информации.

– А далеко в прошлое можно проникнуть? – спросил он.

– К сожалению, не слишком. Специалисты занимаются этой проблемой, – признался Николай Николаевич.

– Насколько? Секрет?

– Максимум на двадцать лет. Но вам, если соберетесь, я бы советовал немного опустить планку. Для надежности.

– Я? Соберусь?

Улыбка на лице загадочного человека растянулась до максимально возможной ширины.

– Конечно. Уверен, что вы придете.

Егор невольно взглянул на рыбку в аквариуме, и (он готов был поклясться) та подмигнула ему.

Планерка в издательстве начиналась в одиннадцать утра. Яна, как обычно, вызвала такси минут за сорок, чтобы успеть покурить и неформально поболтать с народом. Артём без энтузиазма отправился на дополнительные занятия по английскому, после которых его ждала школа. Он вел себя под-

черкнуто самостоятельно и отвергал малейшую опеку. Сын, вообще, вырос неожиданно быстро. Егору всё чаще казалось, что за многочисленными разъездами упущено что-то важное, происходившее с ребенком. Малыш перестал быть малышом, вдвоем с которым он так классно, с выражением, читал сказки и пересматривал мультики из собственного детства. Нынешние интересы Артёма лежали в сфере компьютерных игр, куда не было доступа никому, кроме узкого кружка его ровесников.

– Пока-пока, – Яна помахала мужу перед тем, как захлопнуть за собой дверь и спуститься к подъезду.

Егор тоже ограничился устным прощанием. Как только, по его расчетам, такси выехало со двора, он начал собираться в путь. Для перемещения между мирами не требовалось никакой спецодежды или особых предметов. По словам Николая Николаевича, в упрощенном виде процесс представлял собой ментальное копирование человеческого «я» и переброску оцифрованной копии в сознание двойника. На вопрос, что произойдет с двойником, загадочный экспериментатор ответил: «Он ничего не заметит. Просто, начиная с определенного момента, будет воспринимать всё и действовать в точности, как вы».

– Выходит, это буду не совсем я... в их мире? – уточнил Егор.

– Почему не вы? Телесная оболочка – не главное, сами понимаете. К тому же она будет идентична вашей.

– Хм...

– Что-то еще беспокоит?

Егора беспокоила участь оригинала, с которого будет снята копия, о чем он и высказался без затей.

– Оригиналу не стоит волноваться, – заверил Николай Николаевич. – В ходе эксперимента вы будете одновременно находиться и там, и тут. Я имею в виду ваше сознание.

– А куда денется моя ментальная копия потом?

– После вашего возвращения оттуда она превратится в единицу информации. Мы не собираемся хранить или как-то использовать ее. Дадим официальную расписку и сотрем с носителя.

От будничного «сотрем» Егору на секунду стало не по себе.

– Но я буду помнить то, что произойдет с моим двойником? Внутри которого пересадят мое «я»?

– Конечно. Лично я даже не использовал бы слово «двойник». Это будете вы. Тоже вы.

Оставалось до конца прояснить тему безопасности в процессе путешествия в пространстве и времени.

– У нас было несколько несчастных случаев, – сказал Николай Николаевич. – Не с добровольцами, как вы. С сотрудниками.

– Они погибли?

– Нет.

– Пострадали физически... или как-то еще?

Золотая рыбка в аквариуме больше не висела неподвижно, она энергично плавала туда-сюда, взмахивая плавниками. Ее владелец впервые чуть стушевался.

– Про несчастные случаи я не вполне верно сформулировал, – наконец ответил он. – Эти люди захотели остаться.

Егора будто пустым мешком огрели.

– Такое возможно?

– В принципе да. Есть контрольный срок, в течение которого необходимо вернуться. Один час по времени нашего мира.

– Я что-то не пойму. Разве там свое, другое время?

– Свое, – кивнул Николай Николаевич.

– И что стало с вашими сотрудниками? – спросил Егор чуть охрипшим голосом.

– Мы потеряли с ними связь. Вернее, с их копиями.

– Но оригиналы, с которых снимали копии...

– Оригиналы не помнят ничего, что касается эксперимента. Как отрезало. В остальном никаких отклонений, здоровье в норме.

Еще один вопрос напрашивался сам собой.

– То есть, где-то в альтернативных мирах продолжают жить их точные двойники со здешней памятью и сознанием? Они – и в то же время не совсем они?

Николай Николаевич усмехнулся. В его карих глазах проскочила мимолетная искра.

– Вам не кажется, что они в иных мирах – это в большей

степени они по сравнению с теми, кто пережил эксперимент здесь?

– Переселение душ, – пробормотал Егор.

– Нетривиально! – одобрил Николай Николаевич. – Итак, что? Готовы?

После теплого офиса Егора сразу пробрало морозцем. Кожаную куртку пора было сменить на что-нибудь другое, по сезону. В этом мире на улице уже стемнело, зажглись фонари и огни реклам. По центральному проспекту медленно, то и дело замирая на светофорах, полз поток машин. Завершив трудовую неделю, все жаждали разойтись и разъехаться по домам или разнообразным заведениям. Им предстоял отдых, ему – эксперимент. Дорога назад не откроется, пока в голове не прозвучит сигнал...

– Я его точно услышу? – недоверчиво спросил Егор у Николая Николаевича.

– Точно. Ни с чем не спутаете, – успокоил тот.

Потом они зашли за ширму. Оборудование лаборатории внешне смахивало на обычный стационарный компьютер с громоздким, как чемодан, системным блоком. Рядом с ним на штативе стоял кинопроектор. Сходство было весьма отдаленным, но Егор снова вспомнил аппарат на треноге и старого фотографа. Николай Николаевич предложил прочесть и подписать согласие в двух экземплярах. «Как в аптеке, полный порядок», – пошутил он.

Завершив формальности, оба уселись в крутящиеся кресла. По просьбе Николая Николаевича Егор надел массивные наушники, от которых к системному блоку тянулся тонкий желтый кабель.

– Год, дату, время не хотите изменить? – последовал вопрос.

– Нет, – качнул головой Егор.

– Три попытки, как в сказке, – напомнил Николай Николаевич и начал ловко набирать на клавиатуре цифры с буквами.

Цель эксперимента он обозначил немного туманно: «Будем наблюдать за вами, за вашими реакциями. Ну, и за окружающей обстановкой». Введя данные, погасил свет в комнате и врубил проектор, нацеленный на белую стену. Сначала перед Егором замелькали какие-то полосы, как во время неполадок в летнем кинотеатре («Сапожник!» – вопила тогда публика). Потом картинка обрела четкость, и Егор увидел себя в офисе агентства массовых коммуникаций, где он был контент-менеджером пятнадцать лет назад. С ним о чем-то, приветливо улыбаясь, говорила Марина Якушева, шустрая болтушка и хохотушка, секретарь шефа. Еще спустя миг в наушниках проклюнулся звук.

– На природу поедешь, на шашлыки? – спрашивала Марина.

– Прохладно для поездок, по-другому греться надо, – отшучивался он.

– Расскажешь, как?

А дальше наушники и комната со всем ее содержимым исчезли куда-то. Егор почувствовал твердую поверхность стола под рукой, которой он опирался на его крышку, и пряный запах духов Марины. Вместо свитера на нем оказался вельветовый пиджак, вместо футболки рубашка, вместо джинсов – брюки. Егор машинально потрогал себя за лицо: стильной трехдневной щетины, к которой он привык за последние годы, не было и в помине.

– Зуб болит? – Марина по-своему истолковала его жест.

– Так, башка мутная. Устал.

Через пару минут, посулив Марине увлекательный рассказ о предстоящих выходных («В понедельник с утра отчитаюсь»), он уже вдыхал морозный воздух улицы.

В кармане куртки запел мобильник – раскладная Nokia, которую он удачно взял весной 2004-го по акции в салоне связи напротив вещевого рынка. Еще не достав трубку и не посмотрев на дисплей, Егор точно знал, кто звонит.

– Ты где? – сходу осведомилась Юля.

– Из офиса топаю.

– Поворачивай к нам.

– Куда?

Он слушал про «Козу-дерезу», шампанское и девушку редкой красоты, а сам будто глядел на себя со стороны, как на героя сериала или фантастической повести. Дослушав до конца, уверенно, с расстановкой, выдал:

– Если час потерпите, зайду. Очень важная встреча, – и дал отбой, не дожидаясь возражений.

Про встречу Егор не соврал. На тот ноябрьский вечер, когда он экспромтом познакомился с Яной, у него были заранее назначены два других свидания. Чтобы ничего не перепутать, он даже сделал записи на странице еженедельника. Это позволило ему спустя полтора десятка лет уточнить время. Тогда он понимал, что скорее всего одну из встреч придется отменить, но собирался действовать по обстоятельствам. Ровно в 18.15, потихоньку обвыкаясь в альтернативном мире, Егор подошел к еще не отремонтированному драмтеатру, дальнейшее крыло которого скрывали строительные леса. Возле закрытой кассы его ждала Наталья Лежнева.

– Я думала, ты меня на «Снегурочку» пригласишь, – игриво сказала она, постукивая каблучком об асфальт.

– «Снегурочка» – это опера, по-моему, – ответил он.

– Блин, бескультуре.

Они виделись не в первый раз. Сначала была беглая переписка на популярном в те годы сайте, который зазывал всех и вся устраивать личную жизнь. Оба зависли на нем вечером после работы. Потом он запросто дал ей номер домашнего телефона, и она набрала его в половине двенадцатого, когда Егор собирался отойти ко сну.

– Жена не подслушивает? – лукаво спросила Наталья, поздоровавшись.

– Нету жены, распрощались навеки, – в тон ей отозвался

он.

– Ой, обманываешь...

Милая беседа продолжилась следующим вечером в баре, где обычно тусовалось студенчество. Наталья легко могла сойти за одну из его постоянных посетительниц. В свои двадцать четыре она выглядела моложе некоторых студенток, хоть и не на сто процентов соответствовала эталону женской красоты в понимании Егора. Его обычно привлекали девушки более худощавой комплекции. При этом Наталью ни в коем случае нельзя было назвать толстушкой – просто ее округлости выходили за пределы, предпочитаемые им.

Приятную упругость этих округлостей он протестировал во время совместной прогулки после бара. Согласно терминологии одного знакомого депутата, имело место первое чтение законопроекта. Объятия в тени деревьев на краю сквера закончились жаркими поцелуями, от которых у Егора закружилась голова. Наталья очень умело орудовала языком, и он живо представил ее в иной, более комфортной обстановке. С трудом оторвавшись друг от друга, они условились продолжить в пятницу.

До повторного свидания новая подруга прислала ему целую серию смс чрезвычайно откровенного содержания. Они содержали подробное описание ее любимых поз, а, кроме того, речь шла о желании попробовать кое-что оригинальное.

– В бар или ресторан? – по-гусарски бросил Егор, не отходя от театральной кассы.

– Ты же близко живешь? – вопросом на вопрос ответила Наталья.

Ощущение времени он потерял очень скоро. В тридцать пять лет у человека гораздо больше сил, чем в пятьдесят, и Егор оценил это преимущество альтернативной реальности. Наталья на самом деле оказалась охочей до плотских удовольствий и настаивала на продолжении до тех пор, пока они оба не распростерлись на кровати, будучи не в состоянии шевельнуть рукой или ногой. Свои телодвижения она сопровождала не только стонами и криками, но и словами, которые в иных условиях заставили бы Егора побагроветь.

– Я еще хочу, – сказал Егор, как только перевел дух.

– А сможешь? – Наталья тоже еле ворочала языком, которому в постели находила самое разнообразное применение.

– Я про вообще.

– В смысле?

– Перебирайся ко мне.

– Жить?

– Почему нет? Не понравится – разбежимся.

Наталья молчала так долго, что он решил, будто она уснула. Потом привалилась к нему своим горячим телом.

– С тобой супер, – сказала она и опять замолчала.

– Но?

В свои ментальные пятьдесят Егор многое понимал без лишних разговоров.

– Понимаешь, есть одна причина.

– Как зовут? Муж? Друг?

– Нет, другая.

Она начала несколько сбивчиво объяснять, и Егора сразу накрыла грусть. Ей с ним очень понравилось, правда. Мало с кем у нее так было. Просто нет пока серьезных намерений, да и вообще никаких особых нет. Ну, сама еще не разобралась, что ей нужно или кто. После пединститута не в школу же идти? Поэтому сейчас она менеджер по продажам. Телефоны, аксессуары, то-сё. Денег маловато, конечно, всё нестабильно, от выручки зависит. Погулять тоже охота в свое удовольствие. Когда, как не теперь?

Приблизительно так изложила свое кредо Наталья. Слушая ее, Егор с предельной ясностью понял, что его первая попытка не удалась. Он безусловно хотел чего-то большего, чем одно-два романтических свидания, но хотения одной из сторон было мало.

– Во вторник в Москву еду, – услышал он.

– Зачем?

– Там попробую зацепиться. Говорят, больше платят. И вообще, жизнь интереснее. У нас два нормальных клуба всего, – пояснила Наталья.

Снова повисла пауза. Егор потянулся к тумбочке, взял свои наручные часы. В падавшем из окна слабом свете окон соседнего дома еле разглядел циферблат: четверть двенадцатого.

– Полежи, я сейчас.

Запахнувшись в банный халат до пят и обув тапки, он прошлепал на кухню. Сделал несколько глотков прямо из чайника, стоявшего на плите. Затем в голове раздался мелодичный перезвон: точь-в-точь как от колокольчика в доме золотой рыбки – но не сейчас, а в глубоком детстве.

«Помните: у вас пять минут для выхода из помещения. Главное, чтобы не было четырех стен вокруг. Иначе контакт будет потерян, и ментальная копия навсегда перейдет к вашему двойнику», – наставлял его Николай Николаевич. Неужели пора? Действительно, в этом мире прошло гораздо больше часа. Интересно, ученые уже выяснили, почему?

Не переодеваясь, прямо в тапках на босу ногу, Егор повернул ручку двери и шагнул на балкон. «Собирался застеклить, да так и не собрался. Очень кстати», – успел подумать он, пока очертания дома напротив размывались, теряя четкость...

– Довольны?

Егор помотал головой, будто прогоняя остатки дурмана. Халат с тапками бесследно исчезли. На нем опять были футболка, свитер и джинсы с ботинками, лицо украшала трехдневная щетина. Тихо гудел системный блок компьютера, а выключенный проектор уже затих, остывая. Сзади была ширма, спереди – белая стена без малейших признаков изображения.

– Вы о результате?

– О процессе тоже, – бесстрастно присовокупил Николай Николаевич.

– Там, во сне... был я? – спросил Егор.

– Зачем во сне? Наяву.

Верно, на сон это было не похоже. Он определенно чувствовал, что две или три минуты назад обнимал настоящую, живую девушку, слышал ее дыхание, голос. Белая грива Натальи была так соблазнительно раскидана по подушке. И эта цепочка на шее – она ведь не надевала ее при первой встрече в баре. Дивный альтернативный мир...

– Хотели остаться?

– Простите, вас это не касается, – отрезал Егор.

Николай Николаевич деликатно улыбнулся одними губами.

– От двух других попыток не отказываетесь?

– Разве я могу?

– Естественно.

«Нет, брат, поздно метаться. Надо идти до упора». Егор зачем-то пригладил волосы, откашлялся, подтянул рукава свитера.

– Поехали дальше.

Юля Павлова с сомнением хмыкнула.

– Столько мы вряд ли высидим, шампанское кончится.

– Еще закажи, я компенсирую, – сказал Егор в трубку.

– Нравится мне твоя удаль молодецкая.

Пообещав Юле подгрести в «Козу-дерезу» к половине восьмого («Если срастется», – подстелил он соломки), Егор свернул с проспекта в переулок. Другое кафе называлось «Ешь-пей» и отличалось незамысловатым, но питательным меню. Его выбрала местом randevу еще одна Наталья. Фамилию потенциальной пассии только предстояло узнать. Пятнадцать лет назад в расписании Егора на вечер приоритетным вариантом значилась Лежнева, а эту соискательницу он поставил в резерв – на случай неявки главной кандидатуры.

Знакомство со второй Натальей случилось в режиме офлайн, без всякой подготовки. В четверг Егору позвонили из банка, где он брал и досрочно выплатил небольшой потребительский кредит. Ему сообщили, что в документы вкралась досадная ошибка: при окончательном расчете, по вине сотрудницы, была указана неверная сумма.

– Сколько я вам должен? – спросил он.

– Десять копеек.

– Издеваетесь? Внесите за меня.

– Что вы! – ужаснулась собеседница. – По инструкции не положено.

Егор едва удержался от крепкого русского словца. В обещанный перерыв, проклиная составителей таких инструкций, он потратил пять рублей на маршрутку и столько же минут на устранение казуса. Еще надеясь проглотить какой-нибудь пирожок с кофе, теперь уже точно бывший заемщик пулей вылетел на улицу.

Помеху слева он увидел слишком поздно и, предпринимая маневр, локтем выбил папку с бумагами из рук высокой рыжеволосой девушки в элегантном клетчатом пальто. Та громко ахнула и сразу присела на корточки – собирать рассыпавшиеся выписки, счета и прочую документацию.

– Ёлки-палки... Не сердитесь, пожалуйста. Я помогу!

Егор сноровисто присел рядом, успев оценить ее ноги в прозрачных чулках. Полы пальто разошлись, и короткая юбка задралась, выставляя напоказ пикантные подробности вплоть до стрингов. Что касалось лица, то пострадавшая вряд ли могла претендовать на титул «Мисс Вселенная». Но в ее выступающих скулах и чувственных губах было что-то манящее.

– Глаза у вас на жопе, что ли, – буркнула девушка, не отрываясь от бумаг.

– Виноват, хочу исправиться, – Егор отвел глаза от чулок и применил свою самую обаятельную улыбку. – Вы за кредитом, наверное, бежали?

– Я похожа на идиотку?

– Тогда вы самый главный бухгалтер самого огромного завода.

– Такие остались?

– Сдаюсь, – Егор поднял обе руки. – Просветите, не бросайте.

– Давайте сюда, – девушка отобрала у него упавший лист.

– Меня Егором зовут, – сделал он решающий подкат.

– Наташа, – смягчилась она.

– А можно вам свидание назначить?

Окинув его долгим изучающим взглядом, как редкий музейный экспонат, Наталья, к удивлению Егора, утвердительно кивнула.

– Можно. На полседьмого завтра.

Обладательница идеальных ног произнесла это настолько повелительно, что дискуссия исключалась в принципе. «Кого хочешь построит», – мелькнула мысль и тоже подействовала возбуждающе.

В мире, где Егор принял приглашение Юли, ему не суждено было еще раз увидеться с этой Наташей. Он не стал перезванивать ей, как и Наталье Лежневой, и входящих звонков от них тоже не поступило. В сбывшейся реальности, сдав куртку в гардероб «Козы-дерезы», Егор нажал на красную кнопку телефона и включил его только после полуночи, вернувшись домой. От Лежневой прилетело два запоздалых смс: «Я у театра. Ты где?» и «Набери». Утром в субботу он ответил ей, что был вынужден срочно уехать с заказчиком. «Ок», – ответила она, и на том переписка завершилась, как и весь их роман. Наталья-вторая после сорвавшегося свидания не написала ничего. Кстати, работала она в том самом банке, куда Егор привозил свои кровные десять копеек...

Ужин, принесенный официанткой, больше напоминал полноценный званый обед. Рыжая Наталья с таким пылом взялась поглощать его, будто не брала в рот ни крошки уже

пять или шесть дней. Егор поймал себя на мысли, что она занимается этим весьма эротично.

«Ей лет двадцать семь или двадцать восемь, судя по внешности. Вряд ли больше, – про себя рассуждал он. – Вполне сознательный возраст. Должна уже напрыгаться по клубам». Провал первой попытки, предпринятой в альтернативной реальности, побуждал его действовать аккуратнее и для начала вытянуть из собеседницы максимум информации.

– Жру быстро и много, – предупредила Наталья, от борща со сметаной и салом перейдя к фаршированному перцу с картошкой-пюре.

– Кто хорошо питается...

– Да-да, пашет, как проклятый. Мечта начальства.

Егор рассмеялся.

– Я не начальник, но мне нравится ваша логика. Перейдем на «ты»?

– Ох, быстрый какой деятель!

Банк был ее призванием, но выяснилось это не сразу. Всё начиналось с преподавания в музыкальном училище по классу фортепиано («Оперу с опереттой не перепутает», – решил Егор, потягивая красное вино из бокала). Оттуда Наталью вытаскил сердечный друг со связями. «Спали вместе по выходным, и так три года», – предельно откровенно обрисовала она их отношения. На бухгалтерских курсах, которые ей пришлось окончить, было скучновато. Однако затем, начав с должности операциониста, новенькая сотрудница во-

шла во вкус.

– Сам процесс обожаю, – призналась она. – Движение финансовых потоков завораживает.

– Все деньги мира при тебе, – сострил Егор.

– Деньги – не главное.

– Что же главное?

– Как в анекдоте: был бы человек хороший, – серьезно ответила Наталья номер два.

Друг выходного дня, по ее словам, технично слился. От общей приятельницы она узнала, что он женился на дочке директора мясокомбината. «Угроза голода миновала», – саркастически прокомментировала Наталья.

– У тебя-то какие намерения? – в лоб спросил Егор.

– Мужика хочу нормального, чтобы не ныл и не бездельничал. Не дурака, не алкаша, не наркомана. Много в одни руки?

– Да нет, как раз.

– Ты такой?

– Допустим.

– Не виляй! – Наталья залпом осушила свой бокал. – Если да, нечего kota за хвост тянуть.

– В смысле?

– В прямом. Я вообще девушка простая и даже замуж не против.

Несмотря на свой жизненный опыт пятидесятилетнего мужчины, Егор малость опешил от такой прямоты.

– Притереться надо бы...

– Допивай и начнем, – она вызывающе смотрела на него, даже не пытаясь отвести взгляд.

Первый акт притирки состоялся в туалете кафе «Ешь-пей». Его кабинки были, к счастью, разделены капитальными стенами, и двери запирались на совесть. Из динамика под потолком доносилась музыка, которая эффективно заглушала подозрительные звуки. Под колготки Наталья, как выяснилось, не надела ничего, а обтягивающее платье с молнией сама сбросила на кафельный пол. Она оказалась фанаткой жесткого секса и сполна подтвердила это в ходе второго акта дома у Егора. В такси, на заднем сиденье, сотрудница банка была сама невинность, зато перешла к развратным действиям уже в лифте. Финал случился на рассвете, причем Наталья, войдя в раж, потребовала связать ей руки ремнем от брюк.

– Ну что, годен? – задал вопрос Егор за утренним кофе. Наталья потрянула рыжей челкой.

– Проверка засчитана.

– Сватов засылать?

– Успеешь. Давай пока в кино ходим.

– Сегодня?

– Лучше завтра.

– Уборка-готовка?

– Сына веду в цирк. Обещала.

О сыне она упомянула впервые, и Егор ощутил себя не

в своей тарелке. Кофе вдруг показался ему несладким. Наталья продолжала говорить, и стали известны кое-какие подробности. Сыну было семь лет, его папа пропал с горизонта шесть лет назад. Ни ответа, ни привета, ни материальной помощи. Жили они у Натальиных родителей, в отдельной комнате. А еще у них были две собаки – Шурка и Нюрка. Беспородные, подобранные щенками на улице, выхоженные и выращенные.

– Они как дети у меня, – с нежностью в голосе добавила Наталья.

Со своим первым сыном Егор тоже не виделся несколько лет. Не потому, что не хотел – такую твердую позицию заняла бывшая супруга. «Нам от тебя ничего не надо!» – заявила она. Ее отец был крупным чиновником и мог без труда позаботиться о внуке. Вообще, расставание вышло шумным и некрасивым. Бывший тесть названивал тогдашнему работодателю Егора, требуя уволить аморального типа и пьяницу. Работодатель сильно удивился, ибо его подчиненный на корпоративных вечеринках выпивал не больше двух рюмок водки.

– Ты опечалился что-то, – Наталья, отставив чашку, подкрашивала ресницы.

Егора потянуло честно сказать, что он не хочет повторения чего-то подобного – как не очень жаждет воспитывать неизвестного ему ребенка с капризным, как обмолвилась Наталья, характером. «На самом деле тебе не тридцать пять.

Хватит вешать на себя чужие проблемы. Хочешь счастливой семейной жизни – начни с чистого листа. Иначе зачем эти странствия между мирами?» – убеждал его внутренний голос.

– Кстати, как твоя фамилия? – спросил он.

– Грищенко. По мужу была Пахомова, – удивленно ответила она. – А что?

– Ничего. Вызывай такси, – и Егор достал бумажник.

Во дворе они попрощались, обнявшись без всяких излишеств. Егор махал рукой, пока машина не скрылась в арке, ведущей на улицу. Пиная ногой опавшие с деревьев, совсем пожухлые листья, он дошел до подъезда, развернулся и постоял немного. Внутренний голос раздвоился и теперь советовал не спешить с выводами, подождать.

Колокольчик зазвенел в его голове перед кабиной лифта. Егор застыл, как вкопанный. «У вас пять минут», – вспомнил он слова Николая Николаевича. Пять минут на окончательное решение. Чего греха таить, возможность остаться изначально не давала ему покоя – но, как и обычно в жизни, полагаться оставалось лишь на интуицию. Наивно было бы считать, что здесь перед ним откроется истина в последней инстанции.

«Пусть хотя бы моему двойнику повезет», – так мотивировал он себя на отчаянный шаг. А повезет ли? Что его ждет завтра, послезавтра... и чем в итоге сердце успокоится?

До истечения контрольного времени оставалась минута. В

горле неприятно защипало. Егор глубоко вдохнул, потом выдохнул и бегом спустился по ступенькам, надавил на кнопку, с усилием толкнул стальную дверь. Морозный воздух уколол его лицо невидимыми иголками. Очертания арки стали размываться, словно кто-то нарисовал ее на холсте...

– Вот она какая, золотая рыбка, – не обращаясь ни к кому конкретно, вслух проговорил Егор.

Николай Николаевич оторвался от проектора.

– Осталась последняя попытка. Отдышитесь, вы взволнованы.

– Вы и это... наблюдали?

– Да.

– Поняли, что я хотел разорвать контакт?

– Естественно, – хозяин домика был сама невозмутимость.

– Но дадите мне попробовать еще?

У Егора пошла кругом голова.

– Зачем я стану вам мешать? – очень рассудительно произнес Николай Николаевич. – Вы дали согласие на три попытки, я подписался со своей стороны. Мы выполняем взятые на себя обязательства.

– Побег – тоже часть эксперимента? – без экивоков спросил Егор.

– Слово «побег» вряд ли уместно, – снисходительно улыбнулся загадочный экспериментатор. – Ваше тело и, как вы

изящно выразились, душа останутся в нашем мире. Переместится ментальная копия. Да, информация, полученная в ходе перемещения, не сохранится в вашей памяти. Но всё остальное, повторяюсь, будет на месте. Я полагаю, это гуманный сценарий. Еще неизвестно, какую психологическую травму может вызвать осознание того, что где-то живет двойник, знающий всё о вас и нашем эксперименте. Возможно, живет более счастливо.

Тишину, которая затем наступила в студии, едва ли можно было назвать доброй. Егор испытал дикое желание послать Николая Николаевича к дьяволу, но сумел перебороть себя.

– Я готов, – объявил он, сжав кулаки.

Не став отвечать на настойчивые звонки Юли, он побрел по проспекту прочь от офиса – в противоположном направлении от театра и кафе «Ешь-пей». Фары машин светили, казалось, специально в глаза. Под подошвами хрустел ледок, затянувший мелкие лужицы. Холод мигом проник под растегнутую куртку, через пиджак и рубашку. Впрочем, Егор ощущал его совершенно отстраненно.

На этот раз у него не было никакого запасного варианта. «Альтернативный мир... Государыня-рыбка... Чтоб вас... А вот не буду делать ничего, кину всех, кому обещал – и что дальше? Чем порадуете?»

– Эй! Подожди!

До Егора не сразу дошло, что зовут именно его.

– Я тут. Алло!

«Кто-то надо мной издевается, что ли? Ухмылка мироздания или как всё понимать?» – подумал он.

Голос принадлежал Наталье Мелентьевой. Третья носительница одного и того же имени в ходе эксперимента – это было, пожалуй, чем-то большим, нежели совпадение. Их знакомству в октябре исполнился бы год. «Бы» потому, что оно продлилось недолго. В том мире, откуда прибыл Егор, Наталья сама перестала общаться без объяснения причин. Объяснять что-нибудь было не в ее стиле. Генеральный директор общества с ограниченной ответственностью, она вечно куда-то неслась и опаздывала. Всегда за рулем, с двумя попеременно трезвонящими телефонами, Наталья-третья покупала и продавала горюче-смазочные материалы. Спрос на них был высок, и на каждом свидании Егор волей-неволей окунался в атмосферу специфического бизнеса, где, кажется, не слишком придерживались правил.

Даже в день своего тридцатилетия Наталья, договариваясь об укладке с салоном красоты, параллельно толкала кому-то цистерны с керосином. Егор, привезя ей букет кремовых роз, никак не мог до конца выговорить свое поздравление и терпеливо ждал завершения переговоров на правом переднем сиденье черного «Форда». Когда, наконец, прозвучали все подходящие слова, она рассеянно кивнула в ответ и удостоила его поцелуя в щеку. Вечером беспокойного дня Мелентьеву ждали такие же деловые подруги – они условились со-

обща оторваться в сауне с бассейном и караоке.

Сейчас вместо блестящего «Форда» последней модели у нее была более скромная «девятка». Припарковавшись у тротуара и распахнув дверцу, Наталья сигнализировала Егору с водительского места.

– Привет! В аварию попала?

Такая версия напрашивалась сама собой, поскольку Наталья гоняла на грани фола, а порой за гранью.

– Целая, не переживай. Садись ко мне.

Обойдя машину спереди, Егор заметил на ее правом борту, в самом низу, следы ржавчины. Авто было явно с пробегом.

– Как бизнес? – поинтересовался он.

– Какой?

– Бензин, керосин... что там еще?

– А-а, этот... Кончился, – резюмировала Наталья.

Она включила свет, и Егор оценил перемены, произошедшие с ее внешним видом. Щеки впали, глаза покраснели – скорее всего, от недосыпа, из косметики Наталья теперь ограничивалась одной помадой, прежнюю прическу сменила короткая стрижка. Одета она была в простой джинсовый костюм и вязанный свитер с горлом.

– Разорились?

– Эти не разорятся, – неохотно выдавила из себя Мелентьева.

– Ты о ком сейчас?

– О дорогих учредителях, конечно.

– Кто они?

– Тебе лучше не знать.

– С твоей хваткой, опытом другие найдутся, – Егор попытался утешить бывшего генерального директора.

Вышло так себе. Наталья уперлась руками в руль и без наводящих вопросов, используя непечатные обороты, вкратце рассказала свою историю. Горюче-смазочные материалы действительно продавались прекрасно. Настолько прекрасно, что в один далеко не прекрасный день учредители фирмы перегрызлись из-за прибыли. Она, во-первых, показалась им маловатой. А, во-вторых, вину за это заодно с соответствующими подозрениями они приписали Наталье.

– Основания хоть были? – спросил Егор.

Она только скривилась, как от глотка уксуса.

– Хрен, а не основания. Ни гроша не сперла. Дура конечная.

Разборки продолжались долго. Ей даже пришлось прятаться за городом, на даче у родственников. Самый яркий учредитель подключил к процессу бандитов. Спор хозяйствующих субъектов был в конце концов урегулирован, однако Мелентьевой пришлось расстаться со своими накоплениями и частью личного имущества, а потом лечить нервную систему.

– Хорошо, хоть квартиру не забрали. До сих пор на колесах сижу, – сообщила она.

– Жесть, – искренне сказал он.

Оркестр на волне музыкальной радиостанции тихо играл «Будь со мной мальчишкой, пушистым зайчиком». Егору подумалось о том, как превратности судьбы влияют на человека.

– Ты куда пропала тогда?

– Не помню. Замоталась, наверное, – Наталья выключила свет и прибавила звук на магнитоле.

За всё время их разговора не раздалось ни одного звонка. «Интересно, это и есть моя третья попытка?» Сердце у Егора заколотилось часто-часто.

– Душно у тебя. Я окно открою?

Наталья издала сдавленный звук, потом еще. Приглядевшись, он сообразил, что она плачет. Это было так неожиданно и несвойственно всегда предельно собранной, целеустремленной женщине, что Егор растерялся.

– Перестань, всё образуется.

Вместо ответа она повисла у него на шее, продолжая всхлипывать.

– Десять лет... десять лет с этими козлами... На побегушках начинала... Только бабки, ни семьи, ни детей... Выкинули, как тряпку... Использовали и выкинули...

Егор неуклюже погладил ее по спине, приобнял.

– Наташа, не надо. Ты сильная, справишься.

– Не хочу быть сильной! Надоело! – яростно выкрикнула она.

На секунду заглушив радио, пискнул мобильник. Егор знал, что это первое смс от Лежневой, напрасно ждущей около театра.

– Тебя кто-то хочет?

– Ерунда, забей.

– А поедем ко мне? – предложила Наталья.

Что последует у нее дома, он тоже знал. Изучил в деталях за время их предыдущих свиданий. Разнообразием дебютов она его не баловала, да и на дистанции придерживалась одной и той же схемы. Секс в ее исполнении был похож на занятие в спортзале ради сброса лишних калорий. Для разнообразия и поддержания формы такое вполне годилось, но с точки зрения будущей близости Егор хотел чего-то более зажигательного.

– Подождешь минуток несколько? – спросил он. – Отскочу обратно в офис, кое-что забыл.

– Подожду, не вопрос.

Когда он освободился от ее объятий и уже взялся за ручку дверцы, Наталья тронула его за рукав.

– Слушай... ты мне не поможешь?

– Как? – спросил Егор, не сомневаясь в том, каким будет ответ.

– Денежку одолжишь? Тысяч пятнадцать хотя бы?

Его месячная зарплата в агентстве вместе с процентами, как правило, составляла меньшую сумму.

– Я долги еще не все отдала, – сказала Наталья.

– Обсудим. Жди.

Идя обратно по проспекту, он глянул на часы: 18.29. До кафе «Ешь-пей» можно было ускоренным шагом добрат-ся минут за десять. «Сейчас позвоню, извинюсь. Почему бы нет? Скажу, что задержали... Одна попытка – это один час по времени моего мира. В офис я переместился в 17.59, даже тут прошло всего полчаса». Егор полез за мобильником.

Звон колокольчика показался ему громче камнепада в го-рах. Замерев посреди тротуара, он услышал, как ругнулся какой-то прохожий, чуть не врезавшийся ему в спину.

«Не может быть! Так рано?» Но ведь Николай Николае-вич говорил, что в альтернативных мирах время течет по-своему. Или рыбка отмеряет минуты и часы как пожелает?

Колокольчик звенел, не умолкая. Егор застыл перед вит-риной с манекенами, которые безжизненно улыбались че-му-то своему. Третья и последняя попытка тоже оказалась тщетной.

Витрина задрожала и начала растворяться в воздухе...

Ни загадочного Николая Николаевича с его лабораторией, ни аквариума с золотой рыбкой он больше не увидел. Пере-мещение завершилось, и Егор обнаружил себя стоящим на улице, перед домиком из бурого кирпича. Окна за белыми жалюзи были темны, вместо вывески «Ателье» возле вход-ной двери висело объявление «Продается» с номером теле-фона. Начинало смеркаться.

Он ехал домой в состоянии удивительного умиротворения. Вопрос «Что было бы, если бы?..» его больше не тяготил. Осталось едва уловимое сомнение по поводу второй попытки... но нет, в своем мире он поступил бы так же, и точка. Выйдя из маршрутки, Егор привычным движением переложил мобильник из внутреннего кармана куртки в боковой и нащупал там сложенный вчетверо листок бумаги.

«Согласие, мой экземпляр, – вспомнил он. – Как же их контора правильно называется?» Развернул и не увидел ничего. Лист был абсолютно чистым, без единой буквы и подписи. Это открытие почему-то не слишком удивило Егора. Он вытащил телефон и позвонил Яне.

– Ты куда скрылся? Я уже беспокоиться начала, – откликнулась она после второго гудка.

– Опять посетил родные края, – сказал он.

Ему было очень приятно слышать ее голос – как после невероятно долгой командировки.

– Маму с папой проведаль? Молодец.

Егор не стал уточнять цель своего путешествия.

– У меня есть важное сообщение.

– Какое? – Яна, кажется, насторожилась.

– Я тебя люблю.

Она расхохоталась.

– Опять твои шуточки. Возвращайся скорее!

Когда Егор поравнялся с хлебным киоском, в кармане приглушенно булькнуло. «Всё уже съели, что ли?» Он оста-

новился, снова достал мобильник. Но Яна тут была не при чем.

«Я приехала. Встретимся?» – пришло смс от Натальи Лежневой. За годы, прожитые в Москве, она так и не отступила от лаконичной манеры письма. У нее тоже была привычка сохранять все контакты.

Помещение

Эта история приключилась в январе девяносто шестого. Я уволился с частного телеканала «Прокруст» («Про хруст», – как шутили местные острословы) и прибился к редакции литературно-художественного журнала. Учрежденный в эпоху индустриализации, журнал сохранил звучное название: «Спуск». Имелся в виду не спусковой крючок нагана или винтовки, а первый сброс воды с плотины только что возведенной ГЭС.

Кроме букв на обложке, издание успело лишиться почти всего. В прошлом остались бюджетные дотации, внушительный тираж, щедро оплачиваемые командировки для членов редколлегии. Номера стали выходить крайне нерегулярно, по мере изыскания средств на бумагу и типографию. На почве совместных страданий коллектив раскололся. Большинство в один голос выбрали нового главного редактора – моего знакомого Владислава Локтева. А он позвал меня.

В принципе Владислав не скрывал, что ему требовался свой человек для упрочения руководящих позиций. Уволить кого-либо из сотрудников он не мог, так как уволенным пришлось бы выдать расчет, но денег на это не было. Редакция даже задолжала крупную сумму государству. Впрочем, налоги тогда мало кто платил.

– Будем делать эротический номер, – сказал Локтев.

– Какой-какой? – переспросил я.

– Эротический.

Мне тут же вспомнилось, как наш губернатор советовал Союзу писателей активнее поднимать тему секса. Писатели уповали на материальную помощь, однако уплелись несолоно хлебавши.

– Поздновато начинаем, – усомнился я.

– У нас в провинции это будет бомба. В «Спуске» такого отродясь не публиковали, – напористо возразил Владислав.

Напористым он оставался в любой ситуации. После армии ему довелось поработать на горно-металлургическом комбинате и поколесить по стране. Московский литинститут Локтев окончил матерым человеком, по ходу своих странствий дважды женился и дважды развелся. В писатели был принят, по прежним меркам, неприлично рано – до тридцати лет. Меня как журналиста со скромным опытом подобные достижения впечатляли. К тому же мне нравилась его манера письма.

– Назначу тебя редактором отдела, – посулил он.

– Какого?

– Публицистики.

В тот момент я не мог похвастать кучей предложений от других СМИ, поэтому мы ударили по рукам. За что и хлопнули по рюмке водки на холостяцкой кухне у Локтева, заев рисовой кашей с мясом. Готовил он сам, облачившись в замызганный фартук, и получалось вкусно.

Всё вроде было ничего, но на нас свалилась убийственная
весть...

Со свойственным ему новаторством Владислав решил расширить круг авторов журнала. Поэтому произведения на тему эротики нам понесли разные люди. Я как раз вычитал рассказ известного в городе художника-карикатуриста про акупунктуру, которая сказочно повысила мужскую потенцию героя, и приступил к новелле о безответной любви к резиновой женщине. Новеллу сочинил реальный писатель и лауреат нескольких премий, отвечавший в журнале за отдел краеведения. О том, что он балуется такими темами, я ни за что не подумал бы.

В этот момент дверь моего кабинета распахнулась. Под потолком зашуршали отставшие от стен и выцветшие до почти полной прозрачности древние обои. Ремонт здесь, пожалуй, делали примерно в конце шестидесятых.

– Сидишь? – войдя, спросил Гена Филимонов.

– Тружусь.

– На, держи за труды.

Он швырнул поверх рукописи об иглоукалывании книжицу в мягкой обложке, сам без церемоний взгромоздился на край стола. Под ним опасно заскрипело. В Гене было сто с лишним кило.

– Разломаешь мне мебель, – сказал я.

– И так одни дрова.

Открыв наугад Генин подарок, я наткнулся на строчки:

*Я умру на заре, не спеша и печально,
Я уеду от вас на лафете комбайна...*

– Что это?

– Вся враждебная фракция обсуждает. Дубосеков издал.

– На свои?

– Держи карман шире.

Очень давний член Союза писателей Василий Дубосеков был конкурентом Локтева на выборах главного редактора. Проиграв, озлобился и затаился у себя в отделе критики. Любопытно, что Владислава он раньше воспринимал вполне положительно, даже давал ему рекомендацию при вступлении в Союз. Их отношения пошли прахом после памятного голосования, где поэт-критик возмутился и требовал пересчета бюллетеней.

Взявшись исследовать выходные данные, я прочел: «Автор благодарит депутата областного Совета Матвея Николаевича Евсеева за дружескую помощь при подготовке сборника». Евсеев рулил филиалом банка «Агро-кредит» и обожал эпатировать публику пиджаками и галстуками умопомрачительных расцветок. Ни для кого в редакции не было секретом, что Дубосеков с его сторонниками таскают кляузы на Локтева именно в депутатскую обитель.

– Нам бы какого-нибудь спонсора.

В ответ на мою реплику Гена скорчил неопределенную гримасу.

– Сахар-то продается?

Вместо ответа Гена скорчил другую гримасу, не оставляющую сомнений. Он заведовал отделом распространения, а поскольку распространять пока было нечего, мотался в пригородный район, на сахарный завод, где брал мешки этого продукта под реализацию. Мешками был заставлен весь его отдел с примыкавшей к нему кладовой. Предполагалось, что сей незатейливый бизнес поможет журналу выжить. Гену я знал по недолгой общей работе в одном еженедельнике. План по строчкам корреспондент Филимонов хронически проваливал, зато не имел себе равных по части выдумывания разных баек.

– Ты у Влада был? – задал я следующий вопрос.

– От него иду. Дрянь дело, помещение отбирают.

– Кто?

– Мэрия.

Я присвистнул.

Редакция «Спуска» находилась в самом центре, до резиденций мэра и губернатора отсюда было рукой подать. Здание числилось памятником истории и культуры, ибо в нем когда-то заседало дворянское собрание, а затем располагался штаб Буденного. Трехэтажный старинный особняк с белыми львиными мордами на зеленом фасаде без тревог и потрясений пережил первые годы приватизации, но сейчас, похо-

же, пробил и его час. Наивно было уповать, что лакомый кусочек недвижимости проскользнет мимо состоятельных ребят.

– Откуда знаешь?

– Из надежного источника, – авторитетно сказал Гена.

– Как же памятник?

– Изменить статус – раз плюнуть.

– Взамен дают что-нибудь?

Гена вкратце рассказал, что хотят дать. Журналу светила жилплощадь вдвое меньше, в обшарпанном желтом строении за автовокзалом. Я знал, где это, ездил мимо него на прошлую работу. «Там собес, их отселяют», – пояснил он. До центра оттуда было полчаса на троллейбусе.

– Что Влад говорит?

– Драться будем.

Критик-поэт Дубосеков брезгливо поморщился и, глядя мимо главного редактора в пустой угол, произнес будто нехотя:

– Владислав Иванович сгущает краски, как обычно.

Собрание коллектива длилось уже минут сорок, явно зайдя в тупик. Вопрос о помещении обсуждали в полном составе и к единому мнению не пришли. Фракция, отвергавшая Локтева, приволоклась тоже, но слушала молча. Ее лидер только теперь подал голос.

– Что же я сгустил? – отреагировал Владислав.

– Мы не можем... э-э... полагаться на сплетни. Где документы? Где официальное решение с печатью и подписью? – в той же манере обронил Дубосеков.

– Когда придут с решением, будет поздно, – тихо, но отчетливо сказала маленькая и худенькая Ирина Антоновна, мама Гены и секретарь редакции.

Дубосеков бровью не повел в ее сторону.

– Как хотите, голосовать тут не за что. Нет предмета. Верно, товарищи? – качнул он окладистой бородой.

– Я так понимаю, на журнал вам плевать?

Локтев, кажется, завелся. Его оппонент сохранял невозмутимую мину на лице.

– На журнал плевать вам, Владислав Иванович. Вы это показываете всей вашей политикой. Над этим, прости Господи, эротическим номером скоро весь город будет смеяться.

– Пусть лучше смеются, но читают.

– А до вас не читали?

По прищуру Локтева я понял, что грянет буря.

– Если без дураков, Василий Яковлевич, то наш «Спуск» уже на подтирку годился.

– Что-о?

Дубосеков повернул голову и впервые посмотрел в глаза Владиславу. Тот не собирался останавливаться:

– Что слышали. О чем писали? Лютики-цветочки, молочко-коровки, босоногое детство? Жевали одно и то же по сто раз?

– Ну, знаете... – автор стихотворения про смерть комбайнера поперхнулся от негодования.

– Знаю! Кому эти стоны про забытую духовность нужны? Где жизнь – настоящая, сегодняшняя, без соплей? Патриотами называетесь? А толку? Загнали себя в резервацию и сидите, как евнухи.

Дубосеков поднялся и с грохотом отодвинул стул. Я заподозрил, что литературная дискуссия, едва начавшись, перейдет в рукопашную. В ней крепко сбитый Локтев однозначно имел бы преимущество перед полноватым спарринг-партнером. Гена, очевидно, подумал то же и на всякий случай встал. Мы с ним, к счастью, ошиблись.

– В таком тоне общайтесь со своими прихлебателями, – процедил побагровевший Дубосеков и вышел вон.

Его фракция осталась сидеть, но при голосовании ни один человек из нее не поднял руку.

– Да, с челобитной мы пролетели, – подвел я итоги, когда кабинет главного опустел.

– На всё пойдут, лишь бы меня выдавить, – сказал Локтев. – Суки.

– Творческая интеллигенция.

– Небось новую кляuzu кропают.

– Что еще заниматься?

Писатель и главный редактор помотал головой.

– Оно мне надо, а? Подам в отставку, брошу этот журнал

к чёртовой матери. Пусть сами кувыркаются.

В затею с коллективным письмом к властям я изначально не слишком верил, но по другой причине. Вряд ли хоть одна из других редакций стала бы публиковать или цитировать его. Цеховая солидарность давно уступила место принципу: «Каждый за себя, один Бог за всех». На коммерческой основе, может, и взяли бы, только на счете и в сейфе было пусто. А сенсацией, достойной печати, в нашем случае не пахло.

– Сгоняю пообедаю, – нарушил затянувшееся молчание Владислав. – Хочешь, айда ко мне. Сообразим чего-нибудь. Вермишель отварю, тушенка есть.

Он квартировал в хрущевке неподалеку.

– Спасибо, лучше в другой раз. Чайку попою с бутербродом, – ответил я.

Ящики моего стола выдвигались не без труда. В верхнем лежали папки с рукописями, в нижнем – принесенный из дома кипятильник с пакетиками чая. Большую кружку с нарисованным цветком ромашки я держал на подоконнике. Между деревянными рамами окна, где похолоднее, хранился, завернутый в целлофан, кусок батона с парой ломтиков дешевой колбасы. Через несколько минут я прихлебывал из кружки и закусывал.

Финансы заливисто пели романсы. Месяц в «Спуске» не принес ни копейки. С телеканалом «Прокруст» я простился по той же причине. Его директор Валентин Валентинович, долговязый и поджарый, вечно торопящийся куда-то мужчи-

на лет за сорок, размашистой походкой напоминавший мне школьного военрука, был полон идей и уверял, что деньги вот-вот поступят.

Канал располагался на техническом этаже городской клинической больницы номер пять, сокращенно «пятерки». С ее главным врачом якобы удалось договориться по какой-то сложной бартерной схеме. Так что съемочные группы путешествовали на лифте вверх-вниз вместе с пациентами и санитарями. Передатчик с антенной стоял там же, поскольку «пятерка» была самым высоким зданием в радиусе нескольких километров. Сигнал телеканала всё равно принимался не везде, что ничуть не смущало Валентина Валентиновича. Он настырно и беззастенчиво рекламировал свое детище на каждом углу.

– Есть задание особой важности, – объявил он мне как-то утром, когда я уже минут десять ждал лифта.

Такой таинственный заход на цель меня насторожил. Как выяснилось, не зря. Валентину Валентиновичу кто-то по секрету сообщил, что губернатор затеял коренную реконструкцию сортиров на главном этаже «белого дома». На нее были ассигнованы миллиарды рублей тогдашними дензнаками и приглашены иностранные рабочие – то ли из Турции, то ли из Вьетнама.

– Нужен спецрепортаж, – подытожил директор.

Я выразил скепсис насчет выполнимости задания. «Белый дом» всё-таки охраняли, и на упомянутый объект нас вряд

ли пустили бы.

– Кто из нас журналист? Решай.

С этими словами шеф «Прокруста» испарился, внезапно передумав ехать на лифте.

Говорят, необходимость обостряет разум. План родился быстро, и его реализация тоже не отняла много времени. Чтобы попасть в здание на площади, я напросился на интервью к одному словоохотливому чиновнику. В то развеселое времечко никакого согласования с пресс-службой не требовалось. Беседу мы с оператором записывали, даже не вставив кассету в камеру. Затем, простившись, направили свои стопы не вниз, на вахту, а этажом выше.

Санузел действительно был разворочен, будто в него попал снаряд крупного калибра. Сквозь пелену из цементной пыли деловито сновали смуглые люди в комбинезонах и касках. Оператор сунул кассету в гнездо и нажал на Rec.

– Do you speak English? – бодро спросил я первого встречного.

Смуглый человек, слегка припорошенный цементом, застыл передо мной, как лист перед травой.

Я повторил свой универсальный вопрос. Ответом была гробовая тишина. Напарник выжидательно смотрел на меня. Планом «Б» мы не удосужились запастись.

– Мустафа! – вдруг с выражением проговорил человек.

Я счел, что он имеет в виду себя, но не угадал.

– Мустафа спик инглиш, – с жутким акцентом сказал сын

Азии и воздел палец к небу.

Я понял, что выход найден.

– Эй, Мустафа! – крикнул турок в недра сортира.

Что-то упало и задребезжало, потом из-за цементной пелены появился другой его соплеменник в комбинезоне и каске, ростом пониже первого. С ним процесс пошел энергичнее. Помогая себе активной жестикуляцией, я выяснил, что бригада прибыла из Трабзона, предварительно подписав контракт на три месяца. Общих параметров сделки рабочие, само собой, не знали. Полиглот Мустафа знал английский еще хуже меня и тоже постоянно прибегал к жестикуляции.

Когда отчалили обратно в «пятерку», водитель Сева, увяжавшийся за нами в «белый дом», разочарованно вздохнул:

– А я поверил, что там правда золотые унитазы.

Мы с оператором заржали так, что наш подержанный «Москвич» заходил ходуном. Про унитазы, конечно, наплел я перед выездом на съемку.

Специальный репортаж, впрочем, в эфир не вышел. Валентин Валентинович забрал его со студии заодно с исходным материалом. Мне он объяснил, что намерен выгодно продать сенсацию оппозиционерам из облсовета. На том всё и застопорилось. Потом я уволился, поняв, что случай тут поистине клинический, и отчаявшись получить свои кровные...

Доедая бутерброд, я прикидывал, как распорядиться тем

помещением, которое пока есть. У бывшего дворянского собрания было два бесспорных преимущества: здесь топили так, что двадцатиградусный мороз на улице не ощущался абсолютно, и стены особняка были толстыми, как у крепостного каземата, гарантируя полную звукоизоляцию. Последнее обстоятельство имело для меня важное значение. Сегодня вечером, после шести, я планировал показать свой кабинет наборщице Маше из листка бесплатных объявлений.

Преимуществом Маши была грудь третьего с половиной размера, да и вся ее фигура откровенно располагала к разврату. С этой девушкой я познакомился на дружеской пьянке в еще одной редакции, где в прямом смысле дым стоял коромыслом. Пока народ вразнобой пел под гитару, мы с Машей обжимались в узеньком закутке, где весьма кстати перегорела лампочка. Там же условились продолжить, не откладывая ничего в долгий ящик.

Маша была не замужем, я не женат, и мы оба жили с родителями. Дивана или кровати в отделе публицистике не было, но, помимо стола и стульев, сохранилось кресло музейного вида. Заранее проверив прочность его ножек, я рассудил, что оно послужит нам подспорьем. Вахтер на первом этаже мирно дремал над кроссвордами, и опасаться его вмешательства не приходилось.

Поэтому, сметя крошки в корзину для бумаг, я двинулся в отдел распространения. Там был единственный в здании телефон, не отключенный на неуплату. Маша ждала моего

звонка с подтверждением свидания.

В отделе царил хаос. Незнакомые мне плюгавые мужички, кряхтя и матерясь сквозь зубы, тащили на себе мешки с сахаром прямо к выходу и дальше, во двор. Дверь была распахнута настежь. На линолеуме таяли ошметки снега с грязью. Гена дирижировал переноской.

– Оптом толкнул? – спросил я по простоте душевной.

– Ага, как же! – саркастический отозвался заведующий. – Следы заметаем.

– Следы чего?

– Проверка идет.

Тот же надежный источник, что и прежде, поведал Гене о грядущем визите комиссии из мэрии. Целью проверки было доказать нецелевое использование дома с мордами. Оформить затем постановление и выселить нас, действительно, оставалось бы делом техники.

– У нас другие недозволенные вложения есть?

– Есть. погоди минуту, я маму позову и пойдем разбираться, – сказал Гена.

Ирина Антоновна, нервно курившая на крыльце, сменила сына, и мы с ним потопали по основной лестнице на третий этаж. Угловую комнату с окном на бизнес-центр по соседству редакция сдавала дизайнерскому бюро. Оно проектировало интерьеры и шило шторы. По моему убеждению, это было совершенно безнадёжное занятие. В нашем городе остановившихся оборонных заводов вряд ли нашлась бы

масса желающих улучшить свои интерьеры.

– Оля, это временно, – Гена не дал хозяйке бюро и рот открыть. – Давай, сворачивай хозяйство.

– Ген, я заплачу завтра... – начала Оля, хрупкая блондинка в очках и застиранном джинсовом костюме.

– Давай-давай, не тормози. Иначе всем капут.

Олино имущество мы в темпе растащили по разным кабинетам дружественной фракции. Мне достался чертежный прибор, он же кульман, в виде доски с ножками. Многочисленные рулоны красивых тканей Гена уволок в освобожденную от сахара кладовую. «Типа к ремонту готовимся», – на скаку сформулировал он правдоподобную версию. Чашки-вилки-ложки, сменную обувь и прочие пожитки хозяйка забрала домой.

– Всё?

Гена вдруг стушевался.

– Еще кого-то пригрели? Где?

Я полагал, что за месяц, проведенный в особняке, успел изучить его закоулки. Выяснилось, что это ложный послыл. Между третьим этажом и чердаком тянулся малозаметный коридорчик. Его дальняя, тупиковая часть, точь-в-точь над дизайнерским бюро, была отсечена деревянной перегородкой, выкрашенной, как фасад, в зеленый цвет. В перегородке имелась дверца с ручкой и врезным замком. Из замка торчал ключ с картонной биркой. «401а» вывел на ней кто-то химическим карандашом.

Воспользоваться ручкой я не успел. Незапертая дверца отворилась наружу благодаря обитателю этого убежища.

– Э-э... здравствуйте, – рефлекторно вырвалось у меня.

Перед нами стоял, почти касаясь головой потолка, высокий старик, седой как лунь. Когда-то он был силен, статен и широк в плечах, как Владислав Локтев. Теперь прожитые годы давили на него, заставляя против воли сутулиться. Резкие черты лица дополняли глубокие морщины на лбу и возле рта. Над глубоко запавшими темными глазами кустились белые брови. Сжатые губы и выдающийся подбородок выдавали натуру, не привыкшую попусту разбрасываться словами. Хотя последнее я, вероятно, домыслил позднее.

Старик был одет в коричневый мешковатый костюм-тройку, светло-розовую рубашку, манжеты которой торчали из рукавов пиджака, и коричневый же галстук в бежевую крапинку, повязанный большим узлом. В середине девяностых галстуки носили иначе. Несмотря на явные анахронизмы во внешнем облике, человек из кабинета «401а» не выглядел потерянным или опустившимся. Стрелки на его брюках были просто образцовыми, воротник рубашки чистым, а брился он, по-моему, ежедневно со всей возможной тщательностью.

– Просьба освободить помещение, – сказал я казенно.

Старик сделал движение, будто расправлял плечи. Ему это плоховато удалось. Глаза его сверкнули.

– Я Поспелов, – проговорил он ясным и зычным голосом.

– А я Филимонов, – представился Гена.

– Не паясничайте, молодой человек.

Фамилия загадочного человека из коридора показалась мне знакомой, но где я ее слышал и при каких обстоятельствах, вспомнить категорически не удавалось. Секунды лети, превращаясь в минуты, и комиссия могла нагряться в любую из них.

– Простите, – Гена просунул плечо между дверным косяком и нашим собеседником.

– Да как вы... – так же повелительно продолжил старик в костюме и галстуке, но мы его больше не слушали.

Я проник в таинственный кабинет по пятам за Геной, и убогая обстановка открылась мне сразу и полностью.

Внутри каморки (так правильнее следовало назвать его) стояли ветхий письменный стол, еще страшнее моего, жесткий конторский стул с инвентарным номером и больничная тумбочка. На столе – ни бумаг, ни книг, только черный телефон, наверное, годов тридцатых или сороковых, с цифрами и буквами на наборном диске. Возле тумбочки на здоровенном гвозде, вбитом в стену, висели пальто с красным меховым шарфом и шапка-ушанка. Потолок украшала лампочка без абажура. Больше там не было ничего, даже календаря.

– Прекрасно! – воскликнул я фальшиво.

Весь этот хлам не вызвал бы подозрений даже у самых пристрастных проверяющих. Подняв телефонную трубку, я, естественно, услышал в ней абсолютную тишину.

Гена подхватил верхнюю одежду Пospelова, деликатно всучил ее владельцу и могучим корпусом оттеснил его в коридор. Я мигом запер дверь и спрятал ключ с биркой в карман джинсов.

– Вам сегодня лучше погулять, – посоветовал я старику.

На него словно столбняк напал.

– Вы за это ответите! Знаете, кто я? – раздалось у нас за спиной, когда мы с Геной уже бегом спускались по лестнице.

Но нам было точно не до установления личности незнакомца.

Комиссия пожаловала без десяти четыре. В ее составе нас почтил своим присутствием вице-мэр по социальной политике, который также ведал всей городской культурой. Его сопровождали чиновник из комитета по имуществу, рангом пониже, мелкий клерк и усатый капитан из муниципального батальона милиции.

Вице-мэра я знал. До перестройки он был кандидатом наук и преподавал математику будущим инженерам. В начальственное кресло его вознесла волна демократических выборов. Хамскими манерами он не отличался, и вопиющих злоупотреблений с его именем не связывали. По крайней мере, пресса о них не писала.

– Если хотите, с ОМОНОм выселяйте, – заявил Локтев.

У вице-мэра было усталое лицо, а капитан милиции вообще, кажется, охотно завалился бы спать.

– Не надо устраивать комедию, – ответил вице-мэр.

– Журнал войну пережил, Сталина, коллективизацию, – не унимался наш главный.

Насчет коллективизации он несколько увлекся. К литературе она, по-моему, не имела прямого отношения.

Общение протекало в вестибюле первого этажа, перед парадной лестницей. Рядом со ступеньками развернулись в цепь сторонники и сторонницы Владислава Ивановича. Противники продолжали гнуть свою линию, поставив кадровый вопрос выше проблемы с помещением. Следуя примеру Дубосекова, они забаррикадировались в кабинетах. В мою спину горячей грудью упиралась наборщица Маша. Ее отпустили с работы пораньше, и она явилась без подтверждения и предупреждения практически одновременно с комиссией.

– Владислав Иванович, – вмешался чиновник из комитета по имуществу, – мы обязаны составить акт. Таков порядок. Что касается выселения, как вы ошибочно выразились, решать будут депутаты. Не мэрия.

– Не виляйте. С вашей подачи будут решать!

Чиновник развел руками.

– Коллеги, давайте вести себя разумно, – в академическом стиле обратился к нам вице-мэр.

Развить эту мысль ему было не суждено. Входная дверь громко хлопнула, из тамбура донеслись возмущенные восклицания вахтера, а затем в вестибюль вломилась съемочная группа телеканала «Прокруст». Тот же оператор, с которым

я освещал сортирную тему, снимал на ходу, с плеча. Бок о бок с ним на комиссию, держа наперевес микрофон, надвигалась юная, но дерзкая не по летам девушка Дина, принятая корреспондентом на испытательный срок.

– Телевидение! – выдала она точно с такой интонацией, как: «Это ограбление!»

Вице-мэр застыл с приоткрытым ртом.

– Наши информаторы сообщают, что здание журнала будет перепрофилировано под ресторан и публичный дом. Это соответствует действительности?

Локтев тоже приоткрыл рот.

– Да или нет? Общественность хочет знать, – чеканила Дина.

– П-простите, какой дом? – попробовал собраться для отпора глава комиссии.

– Публичный, для VIP-клиентов. С обслуживанием за валюту.

– Я н-ничего такого не знаю.

Вице-мэр даже начал заикаться.

– Я еще спрошу, – напирала Дина, тыча микрофоном в жертву. – Правда, что покупателем здания должен стать депутат и банкир Евсеев?

– Что вы г-говорите? Я н-не знаком с Евсеевым.

– Это не ответ. Правда или нет?

– Да к-кто вас п-прислал?

Далее случилась классическая для скандального сюжета

сцена. Вице-мэр попытался отвернуться от камеры, потом на выручку ему подоспел милиционер, пятерней закрывший объектив. Локтев что-то заорал, Маша позади меня взвизгнула. Всё закончилось суетливым бегством высокой комиссии с поля боя.

Дина с оператором шустро записали блиц-интервью с Владиславом, который повторил свои тезисы про войну и коллективизацию, и унеслись на студию – готовиться к выпуску новостей. Наша фракция еще чуть-чуть пообсуждала текущие события, а после тоже наострила лыжи из особняка. Так что нам с Машей никто не помешал уединиться в отделе публицистики.

Вязаный свитер, подчеркивавший ее достоинства, махом очутился на подоконнике, как и остальные предметы нашего туалета. Мощные стены нам действительно очень пригодились. Наборщица бесплатных объявлений верещала, как под пыткой. Мы отвели душу и на столе, и в музейном кресле, и стоя перед окном, за которым вполне романтично смеркалось.

– Дашь эротические рассказы почитать? – спросила Маша, зная про будущий беспрецедентный номер «Спуска».

– Когда сверстают, – пообещал я.

– А откуда телевидение взялось?

– Угадай.

Моя пылкая подружка не блистала проникательностью, и пришлось вкратце объяснить. Телевизионщиков позвал я, поманив сенсацией. Идея с публичным домом посетила меня сразу после удаления посторонних и заметания следов. Похожую байку травил Гена еще в свою бытность репортером, только про общагу медучилища. Ну, а банкир-депутат Евсеев подвернулся под руку из-за поэта-критика Дубосекова. Обсудить свой замысел с Локтевым я не успел, поэтому случившееся стало легким шоком и для него.

– Ты завтра сильно занят? – выслушав пикантные подробности, поинтересовалась Маша.

– Трудно сказать.

– Хочу еще...

По дороге домой я наконец понял, почему мне показалась знакомой фамилия старика. Добрых полтора десятка лет Пospelов был ни много, ни мало как председателем горисполкома. По-современному, мэром. При нем построили кукольный театр и дворец пионеров, открыли парк с избушкой на курьих ножках, автодромом и каруселями, обожаемый мною в детстве. Еще из пустыря за центральным проспектом сделали площадь с фонтаном, дикий пляж на берегу реки превратили в настоящее место отдыха – с навесами-грибками, лавочками, кабинками для переодевания, прокатом катамаранов, спортплощадкой и кафе.

За эти и другие достижения Пospelова наградили орденом. А накануне перестройки произошел типичный случай:

его подсел первый зам и лучший ученик. Советского мэра проводили на пенсию без почестей. Чем он занимался все последующие годы, я понятия не имел. Неужели регулярно ходил в свою каморку, сидел там в полной тишине и одиночестве, глядя на черный телефон и ожидая, что, может быть, он зазвонит? Надеялся, что снова куда-то позовут и что-то предложат?..

Полет моей фантазии прервала мама, с порога известившая, что меня разыскивали.

– Кто?

– Не знаю. Владислав твой, наверное.

Я, не снимая пуховик, набрал Локтева. Но звонил перед этим не он. Пользуясь случаем, я спросил про Пospelова.

– Его главред пустил. Ну, до меня, прошлой зимой. А мне что, жалко? – ответил Локтев.

Легенда про долгое заточение рассыпалась, не протянув и часа.

– За него вице-мэр хлопотал, который к нам приходил, – добавил Владислав.

– Откуда такие сведения?

– Дубосеков рассказывал, когда еще не перегрызлись.

Телефон в прихожей опять зазвонил, когда я развязывал шнурки. Это был Валентин Валентинович.

– Удружил ты нам, – сказал директор «Прокруста» и довольно хихикнул.

– Серьезно?

– Господин Евсеев будет знать, как людей кидать.

– Кого он кинул?

– С нами за ролики не расплатился. Ты бы видел, как он сейчас опровергал новость про публичный дом!

– Обращайтесь, – сказал я, справляясь со шнурком.

– Обижаешься? – предположил Валентин Валентинович.

– На обиженных воду возят.

– Правильно. А у меня есть для тебя кое-что.

К Валентину Валентиновичу неофициально обратился главный редактор государственного канала. По его словам, искал перспективного журналиста. Там в кои-то веки сподобились перетряхнуть состав.

– Пойдешь туда? Рекомендацию дам.

– Можно до утра подумать? – спросил я.

Ту битву за помещение мы выиграли, но вести затяжную окопную войну Влад Локтев не захотел. Он решил сосредоточиться на продвижении себя и своих книг. Тем более, что известный столичный обозреватель окрестил его «русским Луи Буссенаром». Эротический номер сверстали, но не напечатали. Дубосеков журнал так и не возглавил: после добровольной отставки Локтева обе фракции перемешались и повторно перегрызлись. Гена перебрался в торговый дом, став менеджером по закупкам. Покупать у него получалось лучше, чем продавать.

Я принял предложение Валентина Валентиновича и тоже

сменил место работы. С Машей мы в следующий раз согрешили на квартире у ее приятельницы, но она вопила так истошно, что пожаловались соседи. В результате ключи нам больше не доверили. Увлекательная связь из-за дефицита мест отдыха сошла на нет.

Новость о Поспелове попалась мне на глаза лет через десять, уже на просторах Интернета. Имя бывшего председателя горисполкома депутаты присвоили крохотной улочке в строящемся микрорайоне. В тексте были указаны и годы жизни: 1925-1997. Я подумал, что тогда, в девяносто шестом, он выглядел гораздо старше своих лет.

Вакцинировался

Витя Галкин с сияющим лицом вбежал в кухню. Семья в составе трех человек только села обедать. Галкин-отец успел съесть первую ложку супа и поднес ко рту вторую. Витина мама накладывала в тарелку салат. Сестра, ученица седьмого класса гимназии имени Песталоцци, украдкой совала коту Мурзику обрезок колбасы.

– Слушайте! – крикнул Витя и поперхнулся от волнения.

Все уставились на него. Мурзик уронил колбасу на пол.

– За тобой что, гонятся? – поинтересовался отец.

Витя перевел дух и сообщил чуть спокойнее:

– Я вакцинировался!

Мама продолжила манипуляции с салатом. Отец проглотил вторую ложку супа и только потом спросил:

– Заставили?

– Нет. Я добровольно, – ответил сын.

– Ну и дурак, – заключил Галкин-старший.

Витя снова чуть было не поперхнулся – на сей раз от негодования.

– Как же можно такое говорить? Это ведь государственное мероприятие.

– Знаем мы эти мероприятия. Хоть бы отстали уже от людей.

Против столь дремучей демагогии сложно было возра-

зять, но Витя попробовал.

– Мы живем в современном обществе, которое стремительно меняется. Надо понимать последствия своего бездействия для окружающих...

– Окружающие пусть сами о себе подумают, – цинично заявил старший Галкин.

– Нет, ну так нельзя! Вирус передается по цепочке, которую необходимо разорвать, – начал популярно объяснять Витя.

– Без нас разорвут, – не переставая поглощать суп, хладнокровно парировал дремучий отец.

– Да кто же разорвет?

– Кому положено.

Витя всплеснул руками.

– Если так будут рассуждать все...

– Ты за всех не расписывайся, – сказал отец, облизав ложку.

– Мама, хоть ты меня поддержи, – воззвал Галкин-младший.

Вид у мамы был смущенный. Она отложила вилку и глядела куда-то в сторону, где стояла солонка.

– Я не знаю, Витенька, – наконец произнесла она. – Всякое рассказывают.

– Где рассказывают?

– По телевизору. Эксперты наши.

Вакцинированный член семьи слегка смутился. Эксперты

точно вещали разное. Лысый вирусолог уверял, что эффективное лекарство изобретено и производится в огромных количествах. Его бородатый брат, наоборот, предостерегал от избыточного оптимизма, поскольку польза ни одного из лекарств пока не доказана. А доктор Большова, одетая в театральный костюм бациллы, еще недавно в своем утреннем шоу советовала россиянам лечиться чесноком и спиртом.

– Нельзя сидеть сложа руки, надо что-то делать! – Витя пустил в ход, прямо скажем, слабоватый аргумент.

– Сидим вот, из дома почти не выходим, – констатировала мама.

– Вакцинация – это свобода, это колоссальные перспективы, – зашел с другого фланга сын. – Вы сможете посещать театры, фитнес-центры, бассейны, совершать путешествия!

– По театрам не ходим, – перебил его отец, – а фитнесы наши испокон веков на даче, в борозде. Там же и бассейн. Бочку с водой помнишь?

Из той бочки Галкин-старший, стоя в семейных трусах на досках, с удовольствием поливал себя в жаркую погоду. Витя как человек более продвинутый к подобному омовению не прибегал, да и саму дачу посещал крайне редко.

– Но как же туризм?

– Деньги на ветер весь твой туризм.

Оставалось апеллировать только к сестре-гимназистке – представительнице поколения, не отравленного ядом цинизма. Но та взяла инициативу в свои руки.

– Сколько заплатили?

– Кому? – не понял Витя.

– Ну, тебе за прививку.

Витя поперхнулся в третий раз.

– Вакцинация – мой гражданский долг, он не измеряется рублем. Ты слушай старших и готовься.

– Тачку хочешь выиграть? – по-хамски, в лоб, спросила сестра.

Галкин-младший почувствовал, что стремительно краснеет.

– Ты откуда... Ты что вообще говоришь?

– Слышала, как ты с Генкой Канарейкиным по телефону трепался.

Канарейкин учился вместе с Витей на втором курсе академии социального администрирования и менеджмента. Идея вакцинироваться изначально принадлежала Генке, но приятель с энтузиазмом подхватил ее. Привившиеся граждане получали лотерейный билет, дававший шанс сделаться хозяином автомобиля или, на худой конец, какой-нибудь бытовой техники – от холодильника до тостера.

Капитулировать перед малолетней нахалкой было ни в коем случае нельзя. Витя распахнул рот, чтобы жестко осадить ее, и внезапно захлебнулся кашлем. Его прошиб озноб.

«Он, вирус», – пронеслось в голове.

Галкин-старший вовремя подхватил обмякшего сына и потащил в комнату, на диван.

– «Скорую» вызовите, – через силу пробормотал Витя.

– Лежи, не дергайся, – скомандовал отец.

Доктор Сенькин, старый друг семьи, прибыл через час.

Чтобы поставить диагноз, ему не потребовалось много времени.

– Перевозбудился юноша. Плюс легкая простуда, – объявил он. – Никаких антибиотиков, пусть больше пьет и лежит. Телевизор не включайте, телефон тоже не давать.

Витя лежал, глядя в потолок, и думал о том, как славно, что тревога оказалась ложной, и не нужно ехать в больницу на машине с мигалкой, под вой сирены. Теплый и толстый Мурзик навалился ему на ногу. Захотелось подремать, но тут скрипнула половица. Это была мама.

– Может, всё-таки попробуем чеснок со спиртом? – робко спросила она.

Просто бумага

Молния расколола дуб надвое посередине могучего ствола. Одна его половина завалилась набок, смяв кустарник, но чудом не зацепила ни одно из соседних деревьев, помельче, а вторая устояла. Очень уж широким в обхвате было это дерево, которому теперь оставалось только засохнуть и умереть. Говорили, что ему точно сто лет или даже больше.

Когда Олег учился в младших классах, это укромное место в лесу было ареной подвижных и шумных игр. О существовании компьютеров он и его ровесники знали только из книжек, и общение с передовой техникой справедливо считали привилегией ученых. Так что массу свободного времени проводили на свежем воздухе. Играли в индейцев, мушкетеров, «казаков-разбойников» и, конечно, войну.

Настоящая война завершилась за четверть века до его рождения, оставив неглубокие окопы с оплывшими брустверами и остатки блиндажей, куда родители запрещали соваться. Естественно, мальчишки совались, невзирая на запреты. Находили мало чего – ржавые, набитые землей гильзы или скрученные, с рваными краями, бурые куски металла.

Одним таким осколком Олег случайно поранил палец на руке. Шрам не проходил долго. Женька Васнецов из параллельного класса, отчаянный мальчик, откопал целые винтовочные патроны и, разведя костер за гаражами, швырял их в

огонь. Васнецову и еще двум балбесам, увязавшимся за ним, крупно повезло – при худшем сценарии им вряд ли помогло бы укрытие из пустых ящиков от стеклотары.

Развлечься предлагали и Олегу, но он проявил благоразумие и вовремя покинул компанию юных пироманов, хоть и услышал в свой адрес обвинение в трусости. О приключении быстро стало известно взрослым. Женьке крепко влетело от суровой и властной матери, его спутники тоже подверглись санкциям. Да, кажется, это произошло в шестом классе. Или в седьмом?..

– Вот тебе и здрастье, – вслух произнес Олег, подходя ближе к дубу.

Его реплику никто не услышал. С тех пор, как они карабкались по пологим склонам, ползали по-пластунски, прятались в старых окопах и с криком «ура» неслись в атаку, минуло еще лет сорок. Нынешние дети не бегали с примитивными, порой самодельными ружьями и автоматами или палками вместо шпаг. У них появились другие игрушки и другие развлечения.

Лес, по-прежнему вплотную примыкавший к микрорайону, показался Олегу пустым и тихим. С разных сторон высились башенные краны, вырастали жилые комплексы с панорамными балконами, а здесь никто не рыл котлованы и не ставил ограды из бетонных плит. Рельеф местности не позволял застройщикам развернуться во всю ширь – во всяком случае, пока.

Олегу было жаль дуба. Он хорошо помнил, как у подножия дерева располагался их штаб, как сюда приводили пленных «немцев» на допрос, требовали назвать пароль. Таков был порядок. Пленным по очереди пришлось побыть каждому, потому что по собственному желанию мало кто был готов изображать фашиста, «фрица».

Ностальгические воспоминания пресеклись, когда он вдруг увидел странное свечение. Слегка светился и мерцал сам воздух между двух половин, образовавших подобие латинской буквы «L». Это напоминало правильный квадрат со стороной примерно в два метра. Сквозь мерцание просматривались те же деревья и кусты, не изменившие ни форму, ни цвет. За пределами квадрата всё было, как всегда.

Первая мысль, посетившая Олега, была о случившейся ночью грозе. С двенадцати до начала второго гремело так, будто город подвергся бомбардировке. Ливень шел стеной, и молнии ударяли раз за разом, раздирая темноту. Квартира выходила окнами как раз на эту сторону, с четвертого этажа открывался вид на лес и краешек реки за ним. Олег проснулся, сунул ноги в тапки, накинул халат и долго стоял у окна, пренебрегая техникой безопасности.

Один удар был самым страшным, явно превосходившим прочие. Зеленоватым светом озарило чуть ли не полнеба. От накатившего грохота, казалось, вылетят стекла. Сейчас Олег был практически уверен, что именно та молния погубила дуб-великан, переживший огонь артиллерии.

– Люблю грозу в начале мая, – пробормотал он, делая еще шаг вперед.

Свечение над поверженным дубом не пропало. Оно не издавало никаких звуков, просто начиналось от самой земли и резко обрывалось сантиметрах в пятнадцати над головой. Его границы были ровными и четкими, словно кто-то провел их по линейке.

Сдав физику на выпускном экзамене в десятом классе, Олег благополучно забыл все подробности, касавшиеся природы электричества. Однако, по его субъективной оценке, ждать страшных последствий от ночной грозы вряд ли приходилось. Поэтому он без особых колебаний вытянул перед собой руку.

Током его действительно не ударило. Кисть руки прошла сквозь мерцание без малейшего сопротивления. На миг он ощутил что-то вроде легкого покалывания, которое сразу прекратилось. Олег помедлил пару секунд и затем шагнул внутрь квадрата.

Не произошло ничего. Лишь покалывание так же моментально коснулось лица и пропало. Он даже не успел испугаться или отпрянуть. По ту сторону непонятого свечения по-прежнему жил своей жизнью тихий лес. Листва была чистой и свежей после дождя, мягкая земля чуть проминалась под кроссовками. Перекликались птицы.

Их голоса и смутили Олега. У него возникло впечатление, что кто-то повернул выключатель, и поляна у дуба на-

полнилась звуками, которых только что не было. «Хватит, а?» – сказал он мысленно и продвинулся на несколько шагов. Невидимые птицы продолжали заливаться где-то поодаль.

«Ну, птицы и птицы. Что особенного? Сначала молчали, потом запели. Я не пойму, они всё время обязаны распевать?» – подумал Олег и зачем-то оглянулся.

Дуб-великан за его спиной стоял целый и невредимый.

Пережитые ощущения трудно было описать словами. Заорать, как в голливудском кино, Олегу не захотелось, но, резко развернувшись, он испытал сильнейший позыв броситься назад. От этого шага его удержал тот факт, что свечение никуда не делось. Более того, оно четко выделялось на фоне серой древесной коры – такое же квадратное и мерцающее, ничуть не изменившееся в размерах.

Олег шумно выдохнул через рот. Потом очень медленно приблизился вплотную к свечению, постоял возле него, как на бортике бассейна перед прыжком в воду, и, подобравшись, сделал широкий шаг навстречу мерцанию и покалыванию.

Он должен был упереться носом в ствол, но ничего подобного не произошло. По ту сторону удивительной черты птиц совсем не было слышно, а половина дуба неподвижно лежала прямо перед ним.

– Твою мать, – довольно банально для человека с двумя высшими образованиями отреагировал Олег.

Здравый смысл, как в давней ситуации с патронами, подсказывал ему, что лучше уклониться от продолжения. Любопытство толкало изучить поразительный феномен. «В конце концов, видимой опасности нет, – внушил он себе. – Окрестности я знаю, как свои пять пальцев. Не заблужусь ни при каких обстоятельствах. Если сбегу, сам себе не прощу».

Повторный проход через портал, как его окрестил Олег, оказался не сложнее первого. Птичье пение сменило тишину еще более неожиданно, чем минуту назад. «Держи себя в руках», – повторял новоявленный исследователь, обходя поляну по кругу. При тщательном разглядывании лес по ту сторону портала показался ему не столь густым. То было лишь самое невинное открытие.

Знакомая с детства тропа вывела наверх. Там Олег испытал второе крупное потрясение. Дорога от микрорайона до окружного шоссе изменилась совершенно. Асфальт на ней был другим, каким-то грубым, местами неровным, в латках, причем куда-то бесследно делась разметка. И, главное, проезжая часть абсолютно точно сузилась с трех до двух полос.

Олег сунул руку в карман и вытащил смартфон. Тот показал полное отсутствие сети. Не успел он переварить очередное открытие, как справа раздался звук мотора. «Тут ведь одностороннее движение», – недоуменно подумал Олег, прежде чем настал черед следующего потрясения. Из-за поворота вырулил автобус. Но какой! Один из тех желтых «Икарусов», которые еще в конце девяностых уступили ме-

сто подержанным «немцам» и «шведам».

А главное, борт автобуса был чист. НИКАКОЙ РЕКЛАМЫ.

– Твою... – опять проговорил и не договорил Олег.

«Икарус» проплыл мимо, пыхнув гарью. На белой табличке под стеклом красной краской, через трафарет, был выведен номер маршрута: «36-а». Далее всё развивалось в точности по законам жанра, и Олег ощутил себя одновременно актером и зрителем фильма вроде «Назад в будущее».

Вслед за автобусом проехала бежевая «Лада-2106», вся как с конвейера. Навстречу ей, надсадно тарахтя, прошмыгнул белый «Запорожец», он же ЗАЗ-968М, тоже в приличном состоянии. Пешеходная дорожка через продолжение леса представляла собой утоптанную землю вместо твердого покрытия. У детсада перед его домом Олег не увидел ни новеньких горок с каруселями, ни синтетической спортплощадки с баскетбольными щитами и корзинами. В окнах здания не было ни одной пластиковой рамы, только деревянные, крашеные. Выведенные на прогулку малыши ковырялись в песочницах или осваивали незамысловатые конструкции для лазания.

Посмотрев на их одежду, на воспитательницу в мешковатом плаще и с химической завивкой на голове, покоритель портала сделал окончательный вывод насчет того, что произошло с ним сегодня. Во двор родного дома он вошел, оставив позади последние сомнения.

Двор тоже выглядел, как в начале восьмидесятых. На месте, где позже устроили парковку, буйно росли кусты малины и крыжовника, бывшие объектом набегов Олега и его сверстников. Обитатели первого этажа, трепетно ухаживавшие за посадками, ругались на безобразников, обещали надрать им уши, вызвать милицию... Чуть дальше, под большой осиной, стоял грубо сколоченный стол. За ним регулярно сражались в шахматы и шашки соседи постарше.

Через силу переставляя потяжелевшие ноги, Олег добрался до стола и потрогал его грубый верх из толстых досок. Одну из них украшала вырезанная ножом знакомая надпись без знаков препинания «Пончик кривой осёл». Пончиком дразнили парня с пухлым лицом, жившего в квартире напротив. Только вчера они приветствовали друг друга на лестничной площадке. Правда, парень давно превратился в располневшего и порядком обрюзгшего мужика, облысел и носил очки.

Вообще, людей на всем пути от дуба встретилось мало. Не исключено, что к лучшему. Олег, разумеется, не готовился к странствиям во времени, но весьма кстати надел серый тренировочный костюм, который использовал для пробежек, и однотонную голубую футболку с эмблемой сборной Италии. В принципе такой внешний вид не бросался в глаза и уж наверняка не давал повода показывать на него пальцем как на чужеродный элемент. «Малость авангардно для провинции, но не более», – решил Олег, застегивая молнию так, чтобы скрыть эмблему.

Погода в целом совпадала с той, которая стояла в начале его путешествия. Грозы здесь, возможно, не было, но дождь, судя по высохавшим на солнце лужицам, также закончился несколько часов назад. Листва на деревьях была свежей, распутившейся сравнительно недавно. Сирень у первого подъезда пышно цвела и благоухала.

Олег переместился к скамейке с навесом, на которой любила сживать бабушка его одноклассника Серёжки Филимонова. Она перебралась к Серёжкиным родителям из деревни, по слабости здоровья ходила мало, припадая на левую ногу, и в представлении Олега была уже старенькой, старше шестидесяти. Ирина Арсеньевна умерла в девяносто седьмом, когда он жил в другом районе, у тогдашней жены...

Гость из будущего не смог удержаться от кривой усмешки, вспомнив о своем нынешнем возрасте. Рубеж в шестьдесят лет больше не казался ему невероятно далеким.

Как по заказу, из первого подъезда вышла она – Серёжкина бабушка, начинавшая свою утреннюю прогулку до скамейки и обратно. С высоких ступенек пожилая женщина спустилась не спеша, придерживаясь за перила, но, впрочем, и спешить ей было некуда.

– Здравствуйте, – вырвалось у Олега.

Ирина Арсеньевна пристально посмотрела на неизвестного мужчину лет пятидесяти, с признаками седины на висках.

– Здравствуйте, – ответила она, помедлив.

Олегу сделалось неуютно, будто он надел чужую личину.

В этой ситуации был какой-то элемент обмана. Хотя при чем тут обман?

– Я ваше место занял, – сказал он, делая шаг в сторону. И поспешно прибавил. – Наверное.

– А я вас не помню, – отозвалась Серёжкина бабушка. – Вы к кому-то в гости?

– Да, проездом, – пояснил Олег без лишних деталей.

Для поддержания беседы он чуть не спросил, выйдет ли Серёжа, но вовремя прикусил язык. Такое знание выглядело бы крайне подозрительно. Тем более, что Ирина Арсеньевна продолжала смотреть на него, не говоря ни слова, и пауза двусмысленно затянулась.

– Чудесная погода сегодня, – с фальшивым энтузиазмом сказал Олег, переводя взгляд на второй подъезд.

«Держись проще и не задерживайся на одном месте», – приказал он себе.

В этот момент дверь балкона на четвертом этаже распахнулась, и показалась мама...

– Честно? Я подумал бы, что ты на вещества какие-то подсел, если б сам всё не увидел, – признался Андрей Никонов, подливая обоим из второй подряд бутылки.

Употребили они уже изрядную дозу, но опьянение почти не ощущалось. Долго носить в себе сделанные открытия Олег не смог. На следующий день он поделился тайной с лучшим другом детства, жившим в том же доме, в третьем

подъезде.

Андрей после развода в сорок пять лет вернулся в родные края, недавно похоронил отца и теперь на пару с сестрой приглядывал за матерью, чье здоровье оставляло желать много лучшего. В юности он подавал большие надежды, с серебряной медалью окончил школу, поступил в один из ведущих вузов страны. После краха социализма у него что-то не сложилось. И техническая специальность стала менее востребованной, и ранний брак не способствовал карьерному росту... Уйдя в продажи в середине девяностых, Андрей продвигал то импортные унитазы, то майонезы, то автомобильные масла. Получалось бойко, однако радости ему не доставляло. От прежних времен, невзирая на все передряги, он сохранил страсть к чтению, предпочитая теперь историческую фантастику и военные приключения.

– Ты как бывший ученый что скажешь? – с напором переспросил Олег.

– От ученого слышу.

– Нет, я серьезно...

– Не знаю, что и думать, – сказал Андрей, опрокинув еще рюмку водки. – Нас учили, что такое невозможно. Но сам понимаешь, наука на месте не стоит. Когда-то и Землю считали центром мироздания.

Пройдя вдвоем через портал, они повторили путь Олега через лес, мимо детского сада, побывали во дворе, потом посетили гастроном. Любовались ассортиментом позднего за-

стоя до тех пор, пока хмурая продавщица не поинтересовалась: «Брать что будете?» Очевидно, она приняла их за опустившуюся интеллигенцию.

У крыльца гастронома Андрей рискнул и в лоб задал вопрос грузчику: «Братан, какое сегодня число?» Жилистый работяга средних лет, в темно-синем замызганном комбинезоне и несвежей майке-алкоголичке, напрягся, чуя подвох.

– Одиннадцатое, – неприветливо сообщил он.

– А месяц?

Грузчик вытаращился, как на явление Христа народу.

– Ну, май.

– А год?

Видя, что вот-вот произойдет непоправимое, Олег перехватил инициативу.

– Ты прости. Плохо ему, понимаешь? Увлёкся вчера, – зачастил он, беря Андрея под локоть.

– Вчера только четверг был, – ухмыльнулся грузчик, немного оттаяв.

– Напомни уж, какой год, а я его уведу на заслуженный отдых, – попросил Олег по-свойски.

– Восемьдесят четвертый. Пить не умеешь, не берись.

Поблагодарив собеседника за ценный совет, Олег увлек друга прочь от гастронома.

– Ты какого хрена к людям пристаешь с такими вопросами? Ты, если что, как будешь объясняться?

Андрей вместо ответа покрутил головой, точно в самом

деле был под градусом, и от дискуссии уклонился. Зато дома у Олега, когда они вернулись в 2020-й, спор разгорелся ожесточенный. Придя к консенсусу относительно того, что наука перед новым явлением природы пока бессильна, друзья разошлись в вопросе, как поступить.

– Я считаю, таким шансом надо воспользоваться, – рубанул Андрей.

– Каким шансом?

– Уникальным.

По мнению старинного друга, судьба или кто-то еще дали им возможность повлиять на ход истории.

– Погоди, но история уже сложилась так, как мы ее знаем, – возразил Олег.

– А сложится иначе, если постараться, – парировал Андрей.

– Не понимаю.

– Что тут понимать? Стивена Кинга читал?

– К ужастикам я равнодушен, – сказал Олег.

– Я о другом. Есть у него роман о покушении на Кеннеди. Главный герой попадает в прошлое, спасает президента и меняет будущее, – пояснил Андрей. – Бывало ведь, что писатели предвидели разные открытия. Жюль Верн, например.

– Прямо хорошо всё закончилось с Кеннеди?

– С ним да, с Америкой не очень.

Уловив по лицу Олега, что тот не в восторге, Андрей без промедления продолжил.

– Знаешь, хуже, чем со всеми нами произошло, особо некуда.

– А вот я не уверен, – заметил Олег.

– В чем?

– В том, что некуда. Хотя бы Югославию вспомни.

Андрей стукнул ладонью по столу так, что рюмки подпрыгнули.

– Ты просто чужие штампы повторяешь! Либералы специально пугали: мол, или реформы по-нашему, или гражданская война. Третьего, как всегда, не дано.

– Третье это что? – осведомился Олег, не относивший себя к экспертам по политологии.

– Третье это, друг мой, самостоятельное развитие на основе здравого смысла и собственных традиций. Не под западную дудку.

– Под восточную, значит?

– Не смейся, пожалуйста. Державу потеряли, пока смеялись, пора бы уже остановиться, – заявил Андрей, пальцами выудил из консервной банки маслину и съел.

Олег поморщился.

– По-моему, ты всякой фигни начитался про... как их... голодранцев, засранцев? А, попаданцев. Слово-то какое дурацкое! Ну, которые в одиночку Великую Отечественную выигрывают, всем врагам отлуп дают, и прочая, и прочая.

– На тему альтернативной истории много макулатуры печатают, – неожиданно согласился Андрей. – Но рациональ-

ное зерно там присутствует. Что касается меня, то я выбираю действие, а не бездействие.

Убедившись, что друг детства настроен более чем серьезно, Олег зашел с другого конца.

– Слушай, мы с тобой обычные люди, без боевой магии и сверхспособностей. Ты менеджер по продажам, я зам редактора в отраслевом журнале. Чем реально сможем повлиять на исторический процесс?

– В эпоху Интернета нехватку знаний можно восполнить, – безапелляционно убеждал Никонов. – Откроем глаза тем, кто принимает решения. Снабдим нужной информацией.

– Кого снабдим? Политбюро? Лично товарища Черненко?

– Почему нет?

– Письма заказные будем рассылать? Бандероли? Дескать, примите меры к будущим предателям Родины, вашим товарищам из ЦК? – Олег пустил в ход сарказм. – Заказные, между прочим, без паспорта не примут. У тебя есть советский паспорт, выданный до мая 84-го? Прописка, денежные знаки, имеющие хождение на территории СССР? Знаешь, в какую контору вся наша корреспонденция попадет прямо с почты?

– С паспортом можно вопрос решить, с деньгами тоже, – менее уверенно сказал Андрей.

– Допустим. Но механизм передачи каков? Челобитную подашь? Тебя на расстояние выстрела к таким персонам не

подпустят.

– Выстрела, говоришь?

Глаза Андрея подернулись недоброй дымкой. Олег плеснул ему еще из бутылки, подбавил и себе.

– А эти мысли вообще брось, – посоветовал он. – Комитетчиков не проведешь. Твой год службы во внутренних войсках против их навыков – ноль без палочки. Если уж начистоту, в кого стрелять собрался?

– Неважно, – лаконично ответил Андрей.

– Нет, важно. В Михаила Сергеевича или Бориса Николаевича? Или в обоих?

Собутыльник и хранитель секрета молчал, глядя исподлобья.

– Положим, до Екатеринбурга... вернее, Свердловска ты доберешься. Даже до Ельцина дотянешься: первых секретарей обкомов охраняли так себе. Даже скроешься, если повезет. Но дальше-то? Повяжут и в лучшем случае упекут в дурку. Террор – не выход. Помнишь, что в школе учили про «Народную волю»?

– Если тебе верить, выхода вообще нет, – мрачно вымолвил Андрей и выпил, не чокаясь.

– Я за убеждение, а не принуждение, – сказал Олег. – Хочешь донести информацию – думай, как. Поставь себя на место адресата. Поставил? Бред в чистом виде любые челобитные! Гибель системы, распад государства, притом совсем скоро – с чего вдруг таким пророчествам верить? А персо-

нальные обвинения, по-моему, вообще не прокатят. Оценят как попытку интриги или чью-то наивную анонимку.

– Странно, что ты до сих пор не главный редактор, – ответил его друг, помолчав с полминуты.

Олег отозвался подчеркнуто громким смехом.

– У главных редакторов и генералов свои дети. Эту истину я еще в пионерах впитал.

Разговор под бутылку водки Олег прокручивал в голове, пока в третий раз шел через портал и по лесу – один, без Андрея. Обмен мнениями завел их в тупик. Друг чувствовал силу его аргументов, но душой не мог принять предложение подождать, поразмыслить, взвесить все «за» и «против». Таким он был всегда – горячим, порывистым, не любящим полутонов и полумер.

Наутро Олег позвонил ему и попросил ничего не принимать без совета с ним.

– Дай честное слово, – сказал он.

– Зачем?

– Дай, и всё.

Андрей замялся.

– Понимаешь, это я тебе рассказал про портал. Если что-нибудь случится, ответственность будет на мне, – тщательно подбирая слова, объяснил Олег.

– Какая ответственность?

– Моральная.

– Боишься ее?

Олег вздохнул.

– За тебя боюсь. Понятно?

Из мобильного раздались короткие гудки.

Сегодня Олег, повинувшись какому-то внутреннему голосу, изменил маршрут, обогнув свой дом, а потом соседний. Ноги вынесли его к стадиону общества «Трудовые резервы». Сюда он мальчишкой бегал играть в футбол с друзьями, ходил на тренировки в спортивную школу. Доступ на большое поле с травяным газоном был ограничен и зависел от того, кто из сторожей дежурил. Зато с малых, грунтовых полей никто никого не гонял. Здесь тоже стояли ворота, поменьше размером, переносные, и постоянно разыгрывались более или менее людные, но неизменно жаркие баталии.

Конечно, сыграть на большом поле с разметкой было пределом мечтаний. Перед всамделишными матчами на его ворота натягивали сетку, которая с тыльной стороны, по углам, крепилась к мощным кольям, выкрашенным черной и белой краской, под зебру. О, то был волшебный, ни с чем не сравнимый звук, когда мяч после плотного удара врезался в нее...

Похоже, визит Олега пришелся на время, свободное от тренировок или занятий физкультурой. Видимо, поэтому и сторож после обеда в пятницу был настроен благодушно. Протиснувшись через известную ему дыру в заборе, Олег увидел возле ближних к нему ворот группу ребят. Те раз-

делились на две мини-команды, а вратарь был один и отдувался в двойном объеме.

Сетки на воротах не было, но громкие крики свидетельствовали о высоком накале борьбы. Шагая наискосок от дыры, через сектор для прыжков в длину, странник во времени вдруг остановился, как вкопанный. Мяч, отбитый вратарем, перелетел через перекладину и покатился навстречу Олегу. За ним бежал сам голкипер в потрепанной, со следами падений, мастерке с засученными по локоть рукавами, трико и кедах. Олег не мог не знать его.

«Смотрю в тебя, как в зеркало», – мелькнула в сознании строчка из песни. Перед ним был он сам, пятнадцатилетний ученик восьмого «Б». Растрепанная, давно не стриженная шевелюра, царапина на щеке, коричневый ботиночный шнурок на шее (так, чтобы не потерять, он носил ключ от квартиры), отцовские старые утепленные перчатки (настоящие футбольные оставались жутким дефицитом, их было не купить). А глаза... глаза горели азартом.

Олег рефлекторным движением ноги остановил катящийся мяч.

– К «Евро» готовитесь? – он хотел пошутить, но его голос предательски дрогнул.

– К чему? – не понял юный вратарь.

– К чемпионату Европы, – Олег переключился на прежнюю терминологию.

– А... Ну нет, наши ведь не едут.

– Тогда за кого болеть будешь? – задал еще вопрос взрослый Олег, заранее зная ответ, и легонько пнул мяч от себя – самому себе.

– Не решил пока. Может, за Францию. Или за датчан, – пятнадцатилетний Олег уверенным движением взял в руки потертую кожаную сферу с отметинами от особенно сильных ударов.

– На олимпиаде тоже за французов? – уже вдогонку спросил Олег-старший.

– Зачем? За наших, конечно, – бросил, разворачиваясь и удаляясь в сторону ворот, их самоотверженный страж.

«За каких наших?» – чуть не выкрикнул гость из мая 2020-го и, должно быть, изменился в лице. Он по привычке полез за мобильником, но вовремя вспомнил, что здесь ему не поможет никакой Google. «Стоп, погоди. Возможно, это произошло позже... Вернуться через портал и проверить?»

Подняв глаза на поле, Олег сообразил, что можно сделать буквально сию минуту. Спустя полчаса, находясь уже по ту сторону мерцающего квадрата, он после ряда тщетных попыток дозвонился Андрею.

– Я клиента жду, давай быстрее, – буркнул тот.

– Самоизоляцию не соблюдаете?

– Жрать я буду тоже самоизоляцию?

– Ладно, не заводись. Присядь лучше, если стоишь, – сказал Олег.

– Ты что натворил? – спросил Андрей, по голосу поняв,

что друг на взводе.

– Мы с тобой здорово ошиблись, – начал Олег.

– В смысле «ошиблись»?

– Это не портал в прошлое, Андрюша.

– Что-о?

– Я сам повелся на потрясающее сходство вплоть до мелочей. Если бы не случайность, и сейчас думал бы, что встретил там себя.

– Продолжай, – неестественно спокойно произнес Николнов.

Пересказав слово в слово свой диалог за футбольными воротами, Олег выдержал драматическую паузу.

– Можно без театральщины? – попросил Андрей. – Не улавливаю суть.

– Суть в том, что 12 мая 1984 года весь советский народ точно знал, что олимпиада в Лос-Анджелесе пройдет без нашего участия. Решение о бойкоте было объявлено восьмого числа.

Судя по звуку, Андрей прочищал горло. Потом Олег услышал, как он кричит кому-то: «Попроси обождать пять минут, у меня Москва».

– Ты ничего не перепутал? – спросил наконец успешный менеджер по продажам.

– Я на месте всё проверил, – сказал Олег. – Помнишь, у зимнего манежа стоял стенд, где «Советский спорт» вывешивали? В номере, который я своими глазами видел – от-

клики на отправку делегации в Штаты. Положительные, конечно. Я их снял на телефон, а потом для надежности спер всю газету.

– Она же под стеклом была, и створки запирались.

– Ловкость рук плюс жизненный опыт. Готов предьявить как вещественное доказательство.

Андрей опять откашлялся.

– И что из этого следует? Может, мы с тобой как-то успели повлиять, сами того не ведая? Может, бабочку случайно раздавили, как в том рассказе?

– Думаю, дело не в бабочке, – подытожил Олег. – Портал изначально вел не в наше прошлое, а в некий альтернативный мир. Параллельный, если хочешь. Иную версию известной нам реальности. Да, очень похожую в малом, но где-то отличную в большом. Таков мой собственный вывод. Наверное, он тоже противоречит современной науке.

– То есть...

– То есть, нельзя исключать, что история в их мире потечет по-другому. Наши поедут на олимпиаду, значит наступит потепление в отношениях. Может, даже Рейган с Черненко успеет встретиться, если Константин Устинович подольше протянет. Кто после него генсеком станет, еще вопрос. И так далее. Поэтому не надо там, у них, ничего трогать. Не надо мешать!

– Ё-м-м-моё... – протянул Андрей.

«Да подожди ты со своим клиентом!» – заорал он на весь

офис.

– После твоей работы встречаемся у меня, – тоном, не допускавшим возражений, оповестил его Олег...

«Действительно, чего только не услышишь в период пандемии», – подумал Роман, вертясь в кресле зала ожидания аэропорта «Шереметьево». За огромным окном стояла поздняя июньская ночь. Его случайный собеседник, представившийся Олегом Петровичем, только что отклонялся: объявили посадку на рейс до Калининграда.

– Кончилась моя удалёнка, лечу в командировку, – бодро сказал он, подхватывая рюкзак.

Общение с ним завязалось как бы само собой. Пассажиров в просторном зале было мало, и большинство блюло социальную дистанцию. Севший через кресло от Романа, Олег Петрович заговорил первым. Оказалось, что даже их профессиональные интересы частично совпадают.

– Так вы в Москве постоянно не живете, – сказал Роман, узнав о специфике его деятельности.

– Перешел на дистанционное взаимодействие задолго до этой вселенской паники, – охотно поведал он. – Организация у нас не самая богатая, решила сэкономить, да и цифровые технологии позволяют.

Роман кивнул в знак одобрения.

– Удобно, да. К тому же психоза вокруг поменьше и всяких масок, пропусков. Люди взбудоражены, многие такое

несут, что, извините, уши вянут. Чёрт знает во что готовы поверить.

Олег Петрович многозначительно улыбнулся.

– Бывают поводы.

– Вы про Билла Гейтса и вышки, облучающие россиян гомосексуализмом?

– Нет, – рассмеялся он. – Гораздо интереснее.

– Куда уж хлеще.

– А вот послушайте, если время есть...

Рассказ о путешествии в параллельный мир «другого 1984-го» Роман воспринял, как и подобает психически здоровому человеку. Так ему никто еще ни разу не исповедовался за время его прозаических странствий – но известно, что нет предела совершенству. На данный момент в рейтинге путевых сказочников Олег Петрович уверенно занял лидирующую позицию.

– Проход в иное измерение продолжает функционировать? – спросил Роман, стараясь не переборщить с иронией.

– Ночью тринадцатого была еще одна сильная гроза, и молния снова ударила в дуб. К следующему утру от портала не осталось ничего, – с грустью ответил его мимолетный знакомый.

Из вежливости Роман не стал вслух выражать явный скепсис. После расставания залез в свой смартфон, проверил наличие писем, пробежался по заголовкам новостей. Небо за окном начало светлеть. Ждать надо было еще час.

Одна нога у него затекла от долгого сидения, и Роман встал, чтобы подвигаться. Взгляд его упал на кресло, где сидел временный попутчик-рассказчик. «Забыл что-то уважаемый фантазер», – была первая мысль.

Наверное, уже потом, задним числом, он приписал себе необычное ощущение, посетившее его при касании пальцами газетного листа. Хотя, может быть, и нет... Разворачивая лист, Роман начал понимать, что увидит в следующую секунду.

«...принимая это решение, Национальный олимпийский комитет СССР руководствовался подлинно спортивными принципами. Я и все мои товарищи по команде уверены, что предстоящая поездка советских атлетов в Лос-Анджелес принесет нам новые победы, существенно пополнит нашу медальную копилку. Спорт обязательно послужит делу мира между народами...»

Текст подписал чемпион мира по классической борьбе Михаил Наниашвили. В правом верхнем углу значилось: «11 мая 1984 г. Пятница». Там же была указана цена за номер – три копейки.

Роман внимательно изучил содержимое полосы, перечитал его повторно, помял пальцами край листа, понюхал и уловил слабый запах типографской краски. Потряс головой, будто желая скорее проснуться. Прошептал: «Всё равно не

верю».

Это же была просто бумага.

Добро пожаловать в Антарктиду

– Откладывать решение русского вопроса нельзя! – заявил Костик Косолапов и стукнул кулаком по столу.

Собеседники молча внимали ему. Дело происходило в субботу, дома у его приятеля Славы Зайцева, жена которого уехала к маме. По такому случаю Костик, Слава и Арнольд Сычев оперативно созвонились и собрались на товарищескую вечеринку. Всех троих объединяла бывшая совместная учеба на историко-педагогическом факультете. После первой бутылки бежать за второй не пришлось, поскольку она была заблаговременно куплена, и от воспоминаний о прошлом перешли к самой серьезной теме.

– На часах без пяти двенадцать, – вдохновенно продолжал Костик, хотя будильник на тумбочке показывал десять минут одиннадцатого. – Кто сформулирует истинно национальную повестку?

– Ты что же, на власть больше не надеешься? – перебил его Слава, помнивший ликование Костики по случаю «Крым наш».

Косолапов еще со студенческих времен слыл в их компании самым политически подкованным человеком. До того, как податься в историки, он два года отучился на географа и послужил в армии на Курильских островах. Нынешним местом его работы был филиал Всероссийской академии гума-

нитарного знания. Кроме того, Костик преподавал геополитику в казачьем университете. Слава, в отличие от однокурсника, связал дальнейшую карьеру с малым бизнесом.

– Власть слаба, – скривился гуманитарий.

– Ну, не скажи, – возразил Слава. – Меня тут налоговая проверяла, а следом за ней трудовая инспекция. Штрафы выписали – только держись.

– Ты, как обычно, путаешь репрессивную функцию государства с его эффективностью, – авторитетно уточнил Костик, наливая всем еще по одной.

– Дворцы себе эффективно строят, бабки пилят, – подключился к дискуссии угрюмо слушавший Арнольд.

Окончив вуз, он трудоустроился в правоохранительные органы, где занимался воспитанием личного состава. Из их рядов благополучно уволился пару лет назад и осел в частном охранном предприятии. От прежних времен Арнольд сохранил привычку к чтению всего и вся, вплоть до иллюстрированных журналов. Времени в офисе ЧОПа у него, похоже, было в избытке.

– Мы должны подняться выше дворцов, – чокнувшись с приятелями и выпив снова, вдохновенно развил свою мысль Костик.

– Куда же выше? До самого Кремля? – не понял Слава.

– Я ничего такого не говорил, – сразу поправился Костик. – Речь о том, что нам всем надо избавиться от внешней зависимости, от следования чужим стратегиям!

– Без внешней зависимости нашему бизнесу кирдык, – сказал Слава уже заплетавшимся языком. – Весь товар из Китая идет.

– Вот именно! А должен откуда?

– Должен пока только я банку.

Предпринимательская деятельность Славы, кажется, близилась к закату. Три его киоска дышали на ладан, и хозяин торговых точек подумывал о том, чтобы, продав их, прибиться к какой-нибудь организации со стабильным финансированием. По его выражению, «погреться у бюджета».

– Банковская система де-факто находится под управлением Вашингтона. Плюс духовное растление – порнография, насилие, ложь. Сплошной Голливуд на экранах, – Костик для пущей убедительности загибал пальцы.

– Я из порнографии только ток-шоу помню... эти, круглосуточные. Но они отечественные вроде.

– Сделаны по западным образцам!

Такой аргумент не очень подействовал на Славу. Он хотел задать следующий вопрос, но его опередил Арнольд.

– Стратегия – это хорошо. А что людям делать? Прямо сейчас, конкретно?

Под тяжелым взглядом в упор Костик не растерялся.

– Солидарность нужна. Русскому народу пора объединяться.

– Где объединяться? На какой территории?

– Как «на какой»? Российской Федерации.

Арнольд аккуратно наполнил рюмки, потом уточнил:

– Россия – это российская территория.

– Так до экстремизма недалеко, – проявил не только политическую, но и юридическую грамотность сотрудник казначейского университета.

– Давайте, мужики, сменим пластинку, – предложил Слава. – Я недавно Людку Боброву встретил. Почти не изменилась. Живет одна, в гости приглашала.

– Тебе нельзя, – погрозил пальцем покрасневшийся Костик.

– Да, тебе-то проще. И студенток полно в академии...

Все трое выпили за молодость. Из закуски остался только черствый хлеб. Слава встал из-за стола, покачнулся, подошел к окну и приоткрыл створку на проветривание.

– Ваша повестка ни к чёрту не годится. Привыкли воду лить, – неожиданно, с напором, произнес Арнольд.

Костик подскочил на стуле от обиды.

– Возьми и предложи!

– Предложу, – Арнольд понюхал и отложил хлебную корку. – О глобальном потеплении слышали?

– Потепление тут при чем?

– При том. Северный морской путь уже почти свободен. На очереди – Южный океан.

– Ничего не понимаю, – Костик покрутил головой.

– Сейчас поймешь. Лет через десять Антарктида очистится ото льда, я видел интервью с британским ученым. Там

земли много, какую-то часть можно за собой застолбить через ООН. Как место обитания русского народа.

– По примеру Израиля, что ли?

– Чем не пример? Заселять и осваивать. Строить нацию, проявлять солидарность. Будет тебе Русская республика. Или соборная монархия, если угодно, – подытожил Арнольд.

Во дворе заверещала автомобильная сигнализация. Потом пискнула и замолчала. Костик смотрел на приятеля, пытаясь определить, шутит он или нет.

– О, антарктическая Русь, не убивайся и не трусь! – с выражением продекламировал Слава.

– Идите вы... – пробормотал несостоявшийся географ.

Светлана Зайцева, жена Славы, воротилась домой в девять утра в воскресенье. Картина, которая открылась ее взору, слегка напоминала запорожский лагерь из «Тараса Бульбы». Три богатыря уснули в разных местах однокомнатной квартиры, не раздеваясь.

Любимый супруг крепко спал, свернувшись калачиком на раздвинутом кресле. Арнольд приспособил под лежбище три стула, поставленные в ряд. Удобнее всех расположился Костик – он, кажется, рухнул, где стоял, прямо на неразложенный семейный диван и громко храпел, вытянув вперед правую руку, будто поверженный памятник. Было похоже, что человек пламенно призывает к чему-то или зовет куда-то в

путь.

– Блин, я будильник забыл завести, – простонал разбуженный Слава, дыхнув перегаром.

– За третьей бегали всё-таки? – риторически спросила Светлана, уже изучившая местность.

– Прости, ладно?

– Пять минут на сборы, и чтобы духу твоей компании здесь не было.

Когда участники вечеринки испарились без шума и пыли, она вполне миролюбиво сообщила Славе, не знавшему, куда глаза девать:

– Меня Ирка подвозила, подруга школьная. Помнишь, я рассказывала, как она с мужем разводилась? У нее агентство экзотических путешествий, берет к себе менеджером. Пойду, а то скоро без копейки останемся.

Выпускница факультета романо-германской филологии, Светлана занималась техническими переводами, но давно мечтала о чем-нибудь более интересном.

– Экзотических? Это что значит?

Слава чувствовал великую сушь во рту и слышал гул в голове. Для устойчивости он оперся рукой о стену.

– По необычным местам. В понедельник приедет клиент, хочет тур в Антарктиду.

– Куда-куда?!

Слава издал тихий стон и без сил опустился в кресло.

Сто шестнадцатая

Про квартиру в Люблино я узнал от Оксаны, которая к тому времени уже второй год обитала в Москве. Она укатила в столицу наудачу, не имея там ни знакомых, ни предложений насчет работы. Торговала сим-картами около Казанского вокзала, а потом переключилась на операции с недвижимостью. В общем, не скучала. Я обратился к ней с просьбой подыскать мне место для ночевки, так как предчувствовал, что мой деловой визит одним днем не ограничится.

– Есть одно местечко, – сказала Оксана, вначале призадумавшись, – только вот...

– Что «вот»? – спросил я.

– Не знаю, понравится ли тебе.

– Мне где только не приходилось ночевать. Старому солдату всё годится, – ответил я бодро.

– Ну, смотри тогда, – сказала она в телефонную трубку. – Звони, как появишься.

Программа моего визита, действительно, оказалась скромной. В первый день я едва выполнил треть того, что наметил. Впрочем, ничего удивительного для Москвы в этом не было. Осознавая, какая складывается обстановка, я позвонил Оксане уже вскоре после обеда. Только четвертая моя попытка привела к соединению.

– А, это ты. Привет!

Судя по сопутствующим звукам, Оксана мчалась в вагоне метро.

– Что с моим делом? Помнишь?

Она чуть замялась.

– Забыла, что ли?

– Помню. Только тут история одна приключилась...

– Какая история?

– Давай ровно в семь на станции «Люблино», – предложила она.

– В центре зала?

– Нет, наверну. Выход на улицу Колхозную.

Был самый конец октября, и к назначенному времени стемнело, как ночью. Моросил холодный, нудный дождь. В свете фонарей блестели еще не опавшие листья на деревьях. Как я и предполагал, Оксана опоздала без малого на полчаса.

– Устал ждать? – поинтересовалась она.

– Привык. Пойдем?

– Можно еще минут пять?

– Зачем? – не понял я.

– Человек один должен подойти.

– Хозяин?

– Там хозяйка. Нет, не она, – ответила Оксана. – Это моя подруга.

Я не сразу вник.

– Хозяйка квартиры – твоя подруга?

– В какой-то степени. Но это не она подойдет, а другая

девушка. У нее проблема.

Подруга Оксаны прибыла еще минут через пятнадцать. Она поднялась наверх из того же выхода, что и я, таща за выдвижную ручку здоровенный чемодан. Обладательница багажа была довольно хрупкой на вид блондинкой лет двадцати пяти с привлекательными чертами лица. Поверх джинсового костюма она зачем-то напялила короткую красную куртку – по всей видимости, для тепла. Впрочем, по отдельности костюм и куртка шли ей.

– Наталья, – представила ее Оксана.

Я представился сам.

– В отпуск едете? На море, наверное?

Выяснилось, что отпуск вообще не при чем. Мы с Натальей были из одного города. Ее пригласили на стажировку с возможным последующим трудоустройством в известную всему миру обувную компанию Carlo Gazolini, и она через Интернет забронировала квартиру в Филях. Однако арендодатели оказались жуликами: получили предоплату и сгинули. Их номер больше не отвечал.

– Сочувствую, – произнес я и повернулся к Оксане. – А вдвоем-то мы у твоей знакомой поместимся?

– Поместитесь как-нибудь! – жизнерадостно заверила она.

Ей в любой неоднозначной ситуации был присущ редкостный оптимизм.

За сто рублей я нанял такси и доволок чемодан Натальи до багажника. Закинуть его туда мне помог водитель. Было

такое ощущение, что блондинка набила его кирпичами. Ехали от силы минут семь, включая две продолжительные остановки на светофорах. Держали курс в направлении МКАД.

– Лифт в доме есть? – спросил я, тяжело дыша после выгрузки.

К счастью, обещанное местечко находилось на первом этаже. Девушки шагали впереди процессии, я пер чемодан и свою сумку. От входной двери подъезда до квартир нижнего этажа вел длинный, зигзагом, коридор. В нише на углу кто-то, кажется, спал прямо на цементном полу, прикрывшись грязными листами картона и целлофаном.

Внешняя, железная дверь квартиры номер сто шестьдесят была не заперта – впрочем, как и внутренняя, деревянная. Оксана отворила и ту, и другую по-свойски, без стука. Первым, на что я обратил внимание в прихожей, была беспорядочная куча ботинок, сапог, туфель, кедров, босоножек, мужских и женских. Разных размеров и почти все порядком поношенные, они валялись совершенно хаотично. Будто кто-то основательно перемешал их, как детские игрушки.

«Вот тебе и Carlo Gazolini», – пробормотал я, припомнив мировой бренд.

– Алёна! Ау! – крикнула во весь голос Оксана.

Из ближайшего к нам дверного проема слева, который я ошибочно принял за проход на кухню, высунулся юноша среднеазиатской наружности.

– Она кушать готовит, – сообщил он, ничуть не удивив-

шись нашей делегации.

Проход на кухню, оказывается, был в самом конце прихожей – справа, если идти по перпендикулярному ей коридорчику. По обе стороны, не доходя этого коридорчика, имелись две застекленные двери в комнаты, запиравшиеся на ключ. Оставляя совсем узкий проход для лиц, не страдающих ожирением, стояли шкаф для верхней одежды, переполненный, словно магазин second hand, каким-то барахлом, и вместительный холодильник. Стенку холодильника, смотревшую прямо на нас, украшал календарь с изображениями героев молодежного шоу «За углом-2». Дополняя общую картину, вдоль стен и плинтусов тянулись многочисленные кабели, местами перемотанные довольно грязным скотчем. То был проводной Интернет, но всё это хозяйство вызвало у меня ассоциацию с электрической подстанцией.

В воздухе висел устойчивый запах подгоревшего подсолнечного масла, маргарина или еще чего-то в этом роде (я, увы, не кулинар). Оксана непринужденно скинула кроссовки, жестом приглашая меня и Наталью последовать ее примеру. Я с сомнением покосился на давно немытый пол, и тут, наконец, объявилась хозяйка.

Мое первое впечатление от Алёны осталось не вполне определенным. Наверное, из-за проблемной Натальи. С ней, впрочем, разобрались быстро. За сущие копейки хозяйка пустила ее переночевать и даже пообещала, что при необходи-

мости приютит завтра вечером. Гостье была отведена самая дальняя комната в коридорчике с кухней. Вход в нее был не виден из прихожей, заслоненный шкафом.

Я уже было решил, что мне пора искать какой-нибудь постоянный двор, но напрасно. Алёна мигом нашла выход из положения.

– Таисия Петровна сегодня в ночь дежурит, так что мы тебя у нее положим, – живо перейдя на «ты», посулила она мне.

Очень кстати растворившаяся в ночи, Таисия Петровна занимала комнату по левую руку от входа с обувной кучей. В Москву она пожаловала из союзной Беларуси и трудилась няней, а подрабатывала консьержкой. В убранстве ее комнаты царил, на мой субъективный взгляд, суровый патриархальный дух: всё было заправлено и выровнено как в казарме, поверх телевизора лежала, свисая на экран, вязаная салфетка. Недоставало разве что плаката или лозунга вроде «Учиться военному делу настоящим образом».

– Удобно ли будет... – начал я свой вопрос ради приличия.

– Удобно-удобно, – перебила меня Алёна. – Сейчас раскладушку притащу.

Раскладушку я притащил себе сам под ее чутким руководством. Она (раскладушка), точно такая же, как была у меня в детском саду, с брезентом защитного цвета, хранилась на балконе. Разместившись, посидели всей компанией

на кухне, перекусили и лениво посудачили на разные темы. Наталья пересказала свою поучительную историю. Слушая ее вторично, я пригрелся в углу и начал клевать носом. Перед этим успел внимательнее рассмотреть хозяйку.

Алёне было лет за тридцать. Насколько «за», я не разобрал. Может, тридцать четыре или тридцать пять, вряд ли больше. Раньше она, несомненно, выглядела привлекательнее, хотя и сейчас могла вызвать интерес у мужчин-ровесников. Легкая склонность к полноте еще не успела перейти у нее в нечто большее, морщины под глазами едва-едва обозначились. Ростом Алёна была мне по плечо. Учитывая, что во мне метр восемьдесят четыре, выходило примерно то, что в принципе не вызывает вопросов у противоположного пола.

Дома она предпочитала полуспортивный стиль одежды и не увлекалась косметикой. Прическу, по-моему, доводила до кондиции несколькими энергичными движениями расчески-щетки. Манерой говорить и держаться, пожалуй, не выделялась из множества женщин со средним или средним специальным образованием.

Тогда эта информация не показалась мне существенной. Оксана осталась ночевать в одной комнате с Натальей, я устроился на раскладушке в резиденции Таисии Петровны. Алёна осталась на кухне, раздвинув кресло-кровать. Легли все довольно рано, почти как в деревне. Других обитателей квартиры мне в тот раз повидать не удалось.

Мое возвращение в сто шестнадцатую состоялось одиннадцать месяцев спустя. Этот период оказался не в лучшем смысле насыщенным событиями, из-за которых мои финансы пришли в опасное расстройство. Наступил и мой черед искать счастья в самом хлебном городе земли русской.

Вопрос экономии денежных знаков стоял остро. Поэтому, предварительно связавшись с Оксаной, я поинтересовался, не сдаст ли Алёна комнату. В ответ она хмыкнула.

– У тебя других вариантов нет?

– Что, дорого возьмет? – спросил я.

– Не в этом дело.

– А в чем?

– Приживешься ли...

Ее не вполне высказанное опасение показалось мне дутьем на воду при отсутствии молока. Или чем-то вроде тревоги по поводу раскладушки. Так я примерно и высказался.

– Смотри сам, – не стала спорить Оксана.

Алёна действительно назвала очень умеренную цену, и я заселился в ту комнату, где коротала ночь пострадавшая Наталья. Правда, теперь ее никто не назвал бы пострадавшей. От станции метро «Марьино», куда я прибыл с вещами, меня везли на новеньком джипе цвета кремешной тьмы. И за его рулем сидела сотрудница компании Carlo Gazolini, собственной персоной.

– Премию дали? – пошутил я.

Наталья только рассмеялась. Она вся откровенно свети-

лась от счастья, а на пальце ее правой руки искрилось кольцо с бриллиантом. Многое было понятно без комментариев.

– Кто этот чудесный человек?

– Секрет.

Секрет продержался до следующего столба, и его выдала ехавшая с нами Оксана. По ее словам, Наталья не потеряла времени даром и вышла замуж. Причем не за первого встречного, а за преуспевающего бизнесмена, по национальности японца, родившегося на острове Хоккайдо.

– Ух ты! – отреагировал я. – Где же такие караси водятся?

– Места надо знать, – тряхнула своей белой гривой Наталья.

Этот секрет тоже раскрыла ее подруга. Оказалось, что бизнесмен тусил в ночном клубе, который как-то раз посетили обе девушки. Отношения уже оформили официально, а накануне церемонии невеста летала познакомиться с родителями.

– Как у них самурайский дух, жив? – полюбопытствовал я.

Наталья изобразила некую гримасу, которую можно было толковать как угодно. Тема российско-японских отношений не получила продолжения, так как джип уже въезжал во двор дома, где жила Алёна.

Говорят, есть большая разница между туризмом и эмиграцией. Чтобы понять это, мне было совсем не обязательно посещать Японию или какую-нибудь другую страну. Квар-

тира номер сто шестнадцать дала возможность пропустить простую истину сквозь себя. Визит к Алёне в минувшем году длился примерно полсуток и, как я сообразил потом, по стечению обстоятельств пришлось на некую тактическую паузу. Во второй раз почти всё было иначе. И до меня очень скоро дошло, почему Наталья, в свое время решившая сэкономить и пожить тут, покинула трешку на Колхозной улице ровно через три недели. Хотя эту полезную информацию Оксана сообщила мне гораздо позже...

Всю свою московскую жизнь Алёна посвятила людям. Ими она максимально плотно заселила перешедшую ей по наследству жилплощадь. Мне досталась бывшая комната нашей обворожительной блондинки рядом с ванной. Таисию Петровну с ее работой и подработкой я уже упоминал. То была суровая женщина лет под шестьдесят, с комплекцией фрекен Бок из мультфильма про Карлсона. Убранство ее комнаты сполна отражало натуру обитательницы. За всё время, что я прожил у Алёны, Таисия Петровна не произнесла и двух фраз подряд. Что она была за няня, как выполняла свои обязанности по воспитанию детей, оставалось лишь гадать. Видал я ее реже других жильцов и, возможно, по этой причине так и не разобрался, чем дышал человек.

В комнате напротив Таисии Петровны располагалась семейная пара из Казахстана. У нее, как я случайно заметил, когда дверь была приоткрыта, доминирующей частью мебели была стенка семидесятых годов. На полках за стеклом сто-

яли подписные издания классиков соцреализма, которые со времени выхода из типографии явно никто не читал. Алёна точно сдала бы весь этот хлам в макулатуру, но я подозреваю, что ее сдерживала мизерная прибыль от подобной операции, не особенно превышавшая вероятные транспортные издержки. Поэтому книжки благополучно собирали пыль, а на створках шкафов, открывая оные, муж и жена сушили предметы туалета после стирки.

Не могу сказать ничего дурного об этих жильцах. Спали они на матрасе, который был положен прямо на пол, и на превратности судьбы не жаловались. Супруг продавал какие-то саженцы на близлежащем рынке «Огородник», супруга мыла полы в офисах. Оба мечтали за год-другой подсобрать денег и снять однушку в Капотне, чтобы перевезти туда дочку-школьницу из города Актобе.

Юношу среднеазиатской наружности, который первым встретил нас тем октябрьским дождливым вечером, звали Анваром. Его, как я про себя выражался, экологическая ниша была на второй полке в чулане. Это помещение Алёна также приспособила для нужд арендаторов. Анвар родился и провел все свои двадцать лет в Ташкенте, а в Москву его перетянул старший брат. Тему братской любви сын солнечного Узбекистана не раз поднимал в беседах со мной. Если верить ему, он принципиально хотел добиться всего сам.

– Брат говорит: давай ко мне на фирму. А я ему: нет, у меня свои руки-ноги есть, и голова и всё остальное в поряд-

ке, – рассказывал Анвар.

Руки, а не исключено, что и ноги, он применял по назначению, проводя сеансы массажа в банном комплексе где-то в Печатниках. Парень он был крепкий, видный и время от времени бросал выразительные взгляды на хозяйкину дочку Полину. Та еще училась в школе – вернее, крайне редко посещала это заведение, в основном болтаясь во дворе, за гаражами-ракушками. Поглядывать на Полину было несложно, так как она проживала в том же чулане, только на его нижней полке. Рюкзак с учебниками, тетрадками и письменными принадлежностями хранился под полкой.

Полна была, по-моему, законченная разгильдяйка. Она без устали грезилась, как говорила моя бабушка, о небесных кренделях – то есть, о том, чего в реальной жизни быть не может. Центральную позицию в ее мечтах занимали шейхи с олигархами, проносящиеся с ветерком по Кутузовскому проспекту и Рублевскому шоссе. Один из них непременно должен был достаться ей. Моя профессия в ее представлении была тоже по-своему подернута дымкой романтики. Такое случается с людьми, в глаза не видевшими живого журналиста.

– Что надо, чтобы стать журналистом? – на полном серьезе спрашивала она у меня.

Объяснить ей это в нескольких словах было трудно.

– Понимаешь, Полина, – аккуратно отвечал я, – много чего. Я в университете учился, в студенческую газету заметки

писал, в армии служил. Женился, разводился. Опыт, короче, нужен.

– А в армии страшно? – продолжала выпытывать она.

– Не особо. Там смешно даже иногда.

– Хочу быть журналисткой на телевидении, работать в «горячих точках», – призналась Полина. – Я видела, как бомбы рвутся, а они в касках и всё равно говорят, говорят.

Я не стал объяснять ей, что от бомбы каска вряд ли спасет.

– У тебя за сочинения какие оценки? – сменил я тему.

– Так себе, – не стала врать она.

– Плохо. Ты подтяни грамотность и книжек больше читай.

Прежде чем говорить, надо иметь, что сказать.

Любимым своим произведением она назвала «Мастера и Маргариту», из чего я сделал вывод, что девочка, может быть, пока не совсем безнадежна... У Полины, кстати, была и младшая сестра Соня, лет пяти. Этот чрезвычайно живой ребенок приблизительно шесть месяцев в году радовал своей активностью дедушку и бабушку в Подольске. Затем наступала очередь Алёны. Детский сад Соня посещала нерегулярно – то из-за простуды, то просто потому, что ее маме лень было вставать по будильнику. В такие дни (жильцы шестнадцатой квартиры называли их критическими) деятельная малышка перемещалась из комнаты в комнату, предлагая всем поиграть или порисовать с ней. Отказы она встречала пронзительным визгом и катанием по полу. Спать ангельское дитя укладывалось во втором часу ночи.

Соню мне было жалко. Взрослых, включая по большому счету и Алёну, ее потребности мало трогали. Невзирая на то, что в аренду давно была сдана вся, до последнего квадратного сантиметра, жилая площадь и даже часть нежилой, денег не хватало. Алёна повторяла эту мантру день за днем. Чтобы пополнить бюджет, она устроилась на полставки в фитнес-центр «Марабу». Выдавала клиентам ключи от шкафчиков, бахилы и полотенца, следила за тем, чтобы в кулере была свежая вода. Коллектив ей попался сложный, склочный.

– Русских нет, одни чебуреки, – пожаловалась она мне. – Своих за собой тащат. А у меня поясница больная, не могу тяжести поднимать.

С какими именно тяжестями Алёне приходилось иметь дело в «Марабу», и при чем тут национальная политика, я так и не понял. Само собой, при таком раскладе квартировала она вместе с Соней на кухне. Больше было негде.туда же вселялся ее сожитель Валера, наездами посещавший сто шестнадцатую. Плечистый и шумный, не дурак выпить, но знавший меру, он срывался на шабашки то в Орёл, то в Курск, то еще дальше. За свое личное будущее был спокоен.

– Где стройка, там я, – уверенно заявлял Валера.

Денег ему хватало и на собственные текущие расходы, и на алименты бывшей жене. Что-то перепадало и Алёне. Перспективы их дальнейшего житья-бытья оставались, по-моему, туманными. Ко мне Алёна и Валера относились с известной долей уважения. Название моего СМИ они не могли за-

помнить, как ни старались, но интуитивно понимали, что связывать слова в тексты способен не каждый.

К прелестной квартире имело касательство еще одно живое существо. Идя по общему коридору в самый первый вечер, я действительно не обманулся: на полу, под листами картона лежал человек. Жил он когда-то этажом выше, а имя-отчество его было Митрофан Фомич. Он пал жертвой семейных разборок на поприще приватизации. Каким-то образом, призвав на помощь ушедших юристов, дорогие родственники смогли отобрать у него права собственника, а потом и выкинули свою жертву на улицу.

Митрофан Фомич был стар и не имел возможности платить юристам. Питался он то святым духом, то гуманитарной помощью отдельных соседей. Подкармливала его и Алёна, от которой я узнал эту историю.

– Человек всё-таки, – таким словами она завершила свое повествование.

По непрямой аналогии с творением Ильфа и Петрова, я прозвал квартиру номер сто шестнадцать «Вороньей слободкой». На ее квадратных метрах тоже кипела и бурлила своя непростая жизнь. Полина постоянно закатывала истерики, что было, в общем, неудивительно для её пятнадцатилетнего возраста. Соня швыряла оземь игрушки и требовала сей же миг отвести ее в «Макдоналдс». Алёна делала обход и по несколько раз заранее напоминала всем квартирантам о

приближении срока оплаты. Когда приезжал Валера, на кухне происходили веселые пирушки. Хозяйка так же, как ее сожитель, из крепких напитков предпочитала водку, причем строго определенной марки – «Великокняжескую». Алёна была твердо убеждена, что лишь ей можно доверять. Закусывала она, как правило, спаржей и настойчиво продвигала этот продукт в наши массы.

– Ты только попробуй, – настаивала Алёна. – Это же полезно для здоровья.

Застолья продолжались до глубокой ночи, поскольку их участники смотрели «За углом-2», искренне переживая за героев шоу. Но даже когда все, наконец, отходили ко сну, уже часу в четвертом, запросто мог раздаться душераздирающий вопль. Я предпочитал не выходить из своей комнаты и не проверять, кто орет. Кажется, то Алёна с Валерой по примеру телезвезд выясняли свои сложные отношения.

Когда мастеровитый Валера уезжал на очередную стройку, Алёну обуревала страсть к наведению порядка. Вернувшись со смены из «Марабу», она принималась разбирать и собирать какие-то тряпки, которых вдруг оказывалось жутко много. Часть этого скарба размещалась в шкафу, стоявшем в прихожей, и, как уже упоминалось, была первоначально принята мной за товары из магазина second hand. Перетаскивая с места на место образовавшиеся мешки, Алёна демонстративно вздыхала: «Хоть бы помог кто!». Жильцы хладнокровно игнорировали ее призывы.

Еще одним пунктиком Алёны была ванна. Даже единственный чужой волос на ее поверхности вызывал у нашей хозяйки поток горьких слов. Почему-то особенно перепадало гражданке Беларуси, которую Алёна за глаза подозревала в прогрессирующем облысении. Что за улики имелись в ее распоряжении, я не знал.

Таисия Петровна, с которой мне удавалась только поздороваться или попрощаться, всё свое мнение о «Слободке» выражала исключительно взглядом. В нем читалось что-то вроде: «Ну и зоопарк развели». Пара же из Казахстана пряталась в комнате с классиками соцреализма так хорошо, что я и поздоровался-то с ней за всё время максимум раз пять...

Собачилась владелица квартиры и с юным Анваром. Он вечно задерживал платежи, ссылаясь на скорую помощь брата. Алёна в ответ грозилась выкинуть его из чулана, уверяя, что у нее есть целая очередь претендентов на это замечательное место.

Что касается комнаты, где окопался я, то были в ней шкаф-купе, телевизор и диванчик. Имелся также выход на балкон, который вряд ли мог считаться плюсом. Алёна пользовалась им, таская и перетаскивая взад-вперед свои вещмешки, из-за чего чистоты и уюта отнюдь не прибавлялось.

– Ты прости, я быстро, – каждый раз приговаривала она.

Громадный холодильник посреди прихожей считался общим, однако оставлять в нем провизию было затеей рискованной. В первый день на «Слободке» засунул я туда кусок

сыра, недоеденный мной, и очень об этом пожалел. Концы его не сыскал бы, пожалуй, сам Шерлок Холмс при содействии доктора Ватсона. С тех пор никакой лишней еды я на дом не приносил, а всё, что покупал в супермаркете поблизости, до последней крошки съедал на диванчике, расстелив бумажную салфетку. Кухней теоретически тоже можно было пользоваться, но ее санитарно-гигиеническое состояние отвратило меня от этой идеи. Так что ужинал я только сухим пайком, а по утрам пил кофе с печеньем уже на работе.

Так мы и жили. В отличие от блондинки Натальи, я протянул в квартире номер сто шестнадцать почти четыре месяца. Единственным ее бесспорным достоинством была, конечно, относительная дешевизна. Посему до поры, до времени я закрывал глаза и на дикие вопли в ночи, и на концерты Полины с Соней, и на вездесущий запах подгорелого масла. Им Алёна обильно поливала блюда из спаржи. Свою обувь я, в отличие от других квартирантов, никогда не бросал в общую кучу, а заносил в комнату.

– Ты, наверное, спокойный, как слон, – однажды сделала вывод Алёна, беседуя со мной на кухне.

Она зазвала меня туда, когда Валера снова отбыл в Орёл или Курск, и по ночам стало тише. Полина являлась со своих поздних гулянок на цыпочках и сразу ныряла в чулан. Соню в тот раз, по-моему, приютили на недельку дедушка с бабушкой. До прямого эфира из «За углом-2» еще оставалось

время, и подвешенный на кронштейн телевизор я переключил на футбол. «Зенит», судя по всему, тщетно пытался пробиться в плей-офф Лиги чемпионов.

– В Тайланд хочу, – поделилась своей мечтой Алёна.

Она так и сказала: «Тайланд», через «й». Я, как заправский тайский слон, был спокоен и не стал поправлять.

– Отдыхали там?

– В прошлом году, – ответила Алёна. – Вчетвером дорого. Наверное, в этот раз кредит возьму.

Чтобы нарастить свой официальный доход, она, как выяснилось, устраивалась еще и в маникюрный салон. Со своей прибылью от аренды хозяйка «Слободки», понятно, налогов не платила.

– Не тяжело так? – спросил я, кося глазом в экран, где развивалась атака «Зенита».

– Живем один раз, – отмахнулась она, подцепляя вилкой овощной стебель.

В этот момент нападающий питерского клуба нанес удар по воротам из выгоднейшей позиции, но умудрился попасть в штангу. Партнер, успевший на добивание, с линии вратарской площади запулил мяч в небеса.

– Б..., куда ж ты бьешь, косое чучело! – рявкнул я, подпрыгнув на табуретке.

Алёна уронила вилку в тарелку.

– Ну, от тебя-то я не ожидала...

Я старался проводить как можно меньше времени в «Слободке», да и моя трудовая деятельность к тому располагала. И всё равно чувствовал, как накапливается, ища себе выхода, глухое раздражение, готовое перейти в озлобленность. Тем более что занятия журналистикой, даже в хлебной Москве, никак не приносили мне внушительных дивидендов. Крепнущее не по дням, а по часам новое чувство властно стремилось вырваться наружу, был бы только повод. Так сказать, *casus belli*. Естественно, казус произошёл.

В тот вечер вскоре после старого Нового года то ли подсолнечное масло подгорело на сковородке сильнее обычного, и его запах с порога ударил мне в нос, то ли в издательстве в течение дня все сотрудники, включая меня, были на нервах. К тому же, предыдущую ночь я провел в поезде, поскольку посещал историческую родину и прямо с вокзала, не заскакивая в «Слободку», отправился на работу. До шестнадцатой квартиры мне удалось добраться после целых трех суток отсутствия, в понедельник. О своих планах я, как обычно, предупредил Алёну в минувшую пятницу.

Открытая дверь квартиры меня давно перестала удивлять: ее если запирали, то в силу случайного стечения обстоятельств. Милейшим сюрпризом явилось другое – проход в мою комнату был совершенно свободен. Я знал, что у Алёны есть запасной ключ, и она может при необходимости воспользоваться им, например, вынося ненужные вещи на балкон. К моему глубокому изумлению, мешки с ее добром не

только валялись в проходе, но и загромождали мой диван, а балконная дверь была открыта настежь. Морозное дыхание января ощущалось даже в коридорчике с ванной и туалетом. Ветер трепал полосатую занавеску.

Наверное, можно было без лишних эмоций закрыть балкон и выкинуть мешки обратно в прихожую. Но желание закатить скандал, помноженное на физическую усталость, перевесило всякие остатки благоразумия. И я отпустил последние тормоза.

– Алёна-ааа! – заорал я так, что чуть сам не оглох.

Хозяйка «Слободки» выскочила из кухни, будто объявили боевую тревогу.

– Это что, а?! – гаркнул я ей в лицо, как генерал на уснувшего часового.

– Вещи мои...

– Какого хрена, Алёна?

– Да я приберу сейчас, – забормотала она.

– Ты что, крайнего нашла? – продолжал я в том же духе, не думая останавливаться. – Ты помнишь, мы говорили на эту тему?

Эпизод с мешками на самом деле был не первый, но впервые всё было брошено в столь вызывающем виде.

– Давай проходной двор устроим, да? Давай из прихожей всё г... сюда перетащим? Чего стесняться?!

– Ладно тебе, не шуми, – Алёна попробовала сделать шаг к примирению.

– Э-э, нет! Хватит!

Я распахнул шкаф-купе и принялся запихивать свои пожитки в дорожную сумку. Меня уже по-настоящему несло. При этом я даже не имел ни малейшего понятия о том, где придется ночевать сегодня. Алёна наблюдала за мной в каком-то оцепенении, кажется, утратив дар речи. С усилием затащив «молнию» на сумке, я повернулся к выходу из комнаты. Остановился на пороге, пошарил в кармане куртки, швырнул хозяйские ключи на мешки.

– Всего доброго!

– А деньги? – робко спросила Алёна.

– Какие?

– За январь.

Первую половину месяца мне действительно удалось прожить как бы в долг. То Алёны почему-то не было дома, то я отсутствовал. «Значит, судьба», – пронеслось в голове.

– Бог подаст!

Это были последние слова, произнесенные мной в квартире номер сто шестнадцать. Промчавшись мимо кряхтящего Митрофана Фомича под картонками в общем коридоре, я отмахал добрые полкилометра до автобусной остановки. Укрылся от падающего снега под крышей павильона, достал мобильник и набрал номер земляка-кинорежиссера. Его коллеги со студии частенько сдавали какое-нибудь жилье под устные гарантии не устраивать пьяные оргии и не водить разнузданные компании в гости.

Оксане я рассказал о финале этой истории только спустя три года. Наша с ней встреча была абсолютно случайной. С журналистикой я к тому времени распрощался, перейдя в более прибыльную смежную отрасль. С Москвой фактически простился тоже. В столице я теперь бывал в основном проездом, перемещаясь из региона в регион. «Окно» продолжительностью в несколько часов у меня образовалось из-за переноса авиарейса. Был кинут клич в социальную сеть с призывом повидаться для тех, кто в центре, и... первой откликнулась Оксана. Минут через тридцать мы уже сидели в кафе у пересечения Мясницкой с Чистопрудным бульваром. О «Слободке», конечно, вспомнили в первую очередь.

Оксана долго хохотала после того, как я изобразил сцену прощания в лицах, а затем сообщила, что на днях видела Алёну.

– Да ты что! – воскликнул я.

– Правда.

– Как она? Где?

– Куда ей деваться? Всё по-прежнему.

– «Великокняжескую» пьет?

– Пьет. И ремонт планирует.

– На какие шиши? – удивился я. – Денег вечно нет.

– Больше слушай ее.

– Что у них с Валерой? – спросил я.

– Разбежались давно. Алёна себе нового мужика ищет, в

«Марабу» на стрип-пластику записалась, – поведала мне Оксана.

– Блин, растут же люди, – сказал я.

– Ты и сам с тех пор вырос, – заметила она.

– Сто шестнадцатая это школа мужества, – я глотнул кофейную пенку, которая пышной шапкой украшала чашку.

Тут Оксана не приняла мой шуточный тон.

– Что не так? Я тоже там жила, когда в Москву переехала, и Наталья после меня. Разве не виден результат?

– Тенденция, однако, – был вынужден согласиться я. – Кстати, как она поживает со своим самураем?

– С Эдиком?

– С каким еще Эдиком? С японцем.

– Она его Эдиком зовет, – уточнила Оксана. – У него проблемы с бизнесом.

– Санкции мешают, что ли?

– Нет, другое. У банков много занимал, потом перезанимал. Думал землю продать под Волоколамском, рассчитаться со всеми. Не получилось. В общем, они теперь в Японии, он там дела ведет.

– Общаетесь?

Оксана отрицательно покачала головой.

– Молчит, и все аккаунты удалила. С сыном занимается, наверное.

– Сыном?

– Ему два года уже.

Я подумал о том, как быстро всё меняется, и как жизнь корректирует наши обширные планы. Но лучше, пожалуй, так, чем просто сидеть на одном месте и чего-то ждать. «Слободка» в качестве промежуточного старта? Собственно, почему бы нет?.. Я спохватился, что перестал слушать, а Оксана продолжает говорить.

– ... Полина опять беременная ходит.

– Что-что? – я ушам своим не поверил.

– Ну да. Первый жених слинял, со вторым вроде всё серьезно. Свадьба на днях.

– Олигарх?

– Шашлычная у него, сам из Грузии.

– А первый кто был?

Мой вопрос не то, чтобы застал Оксану врасплох. Тем не менее, она чуть затянула с ответом.

– Алёна не признаётся, но чувствую, что Анвар постарался, – сказала, наконец, моя знакомая. – Если совсем между нами, она сама с ним раньше баловалась.

– Кто с кем? – на всякий случай уточнил я.

– Алёна с Анваром.

Мы деликатно помолчали. «У Полины репортерская карьера пока откладывается», – мысленно констатировал я.

– Тебе «Слободка» реально помогла?

– Она как чистилище, из нее или вниз, или вверх, – совсем не шутя ответила Оксана. – Я тогда подумала, что тебе нужно через такое пройти.

– Были другие квартиры на примете?

– Здесь они всегда есть.

– Не знаю, что и говорить...

Оксана прищурилась. Ее карие глаза явно излучали лукавство.

– Ты не обижайся, что всю правду скажу. Я тобой с Алёной расплатилась.

– Что-о?

– Ну, вот так. Тоже ей задолжала, и много, а денег не было. Прогуляла с подругами в кабаке. Съехала со скандалом, почти как ты. Поэтому Наталью подогнала вместо себя... потом тебя. Так вот и помирились.

Моя ответная пауза сильно затянулась.

– Обиделся всё-таки?

– Про чистилище, значит, просто слова? – спросил я.

– Нет, – убежденно возразила Оксана. – Так надо было.

Это судьба. Карма.

Я не выдержал и расхохотался на всё кафе. Залпом допил свою порцию и осведомился вполне миролюбиво:

– Твои-то планы теперь какие?

Оксана пожала плечами.

– Не знаю. Может, тоже замуж выйду.

– За кого?

– Понятия не имею.

«Ничего не могу с собой поделатъ, люблю Москву», – подумал я, глядя на часы, чтобы не опоздать в аэропорт.

Вылазка

Предпринять вылазку Борис бесповоротно решил в тот момент, когда по телевизору заговорили о прогнозе на осень. Ведущая, ссылаясь на экспертов из Всемирной организации здравоохранения, уверенно предсказала очередную волну пандемии. К этой волне, по ее словам, правительство уже готовилось заранее, так что оснований для паники не было.

– Тем временем разработка универсальной вакцины вступила в решающую стадию. Мы следим за событиями, оставайтесь на нашем канале! – энергично подытожила она.

Утренний кофе показался Борису недостаточно сладким, и он потянулся за сахарницей. Новости за завтраком включали не потому, что ждали от них чего-то радостного или хотя бы слегка обнадеживающего. Стойкой сторонницей просмотра оставалась одна бабушка, воспитанная в традициях прошлого. Прочие члены семьи не хотели расстраивать ее.

– У них вездеходы, им хорошо, – тихонько сказала Милана.

Ей, девятнадцатилетней студентке университета, не полагался пропуск с грифом «Прход везде», который выдавали журналистам и операторам телевидения. Такие же носили с собой чиновники высшей категории. Врачей, полицейских, сотрудников спецслужб и военных пускали всюду по служебным удостоверениям.

– Ешь, не отвлекайся, – на правах отца посоветовал Борис. – Во сколько твоя лекция?

– В половине девятого.

– Успеешь как раз.

Милана, кажется, хотела что-то добавить к своей предыдущей реплике, но передумала. Вымахав под метр восемьдесят и пойдя учиться на искусствоведа, она совсем отбилась от рук. Ее будущую профессию Борис считал абсолютно никчемной. Никчемнее, пожалуй, сегодня была бы только специальность менеджера по туризму, но она за ненужностью отмерла.

В самом деле, о каком туризме могла идти речь при закрытых границах? Конечно, сначала все были уверены, что отмена авиасообщения – мера временная. Но год тянулся за годом, накатывала волна за волной, и власти каждый раз объясняли необходимость потерпеть еще. Вирус будет побежден, уверяли они. Нынешней весной исполнилось восемь лет с того момента, как впервые прозвучало слово «карантин».

– Я наелся, – нарушил тягостное молчание Мирослав.

Он ограничился куском яичницы и булочкой с джемом. В свои пятнадцать лет сын откровенно тяготился коллективными трапезами, предпочитая им уединение в отдельной комнате. Ему, как и Милане, предстоял сеанс видеосвязи – только, в отличие от нее, со школой.

– Какой у вас первый урок? – уже вслед ему поинтересовался Борис.

– Физкультура, – буркнул сын.

Было непонятно, шутит он или нет. Расписанием уроков Мирослав ни с кем не делился, да и вообще, родителей к себе в резиденцию не приглашал. На вопрос, чем намерен заняться после совершеннолетия, отвечал без затей: «Ничем». Из Интернета он вылезал только при крайней нужде, а карманные деньги тратил в основном на фаст-фуд, доставляемый курьерами.

Взгляд жены, который уловил Борис, был весьма красноречивым. Сцена такого рода давно сделалась привычной. Диалог поколений не складывался, и вести речь хотя бы о символическом воспитании не приходилось. «Лишь бы хуже не стало», – как-то раз в отчаянии обронила Влада.

Почему вышло так, а не иначе, оставалось лишь гадать. Восемь лет вместе, круглые сутки в трехкомнатной квартире, казалось, должны были сплотить семью, однако произошло прямо противоположное. Милана еще помнила, как ходила в детский сад и начальные классы, а Мирослав даже к школе готовился дистанционно. Борис и Влада были их помощниками и подсказчиками на первых порах, далее эстафету подхватили другие люди, находившиеся по ту сторону дисплея.

С одноклассниками дочь и сын общались без посредства компьютеров строго два раза в год – в первый и последний день учебы, когда всех собирали на некое подобие краткой встречи. Разумеется, с соблюдением социальной дистанции.

Тот же подход по рекомендации федерального министерства применялся в вузе. «Совсем с ума сошли», – сразу вынесла собственное суждение бабушка. Впрочем, ее мнение совсем не интересовало министра с его подчиненными.

– Борьба за жизнь наших соотечественников – приоритетная задача, – говорил с экрана сам господин президент.

Его высокопревосходительство, согласно заявлениям пресс-службы, подавал согражданам пример сознательности. Пребывая в самоизоляции внутри специального бункера, он даже иностранных гостей принимал в режиме онлайн.

Борясь за жизнь, Борис и его домочадцы почти не покидали пределы дома. Собственно, даже при желании поиграть в прятки со смертью возможностей для этого у них было мало. Все восемь лет власти регулярно продлевали комендантский час, запрещая появляться на улице с одиннадцати вечера до шести утра. В остальное время дозволялось только посещать продовольственный магазин или аптеку, выкидывать мусор в ближайший контейнер и выгуливать собак.

– Сегодня в нашем регионе инфицировано... человек, госпитализировано... из них, скончалось...

С таких сводок начинались выпуски новостей телевидения и радио, их распространяли также социальные сети. За критический комментарий полагался штраф, повторное нарушение законодатели приравнивали к разжиганию беспорядков. Оно уже тянуло на уголовную статью. После нескольких показательных посадок желающие поспорить с государством

прикусили языки.

– Когда наша очередь закупаться? – спросил Борис у жены по окончании завтрака.

– Через две недели, – хмуро ответила она.

– Тебе нужно что-нибудь?

Влада не выдержала.

– Да что мне может быть нужно? Я в прошлый раз блузку купила, а куда ее надевать, для кого? На кухне со сковородками стоять?

– Не заводись, не надо, – он предупреждающе поднял руку.

– Как не заводиться? Сколько можно уже? Мы заключенные, что ли?

– Знаешь, никто не понимает, как этой гадостью заражаются. В пятый подъезд вчера «скорая» приезжала...

– И что? Горы трупов?

– Я только с балкона видел, как она парковалась.

Влада швырнула на стол полотенце для вытирания посуды и отвернулась к стене. Походы за одеждой, обувью и разной бытовой мелочью оставались единственным легальным шансом выбраться дальше, чем за сто метров от дома. Эту активность регламентировала мэрия, составлявшая график для населения. Каждая семья была приписана к определенному торговому центру, который посещала раз в месяц в отведенное ей время.

Борис вздохнул. В сущности, жена была права. Самоизо-

ляция радикально упростила их потребности. Театры, кафе, стадионы и другие места массового скопления были закрыты до особого распоряжения. Необходимость в обновках практически отпала. По квартире бродили в футболках и тренировочных штанах, в пределах стометровой зоны ограничивались нарядами попроще. Влада красилась и одевалась, по ее выражению, «как следует» лишь для ежемесячных походов.

Их тележка подкатывала к платежному терминалу почти пустой. Несколько пар носков, какой-нибудь шарфик, батарейки для пульта, одна-две лампочки взамен перегоревших... Иных приобретений за текущий год Борис не мог припомнить, как ни старался. Лично он ездил в ТЦ в одной и той же водолазке и джинсах. Но для Влады это было нечто вроде торжественного выхода в свет. Поэтому слух о том, что пускать за покупками будут раз в два месяца, сильно отразился на ее моральном состоянии.

– Не верь ты всякой ерунде, – убеждал он свою вторую половину.

Действительно, что могла знать встреченная у лифта соседка – в отличие от них, узница однокомнатной квартиры? Какая разница, что она бормотала сквозь маску? Может, у нее совсем крыша поехала?.. Увы, эти аргументы слабо влияли на жену.

Кроме того, времени на душевспасительные беседы уже не оставалось. В девять ноль-ноль обоим надлежало сидеть

перед мониторами, ожидая планерок с раздачей заданий. Офисная жизнь для них тоже закончилась с введением карантина, и вся работа перетекла на дом. За опоздания на интернет-переключку начальство наказывало, урезая премиальные.

Супруга, вытерев слезы, отбыла в спальню, а Борис расположился со своим ноутбуком прямо за кухонным столом. Кабинета он не имел.

Идею вылазки Борису подал прежний одноклассник Альфред по прозвищу Крокодил. Пропавший из поля зрения еще до пандемии, он внезапно обнаружился во время прошлой поездки «в люди». Друг детства, с которым сидели за одной партой, крутил теперь баранку такси. Прибыв на вызов и мигом узнав своего пассажира, он разболтался не на шутку. Сначала, пока ехали до торгового центра, бегло переврали общих знакомых.

– Ежа помнишь? Свалил перед чумой как раз. К морю подался. Там, говорит, теплее хотя бы. Пипетка развелась и опять замуж выскочила. Вроде удачно. С бывшим-то дрались до крови. А Банка повесился. В натуре, петлю из провода смастерил и того... в гараже у себя. Когда нашли, холодный был. И трезвый ведь...

За увлекательным рассказом (солировал, как обычно, Альфред) не заметили, как добрались. Влада вылезла из машины первой, покурить на близлежащем пяточке для зло-

употребляющих никотином. Борис, прощаясь, чуть задержался, и дружок прихватил его руку своей.

– Я вижу, тебе развеяться пора, – сказал он, подмигнув.

– Развеяться? – не понял Борис.

– Не тупи. Вот визитка, пиши мне через мессенджер. Объясню, – Альфред подмигнул снова и хлопнул его по плечу.

На маленьком прямоугольнике из картона значился, рядом с именем друга, телефонный номер без каких-либо дополнительных сведений. Борис связался с Альфредом вечером того же дня. Оказалось, что тот добывает хлеб насущный не только извозом. Намеки на существование теневой, неподотчетной властям жизни проскальзывали в сетях и раньше, но подробностями никто из пользователей не делился. И вот, наконец, объявился живой представитель параллельного мира.

– Будешь сидеть взаперти, свихнешься запросто, – предупредил друг. – Везли как-то одного родные и близкие... до больнички, на казенное содержание. Не советую повторять.

Беседовали они через зашифрованный канал, который, не в пример соцсетям, пользовался репутацией надежного. По словам Альфреда, в городе имелась целая индустрия развлечений – разумеется, подпольных.

– Выбирай время, ближе к ночи. Доставлю тебя в лучшем виде, – пообещал он. – Имей в виду: расчет налом. Сам понимаешь, налогов там никто не платит.

Борис уточнил примерную сумму и приятно удивился. У

него водилась заначка, которую можно было использовать для подобных целей. Государство усиленно агитировало переходить на безналичный расчет, но не везде созрели технические условия для него. Так, в сельской местности отсталые фермерские слои продолжали обмениваться монетами и купюрами. Были и те, кто принципиально держался за ветхозаветную старину, отвергая тотальную цифровизацию как предтечу антихриста. С фанатиками-сектантами дело не стали доводить до конфликта, ограничившись требованием носить маски.

Единственной подлинной проблемой для Бориса являлся уход из дома в неурочный час.

– Мотивируй как-нибудь. Кто из нас с высшим образованием, я или ты? – резонно заметил Альфред.

Сразу после утренней сцены Борис окончательно решил: «Сегодня». Нервная система и у него была на пределе. Плакать, конечно, он не собирался, но уже не единожды испытывал громадное желание закатить скандал невиданного доселе масштаба. При всём этом бесконечном режиме возникло и окрепло ощущение какого-то ареста, плавно переходящего в пожизненное заключение. Хотя с тещей у него были прохладные отношения, он охотно подписался бы под ее фразой: «Как овец держат в стаде».

Борис, как и дети, привык называть ее бабушкой. В семьдесят пять лет она сохраняла ясный рассудок и твердо стояла на почве здравого смысла. Их ближайшая родственница

переселилась к дочери и зятю незадолго до полного локдауна, поняв, что в одиночку не может содержать частный дом за городом. Без нее в квартире было бы просторнее и, вероятно, спокойнее. Имея дополнительное пространство, члены семьи чуть легче сносили бы тяготы вынужденного сидения в четырех стенах. Хотя разве только чуть. Новая вирусная реальность истерзала-измучила каждого независимо от возраста.

Лучше всех было, наверное, Мирославу. Он рос в обнимку с Интернетом и буквально сроднился с разнокалиберными гаджетами. Человеческое общество, как подозревал Борис, ему не особенно требовалось. Чем живет и дышит Милана, оставалось для него загадкой. Бойкая и чрезвычайно подвижная до перехода на удалёнку, она болезненно перенесла всеобщий стоп-сигнал. Сильнее всего дочь переживала расставание с танцевальной студией. Какие-то занятия посредством видео продолжились, но не смогли заменить ей любимое увлечение.

А Влада откровенно погружалась в депрессию. Бухгалтерия, которой она занималась профессионально, уже, кажется, не вызывала у нее ничего, кроме отвращения. Следить за собой жена почти перестала и, если бы не периодические вояжи в торговый центр, закисло бы совсем. Что касается другой стороны супружеской жизни, то здесь сорокалетняя Влада едва ли могла похвастаться активностью и в мирную, не затронутую пандемией эпоху. Ныне же пыл ее угас полно-

стью. Получив несколько раз от ворот поворот, муж махнул рукой, а затем и сам ощутил отсутствие интереса...

– Борис, у вас со звуком всё в порядке?

Вопрос старшего менеджера Александра оторвал его от воспоминаний и размышлений. Торговый дом отчаянно бился за рост показателей. Слава Богу, что запорная арматура и вентили были еще востребованы компаниями-партнерами, которые вели добычу нефти и газа в северных губерниях. Дорожить местом в такой фирме действительно стоило.

– Видимо, большая нагрузка на роутер, и дети учатся.

Прошу прощения, – зачастил Борис.

– Будьте внимательнее, – повелительно бросил шеф.

С Альфредом он списался и созвонился заранее. Договорились на двадцать два ноль-ноль. Алиби было таким: коммунальная авария у родителей, живших на противоположном конце города. Первоначально Борис хотел сослаться на недомогание отца, потом сообразил, что жена всполошится и может лечь костями, но не пустить. В последнее время даже его мимолетные отлучки в супермаркет будили в ней истерические реакции. «Заразу к нам притащишь!» – пеняла она мужу. Правда, от поездок «в люди» не отказывалась.

Как и было условлено, друг перезвонил без двадцати десять. Разговор для отвода глаз был недолгим. Борис, дав отбой, переместился из холла в спальню, чтобы поставить в известность Владу. Та, к его облегчению, восприняла инфор-

мацию совершенно нейтрально.

– Что там стряслось? – спросила она без особого интереса, не отрывая глаз от их второго телевизора, где показывали детективный сериал.

– Трубу прорвало, соседей заливает.

– Тогда надо разобраться, конечно.

Обрадованный таким ответом, Борис еле сдержал эмоции, чтобы не выдать себя.

– Ложись, если задержусь, я названивать не буду, – сказал он.

Влада даже не повернула голову прочь от огромной плазмы. Просто кивнула вместо ответа. Когда он обувал кроссовки, из своей комнаты высунулась Милана.

– Ты куда?

В нескольких словах Борис объяснил, стараясь сохранять озабоченный вид. «Чёрт, приспичило ей», – подумал он.

– А у тебя лимит на визиты не истек?

Лимиты тоже устанавливала мэрия для тех взрослых горожан, у которых были близкие родственники-пенсионеры. Тем, кому было за шестьдесят, надлежало передвигаться исключительно в радиусе ста метров. Любые товары, кроме продовольственных, они были обязаны заказывать и получать дистанционно. Проводывать пожилых отца и мать Борис мог раз в полтора месяца.

– Позавчера новый срок начался, – соврал он дочери.

– Ну, давай. Привет им передавай, – отозвалась она и, не

дожидаясь его ухода, притворила за собой дверь комнаты.

«Какие все покладистые», – отметил про себя Борис, перевел смартфон в беззвучное состояние и спрятал его в коробку с зимними ботинками, стоявшую в дальнем углу шкафа-купе. Шесть лет назад на каждое мобильное устройство в обязательном порядке установили приложение, позволяющее определить местонахождение владельца. Министерство национальной безопасности оценило этот шаг как вынужденный и ничуть не затрагивающий права и свободы соотечественников.

Альфред на своем подержанном «Шевроле» ожидал его на выезде со двора, за трансформаторной будкой – в мертвой зоне для камер видеонаблюдения. Выбегая из подъезда и пересекая освещенную полосу под окнами, Борис надвинул капюшон ветровки до самого носа и низко, насколько было возможно, опустил голову. Маску он надел еще в лифте. Крокодил рванул с места, как только захлопнулась задняя дверца.

– Чисто?

– Чисто, – подтвердил Борис. – У нас в это время никого.

«Шевроле», подскакивая на ухабах, проехал через пешеходный проулок между многоэтажками (все таксисты знали этот короткий путь), повернул налево перед котельной и через полминуты резво катил по дороге, ведущей на юго-запад. Попутные и встречные автомобили можно было пересчитать по пальцам.

– Далеко отсюда?

– Не, минут десять, – беззаботно сообщил Альфред, вырливая на кольцевое шоссе.

Спустя мгновение темноту впереди них разорвал ярко-синий проблеск полицейской мигалки. В кругу света от вспыхнувших фар показалась массивная фигура с жезлом в вытянутой руке. Борис инстинктивно вжался в сиденье. «Потребуется документы, пробьют через приложение. За выход без смартфона – штраф. Спросят, куда еду. Запросят перевозчика, а моего вызова там нет. Вот это развеялся...»

Одноклассник плавно сбавил ход и затормозил прямо возле патрульного.

– Свои, офицер, – бодро доложил он, протягивая через открытое окошко свидетельство о регистрации.

– Лицензию на тачку, – буркнул полисмен, небрежно пошевелив фонариком внутрь салона.

– Один момент. Пожалуйста!

Альфред пошелестел бумажками, повторил свой жест. Пауза, которая последовала за ним, для Бориса вместила в себя полжизни. Сердце заколотилось часто-часто, когда полицейский наклонился к водителю, и незадачливый пассажир уловил запах его одеколона.

– Порядок. Дуй дальше.

За виадуком Борис, более-менее придя в себя, первым открыл рот.

– Слушай, Фредди, я видел или мне показалось...

– Ты думал, они святым духом питаются? Наши скромные герои, рискующие собой? Эпидемия, брат, не основание для ухода в монастырь.

Остаток пути проделали молча. «Шевроле» мягко съехал с кольцевой перед накренившимся указателем Giant со стрелкой.

– Его же закрыли вроде, – осторожно произнес Борис.

– Для кого закрыли, а для кого и открыли.

Некогда популярный центр оптовой и розничной торговли черной громадой смутно угадывался на фоне поля. Был слабо освещен только его главный вход. Обширная парковка перед зданием пустовала. Альфред миновал ее, не сбавляя скорости, и лихо свернул за угол. Остановился он с тыльной стороны, у ближнего к дороге крыла.

Серая железная дверь в сплошной бетонной стене, очевидно, раньше была служебным входом. Спутник Бориса осветил ее своим фонариком и постучал кулаком шесть раз: тремя короткими очередями по два удара. Раздался лязг металла, створка приоткрылась. На светлом фоне вырисовался темный силуэт, очертаниями напомнивший патрульного полисмена.

– С клиентом, – лаконично отрекомендовался Альфред.

Дюжий охранник с квадратными плечами и стрижкой бобриком, лицо которого до самых глаз прикрывала медицинская маска, шагнул вправо, пропуская гостей. Одет он был в новенький, с иголочки костюм и белую рубашку с бор-

довым галстуком, от чего Борис успел прочно и, казалось, навсегда отвыкнуть. Заперев дверь на мощный засов, образцовый секьюрити без лишних слов показал: «Следуйте за мной».

Друг за другом пройдя два десятка шагов узким коридором, они свернули влево, потом вправо и по лестнице с никелированными перилами стали спускаться в подвальный этаж. Весь путь до нее был освещен простыми лампочками без плафонов, через равные промежутки свисавшими с высокого потолка. Грубая штукатурка на стенах откровенно контрастировала с парадным облачением охранника.

Провожатый, спустившийся первым, поколдовал над цифровым замком еще одной железной двери.

– Прошу вас.

Увиденное внизу, без преувеличения, потрясло Бориса. Он будто перенесся во времена сухого закона с их шальными миллионами и кутежами до упада. Подвал бывшего торгового центра, ныне склада, вместил в себя натуральное кабаре.

За второй железной дверью, покрытой звукоизолирующим материалом, всюю гремела музыка. С труб на потолке до самого пола свисали мохнатые гирлянды наподобие рождественских. Перемигивались разноцветные лампы. Просторный зал был по периметру заставлен длинными диванами с кучей подушек. Ближе к центру стояли столы на высоких ножках, рядом с ними – барные стулья. Свобод-

ное пространство посередине администрация превратила в танцпол.

Добрую половину стены по левую руку от входа занимала дубовая стойка, совсем как в легендарных салунах Среднего Запада. Необъятный стеллаж позади нее был заставлен бутылками всех размеров с этикетками на любой вкус. И везде сидели, стояли, лежали, ходили, приплясывали многочисленные люди – человек сто двадцать или сто тридцать, а то и больше, как навскидку определил Борис. Музыкальные номера исполнял настоящий оркестр, расположившийся на возвышении дальше за стойкой.

Всё это Борис успел различить через стеклянную перегородку полукруглого входного тамбура. Стекло было тонированным с внешней стороны, и отдыхающие не видели прибывающих посетителей. Так сказал охранник, который, попросив их задержаться, выдал обоим по карнавальной маске. Борису досталась немного карикатурная морда барана, Альфреду – крысы.

– Другие разобрали, – невозмутимо прокомментировал местный страж порядка.

– Зачем они вообще? – вырвалось у Бориса.

– Соблюдаем указ губернатора.

Животные личины были на каждом госте. Альфред пояснил, что таким было условие номер один подпольного заведения: клиенты имеют право на конфиденциальность.

– А есть и другие условия?

– Есть кое-какие, – продолжил друг-таксист, увлекая Бориса к стойке. – Но ты тяпни сначала.

Бармен в маске енота щедро налил виски, набросал в стакан колотого льда. Цена кусалась, за счет нее таинственные владельцы, как видно, частично покрывали издержки от бесплатного входа. Альфред взял минеральной воды. Как выяснилось, для друзей были забронированы места на угловом диване, напротив музыкантов. Им распорядитель выдал одинаковые маски кроликов.

Алкоголь подействовал быстро, и дело было не в дозе. Борис отвык от общества численностью свыше пяти человек, живой музыки, огней, шума и суеты. В забытой атмосфере хмельного веселья он в первые минуты дичился, как заезжий провинциал, но затем по жилам разлилось тепло, движения стали чуть замедленными, а происходящее подернулось еле уловимой дымкой.

Кого собралось больше, мужчин или женщин, сразу было трудно понять. Одежания представителей сильного пола особенно отличались разнообразием: одни их носители придерживались модных трендов, другие, подобно Борису, тяготели к джинсам и свитерам, кое-кто же без церемоний приперся в спортивных костюмах и кедах. Должно быть, всё зависело от алиби, объяснявшего их отсутствие дома, или от отсутствия необходимости в алиби как таковом.

Слабый пол в основном оставался верным себе. Почти все дамы были в платьях или юбках, а многие, кажется, решили

оторваться по полной программе. У самых отчаянных длина нарядов опасно приближалась к минимальным значениям. Вообще, мало кто явился парами, сделал вывод Борис, понаблюдав за публикой.

– Тебе нечего тушеваться, – развил свою мысль Альфред, когда опрокинули по второму стакану, один виски со льдом, другой опять минералки. – Народ застоялся и к разврату готов.

– К разврату? Прямо здесь? – уточнил Борис.

– Нет, здесь всё чинно-благородно. Разогрев идет. Для желающих, как положено, босс держит номера. Двойные двери видишь, где написано «Пожарный ход»? Вот туда и надо заныривать.

– Босс это кто?

– Таких вопросов не задавай, лучше даже мысленно.

«Русская мафия? Господин мэр? Вице-мэр? Да не всё ли равно?» – подумал Борис. Вторая порция горячительного полностью примирила его с окружающей действительностью. Кое-кто до сих пор малевал на заборах и в подземных переходах антиправительственные лозунги, однако он не относился к числу интересующихся политикой. Выборы, за исключением сельской глубинки, перекочевали в электронную сферу и завершались с предсказуемым результатом. Борис, впрочем, даже не голосовал. Только Влада и бабушка пока не бросили эту пустую забаву.

Мысль о Владе слегка кольнула его. «Блин, я всего на два

года ее старше. Правильно говорит Фред: в монастырь удалиться, что ли? С этими порядками на стенку кинешься... Короче, долой сомнения!»

Ему почудилось, что музыка сделалась громче. Да, музыканты взяли перерыв на отдых, и врубилась высоченные колонки рядом с эстрадой. Альфред, взяв у него деньги, сбегал к бармену и притащил половинную порцию.

– Хватит пока, развезет без подготовки, – прокричал он в ухо Борису, заглушая джаз. – Минут через пятнадцать начнется!

– Что начнется?

– Рулетка.

– Казино?

– Сам ты казино. Хотя есть что-то общее, – хохотнул Альфред. – Пей, лёд растает.

В указанное им время музыканты, подкрепившиеся сэндвичами, опять расселись по местам и грянули марш. Публика, знавшая смысл этого сигнала, потянулась к танцполу. Выстраивались по кругу, не заступая за жирную белую черту, проведенную краской по деревянному настилу. Не пивший Альфред с его всегдашней ловкостью затащил Бориса в первый ряд и принялся скороговоркой излагать правила игры.

Суть состояла в том, добровольцы обоего пола, по пятеро с каждой стороны, получали шанс выбрать себе пару на ночь. Билетики с цифрами от единицы до пятерки раздавал в произвольном порядке ведущий, определяя таким обра-

зом пять сочетаний. Женские билетки были розового цвета, мужские – синего. Вступительный взнос за обоих участников пары вносил мужчина.

– Пр-р-р-иступим! – профессионально выкрикнул разбитной малый во фраке и цилиндре.

– Новичкам везет, – успел шепнуть Альфред, пока ведущий с подносом в руке начинал движение вдоль белой черты.

Оркестр оборвал музыку, свет в зале померк. Раздалась барабанная дробь. «Лисья морда ему идет», – пронеслось в голове у Бориса. Ведущий, казалось, проследует мимо. Но, словно почуяв что-то, он в последний момент замер. Занес ногу, поболтал ею в воздухе, как артист балета, поставил на пол. Рывком повернулся к публике и вытянул вперед обе руки с серебряным подносом.

Барабан продолжал рокотать. Бориса как током пронзило. Человек-лиса склонился в вежливом полупоклоне.

– Тяни, – Альфред пихнул друга в бок.

Новичку достался билет с цифрой «4». Потом процесс пошел быстрее, ведущий уже не делал драматических пауз. Остальные девять бумажек разлетелись по своим обладателям и обладательницам за считанные минуты. Не все, на кого пал выбор, стояли в переднем ряду. Двух или трех счастливых и счастливиц малый в цилиндре отыскивал в глубине толпы. Кто получил розовую «четверку», Борис не разобрал, как ни пытался. Мешали расстояние и искусственно наведенный полумрак.

– Но всё-таки как он выбирает? – полюбопытствовал Борис.

– Как захочет. Условие второе: заведение не отчитывается перед гостями, – ответил Альфред.

– Музыка, туш! – скомандовал ведущий. – Ladies first!

Дам провожали к пожарному входу и дальше его клоны во фраках и цилиндрах. Все пятеро избранниц, как с облегчением отметил Борис, не отличались избыточным весом. Пышки ему никогда не нравились, хоть он и признавал за ними все положительные качества, кроме красоты. Влада, к счастью, нисколько не расплылась после родов, и дочь пошла в нее... Постороннюю мысль он снова отогнал прочь.

Из-за портьеры за спинами оркестрантов выпорхнули пять ассистенток в форме стюардесс и стандартных масках лисичек.

– Выходим, выходим! Счастье уже близко! – опять зазывал малый.

Одна из его помощниц подхватила Бориса под руку и плотно прижалась к нему. Ее тело под накрахмаленной рубашкой и юбкой оказалось неожиданно горячим, как батарея парового отопления. Или оригинальность ситуации настолько сказывалась... У Бориса тут же взмокла спина.

– Не волнуйтесь, пожалуйста. Я проведу вас в апартаменты, – щебетала ассистентка под лисьей маской, вцепившись в него так, будто он хотел сбежать.

Оркестр заходился в экстазе, гости аплодировали, при-

топтывали, свистели, пьяно восклицали что-то одобрительное и подбадривающее. Разноцветные лампочки слились в сплошные полосы, вместо лиц на Бориса отовсюду пялились звериные морды. Альфред помахал ему рукой, точно проводя самолет или пароход.

За створками пожарного хода начинался обычный коридор, как в отеле, с пронумерованными дверями по обе стороны и в торце. Свет тоже был приглушенным, красноватым. Ассистентка повернула ключ, торчавший в замке номера с цифрой «4» и, наконец отпустив Бориса, предупредительно шагнула назад.

– Меня можно вызвать через домофон, – несколько двусмысленно пропела она. – Приятного отдыха!

Первым делом Борис стащил с головы идиотскую маску. В интерьере номера доминировала неправдоподобно широкая двуспальная кровать. Верхний свет нигде не горел, был включен один ночник возле спального ложа. Девушка, вытянувшая «четверку», лежала на животе, зарывшись лицом в подушку. Он оценил ее стройную обнаженную фигуру на «пять» без всяких минусов и понял, как ему повезло.

Шум зала здесь был не слышен. Борис приблизился, поравнялся с кроватью. После рулетки хмель почти выветрился из головы. Сегодняшнее приключение почему-то уже не представлялось настолько увлекательным, как час-полтора назад. Хотя давать задний ход, конечно, было нелепо. Он протянул к девушке руку и внезапно ощутил дрожь в

пальцах. Кожа была нежной-нежной, буквально детской на ощупь.

– Привет, – тихо сказал Борис.

Девушка, на которую пал жребий, перевернулась на спину.

Перед ним была Милана.

Небо далеко на востоке начало сереть. Борис неподвижно сидел на лавочке возле дома, где раньше жила бабушка. Милана ждала его в машине. Альфред стоял рядом с «Шевроле» и молча курил. Он был спокоен. Поездка за город, как и долгое ожидание, оплачивались по тарифу такси.

Нового собственника Борис не помнил, да и не видел ни разу. Тогда все хлопоты по продаже взяла на себя жена. Ему было некогда из-за аврала в офисе. За годы, прошедшие с тех пор, тут появилась современная ограда, а еще вырос симпатичный гараж из силикатного кирпича. Дом же совершенно не изменился. Всё это можно было разглядеть при свете фонарей на столбах.

Зачем они приехали сюда, Борис и сам толком не знал. Разговор с дочерью в номере не больно складывался. На вопрос «Зачем?» она выдала нечто невнятное о жажде острых ощущений. И вообще, дескать, взрослый человек может себе позволить всё, что считает нужным. В подтексте явно читалось: «Ты сам-то чего искал?»

Донести до ребенка... хотя, в самом деле, уже не ребен-

ка все свои терзания с переживаниями он не сумел. Вернее, даже не попытался. Понимал: бесполезно. «Одичали мы с этой пандемией», – горько подумал Борис и сразу же поправил себя: «А до нее идеальными были, внимательными, любящими?»

– Ты скоро? – подал голос Альфред.

Борис махнул ему рукой – сейчас, мол, обожди чуть. Конечно, пора было возвращаться. К утру движение на дорогах усилится, будет больше патрулей. Снова в четыре стены, на семнадцатый этаж, к мониторам и телевизорам.

Милана подошла к нему так неслышно, что он вздрогнул, ощутив ее руку на своем плече.

– Я здесь вишню обожала собирать и ела немытую, – сказала она. – Прикинь? Без дезинфекции.

«Да сколько можно?!» – захотелось заорать ему. Но вслух он спокойно произнес:

– Поедем, правда. А то проблемы будут. Поговорим потом, обещаю.

Милана кивнула.

– Конечно.

– Маме ничего не расскажем? – то ли вопросительно, то ли утвердительно добавил Борис.

Дочь усмехнулась совсем по-взрослому.

– Как мальчишки в саду говорили? Зуб даю.

Похожий случай

«Я опоздаю», – написала Катя.

«Сильно?» – спросил Андрей.

«Нет. Ты далеко?»

«Уже на месте».

Андрей вышел из метро минуту назад и удачно отыскал свободное место на лавочке под деревом. Между «Таганской» и зданием театра вечно было многолюдно.

Слить из офиса проблемы не составило: работы сегодня было мало, и о том, что надо задержаться, шеф даже не заикнулся. Несмотря на час пик и пересадку на переполненной «Арбатской», Андрей доехал быстро. Чудная июньская погода, теплая, но не жаркая, с приятным легким ветерком, способствовала романтическому настроению.

Он посмотрел на часы в смартфоне: 18.57. Договаривались на семь вечера, так что оставалось время перевести дух. Знакомство обещало быть интересным. В отличие от множества девушек на сайте, Катя не завела речь о подарке, и в анкете у нее отсутствовал тег «халявщики мимо». Андрей не был жадиной, но дружба за деньги ему претила.

«Я за живое общение», – уточнила Катя свою позицию, полностью обойдя тему финансов. По ее словам, она искала именно друга в огромном городе, которому, как известно, были чужды сантименты. Двадцатилетняя разница в воз-

расте ее не смущала.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», – была одна из его первых мыслей. Андрей не вступал в переписку с теми, кто среди своих целей указывал брак или отношения. После скандального развода у него совершенно отпало желание опять создавать семью или нечто подобное. Но под дружкой пользовательницы Сети обычно подразумевали банальную коммерцию.

Появление Кати на виртуальном горизонте совпало с крепнувшей уверенностью в том, что с сайтом пора завязывать. Обмен сообщениям был кратким. Новая знакомая призналась, что она не любительница этого жанра. «Давай встретимся, посидим где-нибудь», – предложила она. Он полностью поддержал ее.

Таганку в качестве места встречи предложила тоже Катя. Она жила поблизости. «Мне тут заданий накидали, времени не особо много. Попьем кофейку?» – проявил он разумную предосторожность. Исходя из приобретенного опыта, искательница спонсора начала бы настаивать на чем-то большем, нежели чашка капучино.

Катя была за кофе. Пока всё складывалось отлично.

«Сможешь навстречу пойти?» – пришло сообщение.

Внутри у Андрея что-то противно шевельнулось. Похожий случай произошел с ним в начале мая. Привлекательная девушка по имени Саша, если верить анкете, двадцати трех лет от роду, тоже выступала за живую встречу без лиш-

ней переписки. Встретиться должны были в Люблино, около ее дома, потом погулять. Там он прождал ее добрых полчаса, пока она не попросила перейти к соседнему дому и подождать еще немножко. Саша якобы задерживалась в гостях у подруги. Прочитав это смс, Андрей заблокировал Сашин контакт и отчалил восвояси.

«Приходи ты сюда. Я подожду», – ответил он.

«Блин. Так быстрее будет», – отозвалась Катя.

Андрей поглядел в экран и криво усмехнулся.

«А ты где сейчас?»

«Дома».

«Пиши адрес».

«Тетеринский, 14».

Народ у метро мельтешил, сновал туда-сюда по своим делам. Небо вверху было идеально чистым, без единого облачка. Андрей проверил по электронной карте: до Тетеринского переулка он без труда мог добраться минут за пять.

«Дойдешь?»

Он усмехнулся еще раз.

«Жди».

Спустя минуту Андрей спускался по эскалатору «Таганской». Острое желание заблокировать и этот контакт он в себе подавил. Его посетила другая идея, получше. Следующее сообщение он отправил Кате, как только за ним закрылись двери вагона.

«Пришел. Выходи уже».

«Лечу», – откликнулась она.

Поезд миновал «Добрынинскую», когда Андрей написал ей снова.

«Видишь меня? Я у дома».

«В чем одет?»

Он посмотрел на себя и ответил честно:

«Рубашка в клетку, синие джинсы».

«Хорошо».

На «Октябрьской» в вагоне стало гораздо свободнее. Андрей присел рядом с аккуратной четой московских пенсионеров и, выждав, пока поезд тронется, послал другое смс.

«А ты в чем?»

«Я в черном», – мигом ответила Катя.

«Платье?»

«Нет».

«Ничего. Куплю тебе, если подружимся».

Ответом ему был смайлик в виде сердечка. Андрей едва не заржал в голос. «Поиграть со мной захотелось? Позабавиться от нечего делать? Ну-ну, позабавимся вместе».

«Не вижу тебя», – написал он в 19.30, с «Киевской», поднимаясь на поверхность.

«Только выхожу. Прости, задержалась».

При виде такой информации уверенность Андрея в том, что его изначально обманывали, стала прямо твердокаменной.

«Ничего страшного», – написал он.

«Надеюсь, ты не злой», – отреагировала Катя.

«Добрее меня еще поискать надо».

«Лечу!»

«Повторяется», – отметил Андрей, идя мимо поющего фонтана к Большой Дорогомиловской.

«Где же ты? Я устал», – черкнул он в 19.40, подходя к магазину. Холодильник дома был абсолютно пуст, если не считать просроченной горчицы. Готовить Андрей не любил, предпочитая плотно обедать в кафе рядом с офисом, а утром и вечером практиковать легкие перекусы. Но в этот раз аппетит неожиданно разыгрался, и он закупились основательнее. Пока бродил между стеллажами, набирая товар, получил два смс подряд.

«Умоляю, не уходи. Бегу!» и «С ключами проблема», – разразилась Катя.

«Дело житейское», – миролюбиво ответил он, а сам подумал, что, наверное, пора слать эту любительницу розыгрышей куда подальше. На кассе, когда расплачивался, решил иначе.

«Друг зовет в «Джон Доу» пива выпить. Приходи туда», – настучал он указательным пальцем одной руки, в другой неся пакет.

«Стой. Я вышла».

Андрей только головой покрутил. «Врёт, как дышит». Часы показывали 19.53.

«Давай к нам, угощу».

«Стесняюсь твоего друга», – написала Катя.

«Не стесняйся, он классный».

Наступившая затем пауза длилась минут пятнадцать. Андрей успел умыться, переодеться и сделать себе яичницу с ветчиной. Горчицу он понюхал и всё-таки швырнул в мусорное ведро. Поглощая ужин, сочинил новое сообщение.

«У тебя подруга есть? Друг интересуется».

«Есть», – как ни в чем не бывало ответила девушка.

«Нормальная уже давно дошла бы до «Джона Доу» и убедилась, что меня там нет. Или сама послала такого, как я, к чёрту. Точно, развлекается в доступной форме, насколько ума хватает». Придя к такому выводу, Андрей напечатал:

«Приходите к нам вдвоем. Обещаю дождаться».

Опять наступила пауза, в течение которой он успел доесть свое блюдо и вымыть посуду. Потом телефон ожил.

«Она не готова».

«Против, что ли?»

«Нет. Красоту наводит».

«Короче. В 20.45 перед твоим домом. Не опаздывайте!»

Отбив последнее сообщение, Андрей с удовольствием вытянул ноги на всю длину кровати. Ощущение было, как после превосходно выполненной работы.

Вечер у Кати не задался сразу. Во-первых, она сломала ноготь на мизинце левой руки. Во-вторых, что-то стряслось с утюгом, и она еле-еле погладила свою любимую футболку.

А самое дурацкое случилось позже, когда вдруг выяснилось, что Мила, ее подруга и соседка по квартире, убежала в торговый центр на Таганке, прихватив с собой оба комплекта ключей от входной двери.

Негрубая по натуре, Катя была готова прибить Милку. Андрей, с которым ей посчастливилось познакомиться на сайте, уже ждал ее рядом с театром. Подруга упорно не брала трубку – видимо, включила режим вибрации или просто не слышала в толпе. Объяснять ситуацию мужчине, которого она видела только на фото, было стыдно (фото ей, кстати, очень понравилось). Поэтому Катя принялась правдами и неправдами тянуть время.

Переписываясь с Андреем, она то и дело набирала Милу и в отчаянии повторяла: «Отвечай, ну! Отвечай! Глухая те-те-ря!» Всё было тщетно. Милка, гремя ключами, ввалилась в квартиру в 19.51 и услышала в свой адрес ряд энергичных выражений. Телефон у нее, оказывается, сел. Катя была уже давно накрашена и одета. Сунув ноги в кроссовки, она бегом спустилась в переулок. Естественно, никого не увидела.

Пивной ресторан «Джон Доу» она не любила из-за вечно шумных футбольных фанатов. Катя больше предпочитала тихие места, и суетная Москва, куда девушка переехала чуть больше месяца назад, давила на нее. Хорошо, что в магазинчике детской обуви, где она трудилась по графику «два через два», было спокойно. Еще хотелось спокойствия и стабильности в личной жизни. Милку тянуло зажигать в ночных за-

ведениях, а ей вполне хватило бы кого-то одного. Возможно, такого, как Андрей. Она доверяла первому впечатлению.

– Друг симпатичный у него? – поинтересовалась Мила.

– Не видела.

– Пусть фотку скинет.

– Сама увидишь. Пишет, что классный, – отрезала Катя.

Она еще немного сердилась на подругу. К счастью, Андрей отнесся к отсрочке их свидания, как и подобает джентльмену. Мужчины постарше привлекали ее больше, чем молодняк. Была в них какая-то надежность. А, может, в детстве ей просто не хватило полноты воспитания. Отец развелся с матерью, когда Кате было шесть лет. С тех пор они не виделись.

Без пятнадцати девять обе подруги стояли в переулке, возле дома. Переулок был пуст. Только в самом его конце, у выезда на Земляной Вал, копошились двое рабочих в оранжевых жилетках и касках. То ли что-то закапывали, то ли откапывали.

– Они?

Катя не приняла сарказма Милы.

– Сейчас узнаю.

«Мы под знаком», – прилетело смс от невидимого Андрея.

«Каким?»

«Парковка».

Названный знак высился точь-в-точь перед Катей и Ми-

лой. Других таких знаков в округе не было.

– Кинули?

В это жестокое слово Катя не могла поверить. Она отбросила ложный стыд и набрала номер Андрея.

По-прежнему лежа на кровати, только ради удобства сунув под голову подушку, Андрей орудовал пультом, искал подходящий фильм. Только что он повторно изучил анкету Кати. Там, вероятно, сбилась геолокация, и вместо Москвы значился райцентр под Тверью.

Звонок удивил его. Для интернет-розыгрыша это было чересчур. Кате он, разумеется, не ответил. Написал финальное сообщение: «Ты серьезно думала, что я приеду и буду час ждать, как идиот? Передавай привет Тверской области!»

Подходящего фильма не нашлось, и он стал опять перебирать бесчисленные виртуальные анкеты...

– Не реви! Не твой вариант, – утешала ее Мила, но Катя всё равно плакала, не переставая.

– Мерзко как... Он вообще не приезжал, смеялся надо мной...

– И фиг с ним. Урод просто, извращенец.

– Почему со мной?..

– Бывает, не повезло, – рассудительно сказала Мила. – Сейчас мы тебе хорошего парня найдем.

С этими словами она взяла стоявший на зарядке телефон

и открыла тот же сайт знакомств.

Гостья из прошлого

Ее выдала банковская карта.

Серый пластик упал на тротуарную плитку обратной стороной вверх. Алексей шагнул вперед и наклонился, не сразу поняв, что за предмет перед ним. Первая мысль была почему-то про книжную закладку. Вторая – что поднимать ни в коем случае не надо. О том, как ловко орудуют мошенники, он знал от приятеля, служившего в полиции.

«Кругом камеры. Если даже не аферисты, вляпаюсь в какую-нибудь историю. Доказывай потом, что ты не верблюд. Смотреть надо за вещами», – подумал он.

Эти здравые размышления отняли еще несколько секунд. Девушка, выронившая карту, скрылась в подземном переходе через Кутузовский проспект. Почему он вдруг отказался от первоначального решения, Алексей сам не понял.

– Подождите! Вы карточку потеряли!

Он нагнал ее в середине перехода, но для этого пришлось ускориться. В своих бежевых босоножках она шагала упруго и быстро и вздрогнула перед тем, как обернуться.

– Ваша? – спросил Алексей.

Ему хватило одного мгновения, чтобы понять: эта встреча – не случайная. При всей банальности такого сравнения, ее глаза цветом напоминали воду в горном озере, чистую и глубокую. Худенькая, темноволосая, узкие брови вразлет, пу-

шистые ресницы, легкий загар на открытых солнцу руках, ногах до колен и лице. Косметикой она, кажется, не пользовалась, разве что чуть подкрасила губы. «Студентка, скорее всего. Или постарше капельку».

В любовь с первого взгляда он не верил, но всякий раз, увлекаясь кем-то, основывался на мимолетном впечатлении. Примерно, как сейчас.

– Да, моя, – ответила девушка. – Спасибо.

Она будто не удивилась его любезности. А ему захотелось сказать что-нибудь еще, лишь бы опять услышать ее мягкий голос.

– Не теряйте. Повезло, что заметил.

– Спасибо, – повторила она. – Вы меня правда выручили. Карточка не моя, тетина.

– Тетина?

– Я сама вызвалась ей помочь, в магазин сходить. Так неудобно могло получиться...

– Давайте я вам еще помогу, – предложил Алексей. – У меня время есть.

Он действительно никуда не спешил, идя из офиса домой. В тот момент ему не показался странным ее наряд. В Москве редко удивляются чужой манере одеваться. К тому же в удушающий июльский зной народ что только не носил.

Похожее летнее платье с разноцветными узорами было на маме Алексея во время его первого в жизни путешествия. В памяти остались толчея на вокзале в Симферополе, шорох

камышей рядом с пляжем под Евпаторией и обжигающий, пахнущий дымом шашлык с мангала.

Тогда ему только-только исполнилось четыре года. Впрочем, в свои сорок шесть Алексей и теперь выглядел отлично – как утверждали его друзья и знакомые, лет на десяток моложе реального возраста. Выручала наследственность, помноженная на равнодушие к табаку и спиртному.

– Помогите, да, – неожиданно согласилась девушка. – Я одна что-нибудь напутаю.

В продовольственном супермаркете у поворота на улицу Дунаевского Аня (так ее звали) начала как-то неуверенно оглядываться.

– Список есть у вас? – поинтересовался Алексей. – Знаете, что тете нужно?

– Она молока просила купить и творожок со сметаной.

– На диете сидит?

– Говорит, в жару ничего другого не ест.

– Выбирайте, значит.

Анины глаза округлились, словно от изумления.

– Здесь ужасно много всего.

Алексей пожал плечами.

– Как обычно. Бывает и больше.

Взяв инициативу на себя, он выбрал не самые дорогие, но, по его мнению, вполне пристойные продукты. На кассе мигом выложил всё из металлической корзинки, кивнул Ане.

– Ваша очередь.

Она повертела карту в руке, потом робко протянула ее кассиру – смуглому парню в белой рубашке с коротким рукавом и черных брюках. Тот сделал жест рукой, произнес с акцентом:

– Терминал работает. Пожалуйста.

Аня явно пребывала в замешательстве.

– Телефонном будете платить? – по-своему истолковал ее поведение кассир.

– Телефонном?

Алексей готов был поклясться, что она впервые слышит о подобном способе расчета.

– Я всё сделаю, – вмешался он.

Новая знакомая доверчиво протянула ему пластик.

– Тетя сказала никому не давать, но вы же не обманете?

Когда они вышли с покупками на раскаленную улицу, Алексей, повинувшись какому-то внутреннему импульсу, задал еще один вопрос.

– Тете сколько лет, если не секрет?

– Восемьдесят шесть.

– Сколько-сколько?

Аня осеклась, отвела глаза. Зачем-то крепче взялась за ручки пакета.

– Мы про бабушку говорим, наверное? Или прабабушку?

Аня молчала. Над проспектом висел сплошной гул проносящихся машин. Взвыла и тут же оборвалась сирена летящего от Нового Арбата черного автомобиля с мигалкой. К

остановке за подземным переходом подкатил электробус.

– Анечка, – как можно аккуратнее проговорил он, – вы шутите?

– Нет, – тихо сказала она. – Я недавно в вашем времени. Меньше часа.

О том, где и как открылся проход из прошлого в будущее, Аня рассказывать не стала. То, что представляло из себя это место, обрисовала предельно кратко: «Вроде шкафа».

– Как в Нарнию? – пошутил Алексей.

– Куда? – не поняла она.

Про сказочную страну с ее обитателями девушка не знала ничего, хоть и получила диплом преподавателя английского языка. Вторым, который она изучала, был испанский. Насчет возраста Алексей не ошибся: в марте Аня отпраздновала двадцать второй день рождения. В марте 1980 года.

– У вас там тоже июль? – и веря, и не веря в происходящее, уточнил он.

– Тоже. Одиннадцатое число, как у вас. Только пятница, а не понедельник.

– Ты откуда...

– У тети календарь в прихожей.

В двадцать четвертом доме по Кутузовскому проспекту действительно жила ее родная тетя, младшая сестра Аниной мамы. Из большой трехкомнатной квартиры на пятом этаже она почти никуда не выбиралась. Каждый шаг стоил ей

огромного труда из-за жесточайшего артрита.

Анин дядя, ответственный сотрудник министерства тяжелого машиностроения СССР, умер в 2013-м. Чем он занимался на пенсии, племянница не успела выяснить. Когда-то престижная жилплощадь была жутко захламлена всяким старьем, которое хранили по принципу «Авось пригодится».

– Я в гостиную еле прошла, а дядин кабинет весь бараклом завален, – сказала Аня.

Очувтившись в знакомом с детства дворе, она сначала удивилась припаркованным иномаркам. Кутузовский с потоком невиданных автомобилей, витринами, вывесками и рекламой просто потряс. Аня юркнула обратно во двор и, переведя дух, решила – раз уж она здесь, проведать родственников. В подъезд, за железную дверь, ее пропустил, сжалившись, кто-то из соседей.

Идти в гости было боязно. Мама поссорилась со своей сестрой еще в семьдесят пятом, из-за дележа наследства. Аня не знала всех подробностей той скверной истории, родители оградили ее от разбирательства. Кажется, тетя с дядей, пользуясь суматохой, шустренько вывезли всё движимое имущество из бабушкиного дома в Голицыно.

– Пока поднималась, так и не придумала, с чего начать, – призналась Аня.

Но тетю не шокировал ее визит. Старушка уже стабильно находилась в таком состоянии, когда плоховато улавливают

разницу между прошлым и настоящим.

– А Зина почему не с тобой? – только спросила она, подслеповато моргая.

Зиной звали Анину маму. Пришлось бормотать что-то про неотложные дела и заботы. Тетя покивала и как ни в чем не бывало попросила помочь с покупками. Что было дальше, Алексей знал.

Они сидели на теплой от солнца гранитной лавочке возле памятника Багратиону, ели мороженое и болтали. Аня отнесла продукты и вернулась. Ожидая ее у подъезда, Алексей боялся, что она исчезнет. Как выяснилось, совершенно напрасно.

– Как вы живете? Что в мире происходит?

«Она же ничего не знает. Вообще ничего. Ни с кем не общалась, кроме тети. Сорок два года прошло. С чего бы начать?»

Прожив полтора десятка лет в столице, Алексей считал этот город своим. За это время он с кем только не виделся и каких только историй не слышал. Люди здесь отличались живым, подвижным умом и развитой фантазией. Но случайно встреченная девушка в платье фасона ретро, в отличие от массы выдумщиков, вызывала безотчетное доверие. К тому же она до сих пор не проявила интереса к его материальному положению и жилищным условиям. И еще он осознавал, что вот-вот окончательно попадет в плен ее чудесных глаз.

– Доедим и погуляем. Пройдемся до Краснопресненской

или подальше, если захотим. Заодно отвечу на любые вопросы. Хорошо?

Она не возражала.

Их удивительный роман был не похож ни на один из предыдущих романов Алексея. Никаких смс или звонков – прощаясь, просто договаривались о времени следующей встречи. Место не меняли: между подземным переходом и аркой дома № 24. Он являлся заранее, она тоже не опаздывала, перемещаясь из прошлого в будущее. Разговаривали много, без усталости бродя по улицам и набережным. Порой замолкали, беря паузу, но их это не тяготило. Алексей показывал Ане, коренной москвичке, ее преобразившуюся родину.

Ей нравились произошедшие перемены в облике знакомых мест. Она выросла в этом районе, который в советскую эпоху назывался Киевским. Жила с родителями на улице Раевского – в доме, построенном в год ее рождения. Ходила в пятьдесят шестую школу, о которой сохранила самые теплые воспоминания. Когда училась на первом курсе, переехали на проспект Вернадского, в более просторную и современную квартиру. По центру Аня до сих пор скучала.

Известие о том, что Москва теперь – столица другой страны, не ввергло ее в печаль. Конечно, она состояла в комсомоле, как и подобало приличной девушке ее возраста, побыла октябренок, а потом пионеркой, но в Аниной семье идеология всегда оставалась дежурным ритуалом. Ее расчехляли

и демонстрировали там, где требовалось. Мать с отцом руководствовались более приземленными мотивами: как лучше обустроить быт, где достать что-нибудь импортное, куда съездить отдохнуть.

– Я не карьеристка, – прямо заявила она Алексею.

– Как жить собираешься?

– Заниматься любимым делом.

– Ты профессию сама выбирала?

– Сама.

– Единственная дочка, наверное?

Аня прищурилась.

– Откуда узнал?

– Вижу, что баловали.

Она рассмеялась от души.

– Немножко.

С каждым свиданием он чувствовал, как привязывается к ней. Всё происходило очень целомудренно: Алексей не слишком крепко обнимал Аню, когда она выходила из арки, а при расставании целовал в щеку. Во время прогулок они тоже не позволяли себе вольностей. Несмотря на это, у него было постоянное ощущение праздника. Уже с обеда он начинал ждать, когда можно будет удрать из офиса.

В четверг они, с подачи Алексея, отправились на Мосфильмовский пруд. Метро, по словам Ани, изменилось мало, и турникеты нового образца ее не смутили. Она с улыбкой вспоминала понедельничное приключение в супермар-

кете.

Расположились на траве у бережка. Народа кругом хватало, однако ощущения тесноты не возникло. Социальная дистанция, по выражению Алексея, была нормальной. Кто-то рыбачил, кто-то сидел на скамейках или пледах, кто-то кормил уток.

– Оставайся у нас, – выложил он главный козырь.

– Я не могу, – серьезно ответила она, помолчав с полминуты.

– Почему?

– Ну, откуда я возьмусь в вашем времени? С неба упаду? Документов нет, ничего нет...

– С документами решим, оформим как беженку, – сказал Алексей, памятуя о приятеле-полицейском.

– Деньги? Жилье?

– А я на что? Потом работать начнешь, специалисты по языку сейчас еще нужнее.

Аня вздохнула.

– На кого я маму с папой оставлю?

Вопрос был не из простых. Пришлось тщательно подбирать слова.

– Ты же убедилась, что проход в порядке – можно пользоваться, когда захочешь. Кто запретит навещать их? Сочиним тебе легенду... не знаю, про Дальний Восток или Крайний Север.

– Вдруг связь между временами оборвется?

Об этом Алексей думал тоже, и мысли такого рода не доставили ему радости.

– Знаешь, и в обычной жизни может что угодно произойти.

Аргумент был так себе, слабоватый.

– Хочешь к нам в гости?

– Куда? На Вернадского?

Он не сразу понял суть ее встречного вопроса.

– Нет. В мое время.

– Так можно?

– Можно, я тебя проведу. Хоть завтра.

Соблазн оказаться в Москве 1980 года был велик. Она прочла это по его лицу.

– У нас по-своему красиво. Олимпиада на днях откроется.

– Война не чувствуется?

Аня вскинула свои прелестные ресницы.

– Какая война? С кем?

– В Афганистане.

– Разве там война?

Этой темы они еще не касались. В нескольких фразах Алексей поведал ей о тысячах жертв и последствиях того, что называли выполнением интернационального долга.

– Я понятия не имела, – прошептала Аня. – В газетах другое пишут и по телевизору говорят.

– Друзья не обсуждают?

– Как-то не принято. Они от политики далеки.

– В армии никто не служит?

– Из моих знакомых нет.

Мимо них, никого и ничего не опасаясь, проковыляла упитанная белоголовая утка с шоколадно-коричневым туловищем, черным клювом и черным же оперением на хвосте. Алексей кинул ей кусочек слойки, но птица не отреагировала.

– Знаешь, и у меня была похожая мысль... – начала Аня.

– Какая?

– Может, ты согласишься в мое время уйти.

– Навсегда?

– А что тебя держит? Или кто?

На пруду постановили: завтра в восемнадцать ноль-ноль встретиться у арки и всё-таки совершить экскурсию в прошлое. Дальше будет видно.

Весь день пятницы для Алексея тянулся томительно долго. Он знал, что Аня в любом случае должна сделать выбор: по распределению после вуза ей светили три года отработки в Горьковской области. Идея насовсем переместиться в 1980-й застала его врасплох. Здесь, конечно, держало кое-что. Например, позиция директора по маркетингу, которой Алексей упорно, сцепив зубы, добивался пять лет. Своя, пускай однокомнатная, квартира на Можайском Валу. Устоявшийся круг общения, наконец.

Что касалось личной жизни, препятствий не существова-

ло. Бывшая жена давно вышла замуж, дочь выросла и с другом-программистом улетела в Стамбул. Напрягало другое – перспектива вернуться к тому, с чем лишь по касательной столкнулся в детстве и юности. От невзгод самых трудных лет, когда прежняя жизнь рушилась, а новая только маячила в тумане, его, не доросшего до совершеннолетия, прикрывали родители.

Погоня за дефицитом, потом талоны и очереди, потом скачки по двум или трем работам – из всего этого Алексей, и то отчасти, испытал последнее. Учась в институте, он крутился в фирме более успешного одноклассника, часто недосыпал, иногда за весь день не успевал поесть. Попрошайничать дома было стыдно, погулять же и развлечься хотелось не когда-нибудь, а сейчас. Впрочем, настоящий голод ему ни разу не грозил.

Второй дубль предстояло отыграть самостоятельно, к тому же будучи в ответе за Аню. Или, спустя какое-то время, не за одну Аню. Если вообще удастся осесть в прошлом, не привлекая повышенного внимания.

«Лет через двадцать, когда всё более-менее утрясется, превращусь в старика. Хотя, точно зная будущее, можно по-другому выстроить жизнь. Информация – это сила... Нет, брат, природу не обманешь. Она будет ягодка опять, а ты пень трухлявый», – так и этак анализировал он гипотетический шанс.

А еще, перепрыгнув назад из 2022-го, вряд ли получится

хотя бы изредка проводывать своих маму и папу. Они помоложе Аниной тети, но сами уже лишний раз не двинутся в Москву из родного Калининграда. Да и в то, что загадочный проход сохранится надолго, Алексей, положив руку на сердце, не верил...

– Ты сам решаешь, как считаешь правильным, – по-взрослому сказала ему Аня. – Я тоже подумаю и решу.

– От чего это будет зависеть?

– Мое решение?

– Да.

– Любишь меня?

Вопрос, который обязательно прозвучал бы рано или поздно, стал неожиданным для Алексея. Вернее, неожиданностью стало то, что первой его задала Аня.

– Люблю, – без колебаний ответил он.

– Тогда до завтра.

Отложенное решение позволило ему облегченно выдохнуть. «Дальше и разберемся», – про себя приговаривал Алексей после свидания на пруду...

В начале шестого в офис прибыл шеф. Он был под градусом и без лишних прелюдий поманил за собой Алексея вдвоем с финдиректором. «Если вся фигня минут на тридцать, успею добежать», – прикинул директор по маркетингу, но грубо просчитался. Начальственный монолог под бутылку коньяка продлился около двух часов.

Шеф рычал, бил кулаком по столу и ругался, оценивая

текущие события. Клиенты включали режим экономии, поставщики задирали цены, банк тянул с кредитом – и поделиться этими горестями было больше не с кем. Алексей из вежливости по чуть-чуть осилил две рюмки и, когда храпящего шефа увезло такси, бросился на Кутузовский, 24.

Конечно, у подземного перехода и во дворе было пусто.

В выходные и всю следующую неделю он ходил туда. Появляясь на месте в их обычное время, подолгу стоял возле арки, потом в темноватом дворе, глядел на железную дверь подъезда. Шестое чувство подсказывало, что впустую. От волшебной девушки Ани, выпорхнувшей, точно из сказки, и скрывшейся обратно, осталось только черно-белое фото три на четыре сантиметра, подаренное ему. Он хранил его в бумажнике, рядом с банковской картой.

За домом, над башнями «Москва-Сити», громынуло. Надвигалась гроза. Алексей достал бумажный квадратик, посмотрел на него и спрятал в другое отделение. Сунул бумажник в задний карман джинсов. Пора было возвращаться, чтобы не попасть под ливень.

– Вы карточку потеряли!

Его будто током ударило.

Ближе к переходу стояла пожилая женщина. Худошавая, с завидной осанкой, в светлом брючном костюме и летних туфлях на каблуке. Волосы у нее были темные с проседью, явно не после дешевой парикмахерской. Неизбежные после

шестидесяти лет морщины смягчал умелый макияж. На поводке она держала симпатичную рыжую таксу, норовившую обнюхать Алексея.

– У вас карточка упала, – сказала она тише.

До боли знакомое послышалось в этом голосе. А, увидев ее глаза, он оставил последние сомнения.

Хранитель тайн

Надежность. Именно это качество Володи Мухина значилось основным в служебной характеристике. Оно и решило его судьбу незадолго до выпуска из строительного института, с факультета коммунального хозяйства. Володю вызвали в какой-то отдел, куда он раньше ни разу не заходил. Сказали, мол, надо сверить документы. За дверью без таблички двое мужчин в похожих костюмах и с похожими глазами задавали ему вопросы, из которых Мухин уяснил, что они знают о нем больше, чем он сам. А потом сделали предложение, от которого нельзя было отказаться.

То есть другой человек, без развитого чувства ответственности, думающий только о своих сиюминутных желаниях, может, и отказался бы. Но Володя был воспитан иначе. Он с детства понимал значение слова «надо». Упорно учил уроки, зазубривая орфограммы и теоремы. Когда другие мальчишки гоняли в футбол, помогал родителям на даче. Спорту, кстати, был далеко не чужд – занимался в секции легкой атлетики, стал лучшим в беге на короткие дистанции. Вуз выбрал тоже исходя из практических соображений, так как коммунальное хозяйство – это не филология или, прости Господи, реклама, это навечно. В маленьком городке, где рос Мухин, так рассуждали все.

Среди братьев-студентов Володя проводил ту же ли-

нию. От прохладного образа жизни был далек, кафе с верандами и ночные клубы не посещал. Поселился в общежитии, грыз гранит наук методично, как умел. В круглые отличники не выбился, но репутацию имел серьезную. Когда ни спроси, был готов к практическим занятиям. Аккуратно вел конспекты лекций и охотно давал их скопировать менее усердным товарищам. На экзаменах шпаргалками не пользовался, учил материал наизусть. Если преподаватель просил выступить на научной конференции – шел и писал доклад, поднимая историю вопроса аж с Древнего Рима.

– На Мухина можно положиться, – говорил факультетский декан.

– Такой не подведет, – вторил ему куратор группы.

Окружающие были согласны с ними.

В секретную службу, куда был зачислен Володя, брали самых проверенных людей. Сначала, дав кучу подписок о неразглашении, он опять учился. На этот раз в центре подготовки специалистов своего нового профиля. Вся техника, к которой получил доступ Мухин, была настолько секретной, что рассказывать о ней кому-либо категорически запрещалось. Сам факт ее существования являлся государственной тайной высшей категории. И распределили вчерашнего курсанта, а ныне офицера Мухина выше некуда. Узнав об оказанном ему доверии, он даже не мог уснуть и ворочался до утра.

Первые шаги на важнейшем поприще почему-то вспом-

нились Мухину именно сейчас, когда он паковал чемодан. Подходила к концу первая в его жизни заграникомандировка. Охраняемое лицо прибыло на саммит в уютную пряничную страну среди гор и лугов, где всю делегацию разместили в настоящем средневековом замке. Подходы и подъезды к нему идеально просматривались и простреливались. За каждый сектор головой отвечали привезенные вместе с лицом снайперы. Входы-выходы, сводчатые этажи угловых башен и донжона охранялись отдельно. Мимо коллег Володи муха не проскочила бы.

Что обсуждали на саммите, Мухин знал в предельно общих чертах. Но был уверен в одном: интересы державы не пострадают. Те, кто по боевому расписанию располагались ближе к охраняемому лицу, конечно, слышали и знали больше. Кое-кто из них поглядывал на Мухина свысока, разница в росте позволяла. Признаваясь начистоту, подобное отношение морально задевало Володю. Хотелось более теплой и дружественной обстановки в коллективе. Ведь умение метко стрелять – еще не всё, что требуется от сотрудника секретной службы. Способность хранить тайну имеет не меньшее значение.

Жена провожала Мухина в аэропорт, как на дело всей жизни. Оно в ее и его представлении таким и было. Поженились они совсем недавно, и кандидатуру будущей супруги секретная служба проверила вдоль и поперек: на предмет наличия в роду судимых, душевнобольных, репрессирован-

ных, басмачей, белогвардейцев и проживавших на оккупированной территории. Нина с ее образцовой анкетой трудилась в стабильной компании с государственным участием, ведала начислением зарплат в бухгалтерии. Характер у нее был твердым, тяга к порядку и планированию преобладала абсолютно. Домашние дела, включая бюджет, она тотчас взяла в свои руки.

– Мой котик станет генералом, – промурлыкала она, поправив на Володе галстук.

– Кисонька моя, обязательно! – ответил он.

Возле подъезда уже ждал черный джип с тонированным стеклами. Государство выделило молодоженам квартиру в жилом комплексе исключительно для сотрудников секретной службы. В огороженный двор можно было проникнуть только через КПП со шлагбаумом и рамкой металлодетектора. Вместо консьержки внутри подъезда круглосуточно дежурили сотрудники в штатском.

Форма у Мухина, как и у его коллег, была, но надевал он ее один раз – когда делал фото на удостоверение. Теперь она хранилась в кабинете, в опечатанном шкафу. Секретность ставили превыше всего, поэтому с соседями по дому обсуждать служебные вопросы запрещалось. Жены и прочая родня даже не знали, как правильно называется служба. Володя имел право сообщать Нине только свое воинское звание...

Голос в наушнике зашифрованной спецсвязи заставил Мухина вздрогнуть.

– Сигнал «Бурый»!
Разразилась катастрофа.

Охраняемое лицо отужинало по графику. В меню, среди множества блюд, значились омары, осетрина первой свежести и коллекционные вина Бургундии. К спиртному лицо было равнодушно, заменив его привезенной из дома и тщательно протестированной минералкой, но закусок отведало охотно. Во время трапезы Мухин с чемоданом стоял навтыжку в отдалении от стола и пару раз непроизвольно сглотнул слюну. Секретная служба питалась попроще.

Мухин знал, что по большой нужде охраняемое лицо пойдет нескоро. Предыдущий поход состоялся в тринадцать сорок, перед заключительным заседанием саммита. Как всегда, по сигналу Мухин стремглав метнулся в изолированный санузел, где унитаз был заранее снабжен специальным мешком из особо прочного полиэтилена. Лицо еще не успело вымыть и вытереть руки, а Володя уже укладывал мешок с его содержимым в отдельное гнездо чемодана. Свой улов Мухин передавал по описи другому сотруднику, который ведал утилизацией.

От расторопности Мухина зависело очень многое. Как ему объяснили в центре подготовки, по отходам жизнедеятельности охраняемого лица разведки иностранных государств могут не просто поставить диагноз, но и докопаться до самых сокровенных тайн, включая коды запуска ядерных

ракет. Один похожий случай, само собой, не упоминая никаких имен и фамилий, описал ветеран секретной службы. В тот момент Мухин реально ощутил свое превосходство перед мастерами стрельбы и рукопашного боя. Он, без преувеличения, держал в руках судьбу всей державы с ее народами.

Дневной визит охраняемого лица в туалет расслабил Мухина. Вылет обратно на Родину был назначен на десять вечера, а поскольку лицо в своих естественных отправлениях четко придерживалось одних и тех же сроков, следующий акт должен был произойти как минимум в воздухе, накануне посадки. Или, что гораздо более вероятно, в загородной резиденции, воздвигнутой среди знакомых берёзок и рябин. Поэтому хозяйственный и бережливый Мухин пожалел впустую расходовать мешок на внутренние покои заграничного замка...

– Мухин, мухой давай! Лети! – гремело в наушнике.

Лицо почему-то нарушило график. Последний шанс для Мухина состоял в том, чтобы перехватить бесценное выделение внизу, в подземелье одиннадцатого века, где пролегали водоотводные коммуникации. Необходимый для нештатной ситуации инструмент был также носим в заветном чемодане.

Мухин неся, как никогда доселе не носился. Он не видел ни богатых интерьеров, ни картин на стенах, ни застывших в нишах сотрудников секретной службы в одинаковом облачении. Перед его мысленным взором действительно промелькнула вся не слишком долгая и насыщенная жизнь, а

еще пульсировало ключевое слово из характеристики – «надежный». Текст Мухин не видел, так как и он был секретным, а слово ему процитировал кадровик.

«Завалил службу... Подвел... Просрал... Разжалуют? Осудят? Посадят?.. Мама...»

Проклятая винтовая лестница задержала спуск. Спасибо легкой атлетике и регулярным тренировкам, в противном случае рассчитывать было бы не на что.

– Wer ist da? – залопотал сантехник из местных, в форменной жилетке и бейсболке, которого он без церемоний оттолкнул от подвальной двери.

Мухин даже не оглянулся.

– Давай, давай! Опаздываем! – подгонял голос.

На связи был Сашка Беляков, старший смены. В его присутствии Мухин обычно тушевался. Уж очень сильно Сашка отличался от него по физическим параметрам и не лез за словом в карман. Кроме того, по слухам, Сашкин отец занимал крутую должность в столичном министерстве. Слухи в секретной службе тоже не приветствовались, но порой сотрудники всё же обменивались ими, особенно если тема касалась карьерных перспектив.

На своих перспективах Мухин, пока добежал до канализационного коллектора в подвале, успел нарисовать жирный крест. Он рывком распахнул чемодан и выхватил оттуда специальный резак.

– Что там, Мухин? Что? Успел? Как слышишь меня? При-

ем! – надрывался Сашка.

– Работаю! – выкрикнул Мухин, примериваясь, как лучше вскрыть трубу.

Было очевидно, что вода с фекалиями потоком хлынет прямо на пол, и следовало не дать пропасть ни единой частице, ни одному миллиграмму или атому. «Вызову подкрепление, блокируют подвал, выставят пост. Всё соберу лично. Дальше пусть отстраняют, судят», – мигом сложился план действий.

– Работаешь, брат? – вдруг спросил Сашка с совершенно другой интонацией.

Мухин застыл с резакон, занесенным над коллектором.

В наушнике послышался раскатистый хохот.

– Отбой, Мухин! Учебная тревога.

Резервная группа, спустившаяся в подземелье через пять минут, застала Мухина сидящим на цементном полу в обнимку с чемоданом. Он смотрел в пространство перед собой и не реагировал ни на кого. «Ничего, ничего, – думал Мухин. – Генералом? Нет, Беляков, погоди. Я дослужусь. Я сам охраняемым лицом стану, будешь ты за мной чемодан таскать».

Без Москвы

Старшой докурил сигарету до самого фильтра. Постоял, сплюнул и закинул бычок в ржавую бочку с лужицей на дне. Из нее хозяева раньше поливали огород, а потом сбежали куда-то, бросив движимое и недвижимое имущество. Во время срочной службы и потом, на гражданке в Ростове-на-Дону, он не имел этой вредной привычки. Наоборот, занимался спортом, получил разряд по вольной борьбе. С мужиками на заводе выпивал по маленькой, но только в праздники. Жены друзей ставили его в пример мужьям.

– Отдохнули, расслабились, – с чувством сказал Старшой.

Ротный поставил задачу, которая была ему не по нутру. К разведке она имела отдаленное отношение, зато подразумевала особую ответственность. Слово «особый» в названии отдельного мотострелкового батальона никогда не обещало легкой жизни. Но, в самом деле, лучше бы речь пошла о взятии очередного «языка». А здесь – глаза к потолку, наивысшая степень секретности, операция на контроле у командующего...

В некогда жилой комнате, приспособленной под канцелярию, где состоялась постановка задачи, присутствовал человек с самого верха. Его фамилия, названная скороговоркой, наверняка была липовой, как, возможно, и звание. Полковник или подполковник – не один ли, собственно, хрен? Стар-

шой выдвигал таких и в мирной, и в боевой обстановке. От последней они, как правило, технично уклонялись. Этот – рыжий, лупоглазый, с редкими бровями – небось тарасился на свое начальство, будто хотел вылизать ему сапоги. Перед ними же он принял важный вид и вещал, как сам глава республики.

– Мы не имеем права на ошибку, – многозначительно объявил приезжий деятель.

Можно подумать, лично ему в хорошей кожаной портупее и наглаженной полевой форме с погонями и белоснежным подворотничком предстояло волочиться по бездорожью через буферную зону, рискуя наступить на мину или нарваться на автоматную очередь. С тех пор, как его произвели в лейтенанты, Старшой ни разу не надевал ничего подобного. В роте носили то, что было удобно и практично. Сейчас, например, на Старшом были выдавшие виды просторные камуфляжные штаны с накладными карманами, куртка из того же комплекта и под ней серая неуставная футболка. Кое-кто из сослуживцев предпочитал, расстегнув пошире ворот, щегольнуть настоящей тельняшкой, но он не любил напрасного форса. На местности, как известно, лучше не выделяться.

Произнеся напутственное слово, рыжий опустил очи долу и, кажется, впервые узрел кроссовки на ногах Старшого. Взвод разжился дефицитной обувкой за неделю до перемирия благодаря гуманитарному конвою ООН – точнее, благодаря тому что хвост автоколонны из Тамбова накрыла чья-то

артиллерия. Кто отработал по нему, было уже не разобрать. Водитель тяжелого немецкого грузовика явно не нуждался в медицинской помощи. Его изрешеченная кабина изнутри вся была забрызгана кровью. Сопровождающий сотрудник в голубой каске и бесполезном бронежилете скорчился лицом вниз у подножки. Поэтому вещи и продукты забирали из кузова без стеснения – сколько удалось впихнуть в БТРы.

– Уверен, что вы меня поняли, – добавил к своей речи то ли полковник, то ли подполковник.

Идя, как обычно, чуть вразвалочку по главной улице, Старшой прикидывал, кого взять с собой. Батальон перебрасывали с одного направления на другое, и об отводе в тыл приходилось только мечтать. Так что прекращение огня, пусть даже временное, все восприняли как манну небесную. В брошенном селе расположились с комфортом. Конечно, тут еще до них как следует пошарили мародеры, но всё равно остались крыши над головами и какая-никакая мебель. Действительно, отдыхать бы да отдыхать, радуясь последним денькам золотой осени. Не судьба...

После стрижки Харя был в превосходном настроении. Земляк из-под Новгорода, виртуозно владевший ножницами и опасной бритвой, постарался на славу. По бокам и на затылке он снял ровно столько волос, сколько заказывал клиент, подравнивал виски, а спереди оставил коротенькую, почти символическую светлую челку. Колдуя над внешностью сер-

жанта, неформальный ротный цирюльник вполголоса мурлыкал что-то вроде: «Тихо сам с собою я веду беседу». Харю захотелось после слов «сам с собою» ввернуть «левою рукою», однако он сдержался. Решил не обижать человека понапрасну.

Душу сержант отвел на круглолицем, с пухлыми губами, пулеметчике первого взвода по прозвищу Дуня. С этим беззлобным парнем из Вологды он, наверное, в сотый раз затеял игру в слова. Оба знали ее наизусть.

– Дунь, а, Дунь, – ласково позвал Харю.

– А? – откликнулся рядовой, без спешки прочищая шомполом ствол своего «Дегтярева».

– Хуй на.

Повисла пауза.

– Дунь, – снова позвал Харю.

Тишина.

– Дунь?

То же самое в ответ.

– Молчишь – в пизде торчишь, – торжествующе подытожил старший по званию.

Интеллектуальную забаву прервал взводный. Он распахнул калитку и без церемоний вошел во двор.

– Валяемся?

Харю, который успел прилечь на лавку возле крыльца, подсунув свернутый бушлат под голову, мигом вскочил.

– Беседуем с личным составом, – пошутил он.

Но хмурое лицо Старшого к шуткам-прибауткам не располагало.

– Давай за мной, – скомандовал лейтенант.

Что-то произошло, и кто-нибудь другой уже спросил бы, что именно. Впрочем, Харя не привык отягощать мозг лишними вопросами. За пять с гаком лет, проведенных в армии, он твердо усвоил: любую информацию командир доводит до подчиненных, когда считают нужным. Начальство платило ему взаимностью. Оценив по достоинству Харину исполнительность и дисциплинированность, оно в конце второго года предложило ему остаться на сверхсрочную службу. Харя, уже имевший одну лычку, отказался. В планах у него значились женитьба и вполне уважаемая работа мастером по ремонту телевизоров.

Эти планы загремели под откос, как и у миллионов советских людей, весной девяносто пятого. Политикой Харя отродясь не интересовался и в то, что плел замполит, ни разу не вслушивался. Содержимое тетрадок он прилежно переписывал у бойцов младшего призыва. Когда всё накрылось, бравый ефрейтор завершал оформление шикарного дембельского альбома, куда уже вклеил вырезанный тайком из «Красной звезды» приказ министра обороны СССР. Парадная форма с аксельбантами ждала своего часа в каптерке. Из дома писали, что ждут, и сыграть свадьбу с приглашением всей многочисленной родни Харя собирался в августе.

– Тревога опять, что ли? – всё-таки изменил он своему

правилу, шагая за взводным.

Старшой повел борцовским плечом.

– Потерпи.

Харя тихонечко вздохнул. Интонация взводного тоже не обещала приятного сюрприза.

Вопреки обыкновению, он запомнил даже число, когда их, не дав доспать, подняли с коек. Было это в половине шестого утра двадцать восьмого апреля. На плацу объявили, что полку предстоит выдвинуться на вокзал для погрузки в эшелоны. Пункт назначения – Москва. Ради чего затеян сырбор, командир высказался без подробностей: для поддержания режима чрезвычайного положения, и точка.

С чего оно вдруг образовалось, Харя тогда толком не просёк. Правда, мать и будущая невеста в письмах упоминали, что со снабжением в городке швах – магазины торгуют одним березовым соком в трехлитровых банках, макароны, масло, крупу, сахар выбрасывают редко и по талонам, о колбасе и мясе народ позабыл напрочь. Харе, который получал трехразовое питание из казенного котла, такие новости казались чем-то абстрактным. Он вообще считал, что женщины склонны к преувеличениям.

На железной дороге свирепствовал бардак. Эшелон полз медленно, пропуская составы с другими частями. Харя поднапряг память и вспомнил, как в программе «Время» за два или три дня до шухера бубнили про беспорядки с антиобщественными элементами. Кого имели в виду дикторы, никто

из пацанов не догнал, а когда спросили у замполита, тот врубил старую шарманку про Америку и НАТО. Эти разъяснения были восприняты скептически.

До столицы они не доехали...

Третьим стал Кокос. До ефрейтора он, как и Харя, дослужился на первом году, им и остался. Первым командиром отделения у него был Старшой, взятый в том апреле на сборы как старший сержант запаса, вторым – Харя. За Кокосом закрепилась репутация лучшего стрелка во взводе. В бою он проявлял нечеловеческое хладнокровие и до сих пор ни разу не был серьезно ранен. Если бы фронтовая разведка верила в чудеса, такое везение безусловно признали бы чем-то сверхъестественным, а то и связанным с нечистой силой.

Когда в первый раз ходили с ним за «языком», семнадцатилетний парень очень ярко показал, на что способен. Один из двух пехотинцев, захваченных прямо в траншее, подвернул ногу и не мог идти, а тащить его на себе не было возможности. Старшой только метнул взгляд в сторону Кокоса, и тот без колебаний штык-ножом перерезал горло лишнему пленному. При этом его голубые глаза смотрели на мир так же невозмутимо, как, например, во время обеда.

Кокос не столь трепетно, как Харя, следил за своей внешностью и стригся наголо, под машинку. В свободные минуты он не травил анекдоты, не курил и никогда не вспоминал о прежней, довоенной жизни. Подражая Старшому, усердно

поддерживал физическую форму, налегая на развитие мускулатуры. Командир первого взвода был для него кумиром и мериллом всего. И сейчас Кокоса застали за упражнениями с какой-то железякой от трактора. Раздевшись до пояса, он методично выжимал ее вместо штанги.

– Что несет курьер, мы знать не должны? – уточнил Кокос, выслушав задачу.

Старшой отрицательно покачал лобастой головой с темно-русым «ёжиком».

– А если с ним что случится?

– Забрать пакет и вручить адресату. Пароль и отзыв будет у всех троих.

– Ему не проще слетать? Или у нас керосин кончился?

Старшой поморщился. Все знали, что обсуждать особо важный приказ бессмысленно. К тому же, по условиям перемирия буферная зона была закрыта для авиации.

– Нам не докладывают, кончился или нет.

– Когда выходим? – спросил Харя, пригладив челку.

– Отсюда в семнадцать ноль-ноль.

Разведчики помолчали. Полуденное солнце припекало почти по-летнему. Над лужайкой позади опустошенного курятника вилась какая-то мошкара. Старшой специально увел их подальше от дома, чтобы никто не услышал разговор.

– Ты еще успеешь письмо написать, – сказал Харе взводный.

Все знали, что у сержанта есть примета: перед выходом на

самые опасные задания писать письма на родину. Он оставлял их на хранение старшине роты, а по возвращении забирал и рвал в клочья, не распечатывая. Это превратилось в ритуал, притягивающий удачу. Почтовой связи с Новгородской областью всё равно не было четвертый год. Как жили его родные и, видимо, уже бывшая невеста, Харя мог только гадать. Судя по долетавшим с северо-запада слухам, ожесточенные бои кипели в районе Валдая, в стороне от его городка.

– Приветы от нас передавай, – абсолютно серьезным тоном прибавил Кокос.

– Лады, – в той же манереотреагировал Харя.

В отличие от него, Кокосу по жизни не светила даже срочная служба. Он был потомственный москвич, притом обитавший в центре, в элитной высотке на Садовой-Кудринской. Родители с детства готовили его к поступлению в институт международных отношений, на факультет журналистики, и никто не сомневался в том, что всё получится. Благодаря папе-дипломату Кокос успел отдохнуть в Италии, Греции и Франции, а также провел три года в Кении, учась в школе при посольстве.

Он регулярно слушал западные радиоголоса и после первого сообщения о расколе в Политбюро понял, что происходит нечто особенное. К тому моменту большая часть Москва была охвачена голодным бунтом. Осатаневшие толпы били витрины бесполезных магазинов, переворачивали и жгли ав-

томобили, потом добрались до райкомов и горкома партии. Милицию с улиц как ветром сдуло. Кантемировская и Таманская дивизии так и не вошли в город, а генеральный секретарь Григорий Васильевич Романов перебазировался куда-то под Свердловск. Но самое страшное началось после.

Раскол произошел и в армии. Не дожидаясь, пока столицу возьмут в осаду, отец решил эвакуироваться. Переполненные поезда еще ходили на юг, хоть и без расписания. К родственникам в Ессентуки отправились все вместе – папа, мама, младшая сестра и Кокос. Заштатная станция Придача под Воронежем, где не было никаких дач, врезалась в память на всю жизнь. Он вылез на перрон с пластмассовой канистрой и поспешил к убогому вокзальному павильону, надеясь набрать воды. Грохот пары штурмовиков, пронесшихся на бреющем полете, слился с разрывами ракет. Мгновенно вспыхнули цистерны рядом с поездом.

Волной горячего воздуха его швырнуло оземь, опалило волосы. Боль в ушибленных коленях Кокос даже не почувствовал. Повернув голову, он бессильно смотрел, как пылают вагоны и, жутко крича, живыми факелами мечутся по рельсам немногие выскочившие из них люди. Навстречу ему от вокзала бежали военные. Затем что-то взорвалось на соседних путях, в небо взметнулся столб дыма... Кокос очнулся на брезентовых носилках, которые лежали прямо на асфальте. «Сильный шок», – сказал кто-то хриплым голосом и заметил удивленно: «Ни одной царапины».

То, что осталось от погибших пассажиров, похоронили в общей могиле по другую сторону железной дороги. Целью удара был воинский эшелон, стоявший тут же. Не обошлось без потерь и там. Осиротевшего парня взял под опеку Старшой. Так Кокос сделался сыном полка, который быстро сократился до батальона – в основном из-за дезертирства. Убежали с оружием и без, не понимая, кому и зачем теперь служить, что защищать. Кокосу было некуда бежать, его новым домом стала разведка. Прозвище прилипло к нему позднее, когда он обмолвился о том, что побывал в Африке.

Курьер, судя по внешности, оказался примерным ровесником Старшого: лет тридцати пяти, среднего роста, плотный, но не толстый, с грубоватыми чертами лица и усами под носом с горбинкой. Выражение его темно-карих глаз чем-то даже понравилось взводному. Был он точно не с одной извилиной в башке. Воинское звание вновь прибывшего осталось неизвестным. Старшой прикинул, что оно должно быть не ниже майорского. Экипировка у четвертого человека из группы была что у твоего спецназа, десантный маскировочный комбинезон – как с иголки, и сидел ловко.

Внутри БМП, на которой они добирались до демаркационной линии, трясло и мотало немилосердно. Механик-водитель газовал от души, собирая все рытвины и ямы на дороге, изуродованной колоннами танков, самоходок и прочей гусеничной техники. Курьер спокойно переносил это

неудобство – во всяком случае, на его лице не отразилось ничего. На третьем часу сбавили скорость перед последним блокпостом. С его охраной объяснялся офицер главного штаба, провожавший группу на задание. У него был пропуск, позволявший везти кого угодно и куда угодно. Рыжий в португале с ними не поехал.

Конечную остановку сделали в лесу, вскоре за блокпостом свернув направо. Необходимые слова прозвучали раньше, в расположении роты. Провожающий по очереди хлопнул каждого по плечу и остался стоять возле черневшей между деревьев бронемшины. Фары не включали, фонариком и спичками Старшой не пользовался. Верное направление указывал компас, а с картой, прежде накрывшись плащ-палаткой, взводный сверился, когда забрались глубже в чащу. Маршрут был определен свыше.

Перед группой лежали сто километров буферной зоны, разделившей воюющие стороны. С распадом страны власть взяли те, за кем была сила. Партия, семьдесят восемь лет подряд повелевавшая одной шестой частью суши, рассыпалась вслед за страной. Ее место заняли генералы. Воевали они друг с другом, как следовало из их заявлений, за единство, а выходило так, что взаимное ожесточение только нарастало. Старшой, произведенный в офицеры за боевые заслуги, военного образования не имел, но осознавал: ситуация зашла в тупик.

Отдельный мотострелковый батальон входил в состав ар-

мии Русской народной республики. На западе и юго-западе ее граница упиралась в независимую Украину, на юге – в горы Кавказа. Северная линия фронта двигалась вперед-назад и сейчас тянулась от Горького через Рязань и Тулу к Брянску. Недавнему перемирию предшествовали упорные бои на востоке – против сил Волжско-Уральской республики, которая тоже нацелилась на Москву. Летом в их противостояние внезапно вмешались южане из степей за нижней Волгой. Они до последнего времени безуспешно сражались с сибиряками.

– Тебе твоя Москва сильно нужна? – поинтересовался как-то Харя у Кокоса.

Политбеседа произошла на привале, после на диво сытного обеда. Вареная картошка с ломтиками сала и черным хлебом настроила всех на лирическую волну.

– Моя? – вопросом на вопрос задумчиво ответил Кокос.

– Ну а чья?

– Хрен ее знает. Может, увижу и не узнаю.

– А друзья? Подруги? – не унимался Харя.

– Если живы...

– Есть к кому пойти-то?

– Давай возьмем сначала.

Слушая их, Старшой поймал себя на мысли, что перспектива овладения Москвой не трогает его совершенно. В мирной жизни он посетил столицу один раз. Командировка была посвящена обмену опытом, однако почти всё время он потратил на выполнение заказов жены и пятилетней дочери. За

три года до краха атмосфера уже сгустилась до безрадостной. В глаза бросались многочисленные лозунги и призывы – на домах, учреждениях, станциях метро. ЦК КПСС призывал повышать производительность труда, крепить тяжелую промышленность как стеновой хребет экономики. Насколько это творчество далеко от реальности, Старшому было известно не понаслышке.

Купить он не смог почти ничего. За дефицитом выстраивались огромные очереди, отстоять которые простой ростовский инженер не мог. Нужными связями Старшой не располагал... Теперь взводный с трудом представлял себе возвращение на завод. Его работой стала война. Ненавидел ли он тех, кого приходилось убивать? Вряд ли. Вспоминал ли о том, что все они были гражданами одной страны, не делившими ее на части? Поначалу да. Через несколько месяцев воспоминания стерлись, отступили на дальний план. Убивать следовало, чтобы не убили тебя и твоих ребят. Чтобы выжить.

Хотя если бы с ним случилось такое, как с Кокосом... Тогда Старшой, пожалуй, рассуждал бы иначе.

– Харя, ты сам зачем воюешь? – вмешался он в разговор.

Сержант растерялся.

– Как зачем? Присягу давал.

– Я не о присяге. Цель какая?

Харя ответил не сразу.

– Вернуться хочу, – сказал он наконец серьезно. – Там

дом, свои.

– Тебе после Москвы еще воевать придется.

Новгородскую область удерживало другое тридевятое царство, как иронически называл их Кокос. Оно раскинулось от полярного Мурманска до Прибалтики и не поступилось бы своей независимостью из-за того, что кому-то надоело тянуть армейскую ляжку.

– Поглядим, – заметил Харя.

– Чего глядеть?

– Вдруг договорятся...

Тот послеобеденный разговор Старшой прокрутил в памяти, когда их четверка подпрыгивала в стальной коробке БМП. После высадки время для посторонних рассуждений закончилось. Надо было ступать как можно тише и держать ухо востро.

Характерный звук первым услышал Кокос, шедший последним.

– Старшой! – позвал он шепотом, нарушая режим тишины. – «вертушка»!

Через секунду стрекотание винтов разобрали все. Звук медленно приближался.

К десяти утра группа преодолела более трети расстояния. Взводный задал суровый темп. Отдыхали мало и продвигались вперед с опережением графика, невзирая на темноту. Строго на восток вело шоссе – вернее, то, что от него оста-

лось. Его обходили стороной так же, как окрестные села. Они тоже представляли собой сплошное запустение. Через эти места война впервые прокатилась в прошлом году, а потом еще раз в нынешнем. Большинство домов и домишек было разорено и разрушено до основания. На пепелищах появлялись только волки, невероятно расплодившиеся в лесах.

Сплошной линии окопов нигде не было, численность армий новоявленных республик не позволяла создать ее. Поэтому маневрировали и сражались, как в средние века, вдоль важнейших дорог, оборону держали вокруг опорных пунктов и складов. Боеприпасов и снаряжения, щедро заготовленных для третьей мировой, пока хватало. С горючим, действительно, было хуже. Русская народная республика, по слухам, выменивала его на продовольствие у Закавказья. Ее рубли не пользовались особым спросом даже у собственно-го населения. Впрочем, официально всякую торговлю с Баку отрицали.

– Наши? – тихонько предположил Харя.

Кроме стандартного набора фронтового разведчика он нес на себе рацию, воспользоваться которой дозволялось только в экстренном случае. Наступил ли этот случай? Вертолет мог принадлежать любой из сторон. Его появление здесь было грубым нарушением условий перемирия. В то же время все знали, что если нельзя, но очень хочется, то можно. «Не по нашу ли душу?» – застыло в глазах у каждого.

Кокос погладил автомат, висевший на груди.

– Что делать будем?

Старшой помедлил. Вот-вот, если не отклоняться от маршрута, должна была начаться лесостепь. Там при дневном свете сложно спрятаться. При самом благоприятном раскладе скорость движения точно упадет, и сильно. Правда, в конечной точке их подождут и сверх установленного срока...

Курьер тоже смотрел на Старшого, но в отличие от своих спутников молчал. Чувство страха от него не исходило.

– Возьмем севернее. Следить за воздухом!

Ясность лучше неясности. Находясь на задании, подчиненные Старшого всегда понимали смысл его решений. Кто действует осознанно, имеет больше шансов. Стало понятно, что командир группы стремится избежать дополнительного риска. Особо важный пакет с курьером обязательно должны были попасть на левый берег Волги.

Вертолет продолжал стрекотать где-то сзади. Звук то слабел, то усиливался. «Круги нарезает. Точно не мимо пролетал. Сто процентов, ищут кого-то. За своими? Или за нами? Выход засечь не могли, это сразу отпадает. Утечка из главного штаба? Получается, на хвосте у нас южане, больше никому. Остынь, не фантазируй. Фактов мало, чтобы делать выводы».

Старшой обернулся и жестом показал: «Прибавить ходу».

Деревенька была крошечная – по сути, с единственной

улицей. Сюда они попали уже в сумерках, сильно уклонившись к северу. «Зеленка» неминуемо кончалась, дальше надо было топтать по открытой равнине, через заросшие бурьяном поля, перемежавшиеся узкими лесополосами. Старшой гнал группу что было сил, до хрипа в легких и дрожи в коленях. Остановились только раз, минут на десять: попить воды и загрызть сухарями. Привал, чтобы поесть консервов и подремать в две смены по паре часов, он наметил как раз перед завершающим броском.

В половине первого шум винтов стих. У Старшого мелькнула надежда, что обошлось. Он ее привычно задавил в себе и оказался прав: знакомое стрекотание возобновилось в начале пятого. С каждой минутой приближаясь, оно постепенно переросло в нечто большее. «Ми-24» пер на предельно малой высоте, чуть выше верхушек деревьев. Все четверо залегли, укрывшись плащ-палатками. Разведчикам и курьеру повезло – с борта машины их не заметили. Вертолет, судя по звуку, повернул на юго-восток.

– За нами, – выдохнул Кокос.

– Суки, – сказал Харя, не совсем понятно, кого конкретно имея в виду.

Без привала всё равно было не обойтись. Старшой решил сократить его вдвое, а для поддержания формы приказал принять таблетки. К допингу он относился отрицательно, но без химии группа не справилась бы.

Огня, понятно, не разводили. Строение, давшее им при-

ют, было в прошлом сараем. В нем, очевидно, хранился заботливо собираемый хозяйственный скарб, который в одночасье пошел прахом, и стоял чудом уцелевший верстак. Сгинувший хозяин, видимо, любил столярничать.

Домик у околицы, с выбитыми окнами и настежь распанутой дверью, как место для краткого отдыха взводный забраковал. Его предварительно обследовали и ничего, кроме хаоса из черепков посуды и слипшихся тряпок, не обнаружили.

– Давно никто не заходил, – заключил Кокос при виде густого слоя пыли на полу, тряпках и застывших экскрементах.

В сарае было, как ни странно, почище. Это не понравилось Старшому. Себя он успокоил аргументом, что через два с половиной часа их тут не будет.

Пообедали, а заодно и поужинали оперативно. Спать в первую смену выпало курьеру и Харе. Кокос караулил, Старшой снова развернул карту. Двух драгоценных часов темноты было жалко, но командир трезво оценивал возможности людей.

«Ничего, нагоним», – подумал Старшой. По его расчетам, ближе к рассвету они должны были достичь Сызранского железнодорожного моста. Около въезда на него группу ждали те, кому предназначался пакет. Для встречи с ними надо было обогнуть скопище закопченных развалин, которые остались после июльских боев. Отдельный батальон чудом не poleg там, вырвавшись из мешка под покровом ночи.

Было жарче, чем в Африке. Многоэтажные дома пылали, как костры. Из-за реки били «Грады». С какого-то аэродрома на востоке поднялись тяжелые бомбардировщики, сбросившие свой груз. Командующий армией Волжско-Уральской республики вовремя отреагировал на прорыв и погнал свои войска в контратаку, не давая врагу закрепиться и дожидаться подкреплений.

Старшой с разведчиками прикрывал отход. В том аду взводный не чаял остаться в живых. «Хорошо, что в отпуск съездил», – пульсировала на периферии сознания одинокая мысль, пока руки и ноги делали то, что нужно. Притом саму недельную поездку он не назвал бы веселой.

Дома он побывал в начале мая, после госпиталя – впервые за всю войну. Ростов тоже бомбили, но меньше, чем Сызрань. Временную столицу прикрывали зенитные батареи. Явных разрушений было немного, но общий вид знакомых с детства улиц и людей на них Старшой оценил одним словом: «Безнадега».

Поношенная или явно ветхая одежда и обувь, осунувшиеся лица, тусклые глаза, вялые движения. Это можно было сказать про девять из десяти встреченных им прохожих. Более энергичным и сытым видом отличались разве что патрульные и те, кто состоял на государственной службе.

Жене и детям полагалось пособие как членам семьи фронтовика. Его хватало на хлеб, картошку и подсолнечное масло. Продукты распределяли по талонам, как прежде. Если бы

не швейная машинка и постоянные клиенты из благополучных семей, голод давно взял бы за горло. Пенсионеры, включая родителей Старшого, распродали всё, что могли, и уже откровенно побирались.

Власть закрывала глаза на нищенство так же, как на чёрный рынок. У спекулянтов можно было купить что угодно – разумеется, не по твердым ценам. Работали в городе и рестораны, и другие увеселительные заведения, запрещенные уголовным кодексом. Все знали, что с них кормились военные и гражданские начальники. Знали, но придерживали языки: министерство охраны порядка не церемонилось со смутьянами и паникерами.

– Пап, а там тоже русские? – огорошил сын, расспрашивая об армии.

– Где? – переспросил Старшой, выгадывая время для ответа.

– У этих... сепаратистов.

В школе с первого класса рассказывали, что во всех бедах виноваты те, кто развязал кровопролитие. Республика оборонялась, ведя справедливую войну. Ее целью была полная победа и мир в границах бывшего СССР, а также построение общества на началах русского социализма. Про то, как будет выглядеть этот правильный социализм, не особо распространялись.

– И русские, и нерусские есть.

– Они того же хотят?

– В смысле?

Сын затронул недетскую тему.

– Ну, победы... и мира.

Старшой вздохнул. Проще было поднять взвод в атаку, чем объяснить девятилетнему ребенку то, в чем сам лейтенант плоховато разбирался.

– Вырастешь – поймешь, – отделался он общей фразой.

А дочь совсем не расспрашивала про войну. Судя по взгляду и манере держаться, она точно переросла свои одиннадцать лет и зим. Главное, что ее интересовало, уместилось в одном вопросе:

– Когда тебя отпустят?

Знал бы он сам, когда.

Предчувствия насчет сомнительного задания не обманули Кокоса. Всё окончательно пошло вразнос в этой сраной пустой деревне. Слава богу, он был начеку, и растущая луна светила в спины тем шестерым, показавшимся у опушки. Едва ли они взяли след группы: Старшой и его люди были профессионалами, не оставлявшими после себя ни сломанных веток, ни окурков с бумажками. Да и брели гости, не скрываясь. «Дремать будем в другой раз», – резюмировал Кокос, видя, что они держат путь прямо к сараю.

Обойтись холодным оружием никак не получалось ввиду численного перевеса противника. Позиция у разведчиков была идеальной, поскольку тропинка вела чуть под уклон

и наискосок. Кричать: «Стой! Кто идет?» не имело смысла, ибо своих тут быть не могло. Времени хватило точь-в-точь, чтобы разобрать цели.

Стреляли одиночными, и все первые пули попали куда надо. Курьер тоже сработал четко. Еще двоих, кинувшихся бежать, как бараны, завалили в спину. Тишину, которая установилась потом, не нарушили ни чужие выстрелы со стороны леса, ни подозрительные движения там же. Тем не менее, к упавшим подбирались со всеми предосторожностями, держа «Калашниковы» наизготовку.

Один застонал протяжно. Кокос потыкал его носком походного ботинка, наклонился.

– Не-е-е-е-т, – разобрал он.

Малый выискался смысленый, без иллюзий относительно своей участи.

– Ты кто? Откуда?

Раненый дернулся и затих насовсем, уподобившись своей компании. По одежде и вещмешкам стало ясно, что это был никакой не десант южан. Впрочем, десант не повел бы себя по-дилетантски. На остатки деревни набрели обыкновенные бандиты, которые скрывались в буферной зоне. Сарай, похоже, был одним из их убежищ. Может, в нем или под ним, если тщательно поискать, обнаружился бы какой-нибудь схрон с награбленным добром.

Такая шушера, как правило, избегала связываться с военными и трясла мирных жителей, где они до сих пор остава-

лись. Поскольку мирные в массе своей удрали в города с гарнизонами, бродячие банды всё чаще переключались на машины без сопровождения. Сами себя они величали партизанами, отличались садистскими наклонностями и подлежали казни без суда и следствия. На них даже патронов жалели, вешая пойманных у дорог.

Возиться с трупами, естественно, не собирались. Во-первых, бандитов не считали за человеческих существ. Во-вторых, следовало торопиться: мало ли кого могли привлечь выстрелы. Убитых оставили валяться там, где упали, вместе со всем барахлом и разнокалиберными стволами. Лишняя тяжесть была разведчикам ни к чему. В виде исключения Кокос снял с одного из тел нож – кустарного производства, но удобный для метания.

«Волки сожрут или собаки», – отстраненно подумал он. Одичалые псы, рыскавшие среди руин, порой были агрессивнее и опаснее волков. После отвода батальона в тыл Кокос слышал байки о том, что собачьи стаи заполонили всю Москву, где уже якобы расцвело людоедство. Своими глазами никто этого, понятно, не видел. Любые новости оттуда, выдаваемые за достоверные, вызывали у Кокоса большие сомнения. Простые натуры типа Дуни глотали на «ура» даже истории от армейской газеты «За Русь!»

В боевые подразделения листок попадал нерегулярно, а попадая, заставлял многих солдат хохотать до слёз. Там печатали фантастические заметки о ратных подвигах, которых

не могло быть в принципе. Кроме того, Кокос помнил, как газета клятвенно уверяла читателей, что республика не поступится ни граммом суверенитета, а потом точно так же, на голубом глазу, воспевала мудрость главы государства, одобрявшего соглашение с ООН «Гуманитарная помощь в обмен на ядерное оружие».

Соглашение он, вообще, оценивал как правильное. Где-то в Забайкалье одна воюющая сторона применила боеприпасы с маркировкой «Спец», и последствия, по слухам, были жуткие.

А пока они ускоренным маршем, забыв про сон, двигались к цели. Таблетки оказывали бодрящее действие, и Кокос был уверен, что продержится до финиша. Зря, в конце концов, он тренировался в свободные часы?.. Увы, без пяти двенадцать в темном небе опять раздалось стрекотание вертолета.

Харя инстинктивно пригнулся, хотя пользы от этого был ноль. Он видал то, что оставалось от человека, попавшего под огонь четырехствольного авиапулемета, и это зрелище не добавляло аппетита. С вертолета время от времени выпускали осветительные ракеты, которые, искрясь и догорая, подолгу висели в воздухе. Трава, кусты и деревья под ними становились видны, как на ладони, окрашиваясь в неживой синеватый оттенок.

«Как в морге», – оценил Харя, хотя реальный морг не по-

сещал ни разу. Группа угодила в знатный переплет. Преследователи точно знали их маршрут. На последнем участке вариантов не оставалось, достичь моста можно было только этим путем. Снова уходить к северу не имело резона: за ними развернулась охота, отсидеться и переждать в лесу им не дали бы. Стрельбой в деревне они выдали себя. Южане, похоже, были близко и вызвали своих.

Все четверо перебежками двигались по жидкой лесополосе мимо железной дороги. Пока им фартило. Еще Харя знал, что Старшой не теряет голову, даже когда всё летит в тартарары. После того, как прогорела очередная ракета и рокот вертолета начал удаляться восточнее, взводный подал сигнал остановиться. Вытащив карту из кармана жилета-разгрузки, он развернул ее, несколько секунд изучал при свете циферблата наручных часов, потом скомандовал:

– Разворачивай рацию. Быстро!

Сержант не нуждался в подсказках. Все его движения были отточены до автоматизма.

– Передавай наш позывной и морзянкой, без шифра: «Ухожу от преследования. Возможен огневой контакт. Прошу подкрепления и прикрытия с воздуха». Квадрат...

Отбив названные координаты, Харя для надежности повторил радиограмму. Ждать подтверждения было некогда.

– Двинем вдоль железки на юго-запад. Они к этому не готовы, попробуют перехватить нас на востоке, у шоссе. Выиграем время, – обрисовал свой план Старшой.

– А потом? – встрял Кокос.

– Спустимся до самой Волги, дальше по берегу рванем к мосту.

– Успеем? – усомнился Харя.

– Надо успеть.

Метров через триста железнодорожная колея вывела их на разбомбленный полустанок. Рядом чернели обгоревшие жилые постройки. Кто-то противно взвыл на луну: то ли собака, то ли волк. «Радуга», – прочитал Харя название этого места на покосившемся указателе возле платформы.

Бетонку разведчики пересекли у развороченного Т-80 с сорванной башней и опять ускорились. Местность шла под уклон, будто помогая гудящим от усталости ногам. Руины Сызрани после поворота на юг остались далеко справа, здесь начинался город Октябрьск. В июле через него тоже пробивались войска двух республик, применяя без разбора все средства поражения. Гражданских крошили тысячами. Остальные, кроме совсем древних стариков и старух, после перемирия перебрались за Волгу. Об этом говорил Старшой перед выходом на задание.

Харя был теперь замыкающим. Глядел в оба, смекая, что южане о своем появлении любезно предупредить не станут. Его городок, куда еще предстояло пробиться, предварительно взяв Москву, размером и внешним видом не шибко отличался от Октябрьска. Цел ли он, что с родными, Харя старался не гадать без толку. От гаданий только башка пухнет.

«Вертушка» не возвращалась.

Старшой был уверен: до рассвета им не уложиться. Внутри частного сектора, где много домов начисто снесло огнем из орудий и ракетных установок, скорость движения упала. Группа раз за разом отклонялась от прямой линии, ища проходы между грудями битого кирпича и торчащими из них поломанными балками. Луна, не собиравшаяся скрываться за редкими облаками, облегчала поиски, но и создавала проблему. Взводный допускал, что вертолетный десант разделся и часть его топает сзади. Допускал он и вероятность засады впереди по курсу. Где один вертолет, там два, не надо считать противника глупее себя. Так что идти приходилось крайне осторожно, прижимаясь к стенам – где они были, конечно.

Скорого эффекта от радиограммы взводный не ожидал. Открытым текстом он указал квадрат, прилегающий непосредственно к мосту. Туда еще следовало добраться. Если же огневой контакт случится раньше...

– Пять минут отдыхаем, – распорядился Старшой.

Курьер в шаге от него жадно хлебал из фляжки. Офицер он был точно не кабинетный – впрочем, для такого дела другого не подобрали бы. Придется ли выполнить приказ ротного, если произойдет худшее? «А пакет?» – спросил его Старшой тогда, в канцелярии, полагая, что ответит рыжий в портупее. «Пакет уничтожить», – отреагировал ротный. Инте-

ресно, насколько это осуществимо? Будет ли время воспользоваться зажигалкой?

– ВДВ?

На его вопрос курьер отрицательно мотнул головой.

– ГРУ?

Обычно Старшой не лез с расспросами к малознакомым людям, тем более из штаба главкома. Но боевая обстановка, как известно, сближает.

– Минская школа, – сказал майор (или не майор?), завинчивая крышку.

Судя по глазам, он тоже брякнул лишнее, но не жалел о содеянном. «Азартный», – решил про него Старшой. Правда, что это за школа, кого и чему учила, взводный не понял. А от дополнительного вопроса воздержался.

Карта показывала: мост примерно в шести километрах. Сколько их в действительности, учитывая все повороты и обходы... пожалуй, никак не меньше восьми. Самый опасный отрезок.

К южанам кое-кто относился презрительно. Старшой имел с ними дело еще на срочной службе, и впечатления, как выразился бы Кокос, остались неоднозначные. С кем-то, добросовестно выполнявшими свои обязанности, он нормально ладил. Бурчавших, что убирать в казарме – не мужское занятие, воспитывал. Одному, заявлявшему о себе как знатоке приемов каратэ, пришлось заехать в рыльный отсек. Знаток мигом стал шелковым.

О нынешнем противнике взводный знал, что им командуют вполне грамотные люди, за плечами у которых те же училища и академии, и техники с горючим другой стороне хватает. На территории Туркестанского и Среднеазиатского округов находились тылы советского контингента в Афганистане, выведенного из этой страны ровно три года назад. Те, кому было некуда деваться в изменившихся условиях, пополнили ряды еще одной суверенной армии. Возможно, кто-то, как Харя, надеялся таким образом вернуться домой.

Старшой посмотрел на часы.

– Пора. Двигаем!

«А вот это конец», – мысленно сказал себе Кокос.

Видимо, десант, высаженный с вертолета, гнал за ними, как на пожар – вдобавок со свежими силами. Да, не стоило задерживаться в той деревушке. Хорошо еще, что Харя каким-то чудом разглядел чужую тень у забора и выпалил навскидку. Скорее всего, промазал, но оставил южан без фактора внезапности. Те принялись поливать свинцом по перекладине, однако разведчики, бросившись наземь, ответным огнем заставили их укрыться за углами домов.

С первых секунд стало ясно, что стволов там существенно больше: Ми-24, кроме экипажа, поднимал восьмерых. Патронов они не жалели. Попытка сунуться выше, к железнодорожной ветке, воспользоваться ее насыпью как бруствером была пресечена тут же – пули пробарабанили по стене прямо

над головами.

– Справа заходят! – заорал Старшой, у которого был нюх на такие штучки.

Группу отжимали вниз, к реке с ее высоким, обрывистым берегом. Оттуда не вырваться. Они бежали, петляя и не отстреливаясь, потому что предстоял серьезный бой, а в него лучше не ввязываться с пустыми рожками. Их брали в клещи опытные вояки, которым мародеры с большой дороги не годились в подметки.

– Туда!

С виду невредимый, с плотно закрытыми ставнями на окнах, крытый шифером капитальный дом с высоким чердаком стоял на крайней улочке. За ним был двор с садом, а за ними уже ничего, кроме узкой полосы земли и Волги. Небо меняло цвет на серый.

Деревянную калитку Старшой высадил одним ударом ноги. Хлипкий замок на входной двери разворотил короткой очередью в упор. По взмаху руки взводного Кокос рванул вверх по лестнице, занимать позицию, с которой просматривались подступы к дому.

Чердачное окошко было застеклено. Кокос двинул в него прикладом, бухнулся на пузо и сразу поймал в прорезь прицела темную полусогнутую фигурку дальше по улице. Задержав дыхание, дважды подряд мягко нажал на спуск. Фигурка, споткнувшись, упала на колени, а затем повалилась лицом вниз.

Во дворе хлопнуло раз, потом еще. В небе расцвели, как чернильные кляксы, и повисли, медленно догорая, красные сигнальные ракеты. «Пустой номер, зря Старшой старается. Не бывает так, чтобы всегда везло. Пожили, и хватит». Жалости к себе Кокос почему-то не испытывал. О синем платочке, несбывшейся любви и тому подобной ерунде тоже не думалось.

– Эй, сдавайтесь! Гарантируем жизнь!

Никто не стрелял. Тишина давила на уши сильнее воды при нырянии с аквалангом. Старшой пробовал заниматься им в студенчестве, до женитьбы, когда ездили большой компанией на Черное море. Сейчас казалось, что это было не с ним.

– Вас четверо, на одного вашего трое наших. Отсюда не убежите, – убеждал гортанный голос.

Взводный молчал.

– Брешет, – выдохнул Харя, не отрываясь от передатчика.

«Окружен. Веду бой», – неслось в эфир. Сержант с потным, багровым лицом повторял и повторял этот текст. Маленький латунный крестик на цепочке, который он носил, не афишируя, под х/б, теперь болтался вверх разгрузки.

В доме доживала свой век одна сморщенная бабка лет восьмидесяти. Старшой помог ей спуститься в погреб на кухне и велел сидеть тихо, не высовываться, а когда всё закончится, шуметь: «Помогите!» Дом обязательно обыщут и,

может, ее не тронут.

Насчет двенадцати человек у южан он тоже сомневался. Проверить, конечно, не было возможности. Пускай штурмуют. Плохо будет, если «вертушку» вызвали. У Старшего оставалась слабенькая надежда на то, что устроенный десантом фейерверк было слышно у моста.

– Не пора?

От вопроса, заданного курьером, Старшой вздрогнул. Носителя секретного пакета было приказано при угрозе плена ликвидировать. Но тот имел в виду другое.

– Жечь не пора?

Интуиция молчала.

– Обожди.

Боец он подготовленный, а в таком положении каждый штык на вес золота. Этим аргументом Старшой заткнул свой внутренний голос, упорно твердивший: «Смотри не дотяни».

– Готовы? Давай по одному, оружие кладем на землю, руки поднять! – прокричал парламентар южан.

Старшой сложил ладони рупором и гаркнул:

– Хер подними себе, обезьяна!

Против советского лозунга дружбы народов он никогда ничего не имел, но тут был особый случай.

После краткой паузы со всех трех сторон грянули выстрелы. Десантник попался обидчивый.

Штурму предшествовал шквал огня. Чтобы проложить

себе дорогу, южане сразу пустили в ход подствольные гранатометы. От взрывов ставни разлетелись вдребезги вместе с оконными рамами. В комнатах, выходящих на улицу, со стен и потолка посыпалась штукатурка.

Предвидя такой сценарий, Старшой заранее дал команду отойти в кухню и третью комнату, смотревшие окнами в сад. Это же касалось и Кокоса, убравшегося с чердака за несколько секунд до разрыва очередной гранаты.

Дым не успел рассеяться, когда южане ринулись в атаку. Стреляя из автоматов на ходу, двое попытались ворваться через выломанную калитку во двор. Еще один подставил спину другому, и амбал-десантник запрыгнул в крайнее справа окно.

Первого из бегущих снял Старшой, выпустив короткую очередь из-за кирпичного основания крыльца. Второй ловко юркнул влево, скрывшись по ту сторону забора. Следующая очередь прошла сквозь доски, но взводный не обольщался на ее счет.

Соскочивший с подоконника в дом оказался лицом к лицу с курьером. Оба выстрелили одновременно. Харя влетел в комнату спустя мгновение и, не разбираясь, что да как, швырнул «лимонку» за окно. На улице грохнуло, раздался вскрик.

Кокос беглым огнем из окна соседней комнаты, ориентируясь по вспышкам, заставил стрелка в доме напротив умолкнуть и сменить позицию. На этом первый штурм за-

вершился.

– Живой?

Курьер полулежал, опираясь спиной о дверной косяк. Южанин обреченно хрипел, распростертый напротив: пули угодили ему в грудь. Харя добил его в упор, в голову, и принялся осматривать майора или как там его по батюшке.

– Старшого позови...

По обилию крови на маскировочном комбинезоне сержант сам, без врачей, определил, что мужик – не жилец. То же понял и Старшой, передавший Харе свою выгодную позицию за крыльцом.

– Пакет...

– Заберу, заберу, – успокоил раненого взводный.

– Слушай... На словах передать надо, – выдавил из себя курьер.

Было видно, что каждое слово дается ему через боль.

– Что передать?

– Наш предлагает встречу одиннадцатого октября... Запомни: одиннадцатого. Один на один...

– Наш это кто?

Курьер шевельнул губами, но разговор, похоже, забрал у него последние силы. Старшой полез за аптечкой, а когда повторно поискал пульс, не ощутил ни малейшего биения.

Пакет с сургучной печатью нашелся во внутреннем кармане на левом боку, весь перепачканный кровью. Взводный надрезал и снял конверт из плотной бумаги, бросил на пол.

Он всегда понимал службу как беспрекословное выполнение приказа. Военная тайна была для него свята. Но сейчас Старшому очень захотелось узнать, ради чего они через считанные минуты присоединятся к этому выпускнику неведомой ему Минской школы.

Перейдя в коридор, чтобы не увидел возможный снайпер через окно, он аккуратно посветил себе зажигалкой и развернул сложенное вчетверо письмо. Секунд десять глядел на него, потом поднес зажигалку к листу бумаги.

В переговоры с ними больше не вступали. Южане вели беспокоящий огонь по окнам, не давая высунуться. Парламентар, похоже, не врал: их было точно больше семи или восьми. С учетом подтвержденных потерь стало на трех человек меньше. Четвертый, которого Харя угостил «лимонкой», причитал под окном, выл и звал своих, но свои вытащить его не могли.

На нехватку боеприпасов, в отличие от группы Старшого, они по-прежнему не жаловались. Так что попытка прорыва стала бы самоубийством. Благодаря тактической паузе Старшой выпустил вверх еще две сигнальные ракеты. Харе было уже не до передатчика – он держал сектор обстрела, за который раньше отвечал курьер.

Во второй и последний раз всё развивалось быстрее. Начали опять с гранат. Вслед за выстрелами по разбитым окнам прозвучал взрыв со стороны сада. Противник пустил в

ход толовую шашку, вырвавшую добрый кусок забора. Кокос, который следил за этим сектором из кухни, без промаха, как всегда, вывел из игры первого бежавшего навстречу.

Двое других имели при себе подствольные гранатометы и без проволочки воспользовались ими. Старшой, вовремя сменивший крыльцо на коридор, чуть не оглох от грохота. Автоматным огнем он заставил залечь двух южан в саду. Кокос под обломками кухонного шкафа не подавал признаков жизни. Отвлекаться на него не было времени, а еще с неба послышался рокот винтов.

Вертолет заходил на цель со стороны Волги. «Дом разнесут вместе с нами, и крышка», – определил Харя, не видевший его со своей позиции, но и не особенно нуждавшийся в этом.

Эмоциональные южане завопили что-то радостное. В следующий миг Старшой различил, как за вертолетом несется темная полоска, оставляющая дымный след. Дистанция была слишком короткой, чтобы пилот среагировал на «Иглу». Вспышка на сером предрассветном фоне показалась ярче обычного. В новом слитном вопле южан сквозили разочарование и ужас. Пораженная ракетой из переносного комплекса, «вертушка» камнем рухнула в воду.

Новые очереди и разрывы гранат по ту сторону улицы подтвердили, что помощь пришла.

Старшой долго стоял и курил перед входом в бункер Ста-

лина. Он ни за что не подумал бы, что глубоко под невзрачным казенным зданием спрятан такой объект. «Управление культуры», – будто с издевкой гласила треснувшая вывеска с серпом и молотом. Бывал ли тут генералиссимус, местные, впрочем, доподлинно не знали. Путались в показаниях. Вообще, они оказались очень похожими на его земляков и однополчан. С кем-то из них фронтовая судьба, возможно, сводила его в июльских боях.

Разведчиков спас спецназ Волжско-Уральской республики. Южане сопротивлялись фанатично и в плен ни один не сдался. Второй вертолет, правда, растворился в пространстве над буферной зоной. Об этом Старшому рассказал капитан армии волжан, который сопровождал группу до Куйбышева.

Кокоса, потерявшего сознание, достали из-под обломков, вкололи ему обезболивающее прямо через штанину, перевязали. На его правую ногу, от стопы и до колена, было страшно смотреть. За ним и его спутниками прибыл вертолет. Устное сообщение Старшой передал бледному человеку из бункера, правильно отозвавшемуся на пароль. Он был также в офицерской форме, но без знаков различия.

– Благодарю вас. Отдыхайте, вечером отправим назад, – без сантиментов ответил адресат.

– А... – заикнулся Старшой.

– Товарища подлечим. Ему пока вредно летать.

Харя отлучился на запах полевой кухни. Старшого тоже

звали, но взводному совершенно не хотелось есть или пить. Его пальцы, державшие сигарету, била мелкая дрожь. Хорошо, что подчиненные не видели.

– Чекиста вашего жаль, – вдруг услышал он голос того, кто так и не получил пакет.

Дверь служебного входа ложного управления культуры, которая вела в квадратный асфальтированный дворик, была приоткрыта. Звук шел оттуда.

– Все рискуют, никуда не денешься, – отозвался другой голос, очень знакомый.

Старшой оторопел.

– За наводку спасибо еще раз. Насчет крота вопросов больше нет. Думаю, наши его уже взяли, – добавил рыжий из главного штаба.

– Трюк старый, но проверенный. Две группы, два маршрута... Ладно, удачи!

При виде Старшого во дворике у рыжего округлились глаза.

– Вторая группа без помех прошла? – тихо спросил лейтенант.

Сегодня контрразведчик (Старшой более не сомневался, где он на самом деле служит) облачился в точно такой же комбинезон, который был на погибшем курьере. Португею, естественно, оставил где-то в своей конторе. Или дома. На вопрос он не ответил.

– За пустой лист хотели четверых положить?

– Не положили ведь, – сказал наконец рыжий.

Старшой сделал полшага к нему.

– Вы помогли разоблачить вражеского агента и доставили послание главы республики. Всех представят к наградам, – быстро проговорил его невольный собеседник.

Только в этот момент Старшой почувствовал, как он дико устал, и никакие чудо-таблетки уже не помогают.

– Не ссы, – успокоил взводный.

Хотя рыжий был, кажется, не из пугливых. Просто не ожидал увидеть его.

– Ничего, теперь до конца года в Москве будем.

На это обещание Старшой только хмыкнул и махнул рукой. Когда Харя воротился с лоснящейся рожей, он сидел на пустом ящике от снарядов и продолжал дымить.

– Порубал?

– Двойную пайку смолотил, за себя и за того парня, – отпартовал сержант.

– Угощают, значит, будущие союзники...

Харя тоже достал сигарету, настоящую американскую, попросил прикурить, потом другим тоном продолжил:

– Фельдшера их видел, побазарил с ним. Кокосу полноги отрежут, но жить будет.

Пуша и Плюша

– Где Пуша? – крикнул Бред, не отрывая взгляд от дисплея бортового компьютера.

Его пальцы стремительно бегали по клавишам.

– С Плюшей, – из-за распахнутой двери багажного отсека отозвался Бак, лихорадочно паковавший вещи.

До старта оставалось меньше трех минут, а им обоим после ввода полетной программы еще следовало надеть аварийные скафандры и пристегнуться. Требование насчет скафандров давно превратилось в сущую блажь от Центра межгалактических трасс. Бред, интересовавшийся историей всякого рода катастроф и происшествий, навскидку даже не мог сказать, когда это в последний раз кому-нибудь помогло. Тем не менее, его напарник требовал строгого соблюдения инструкции.

Такое требование было тем более странным, что они уже нарушили почти всё, что могли. Само их пребывание на третьей от желтого карлика планете прямо противоречиво кодексу космонавигации. Но... «Когда нельзя, но очень хочется, то можно», – любил повторять Бред, и Бак пошел у него на поводу.

Космический туризм на Альдебаране переживал бум. Увлечение немногих быстро перешло в настоящую лихорадку. Смотраться на выходные в одно из соседних созвездий,

а то и куда-нибудь подальше стало жутко модным времяпрепровождением. Говорили, что Руководящий Совет скоро примет меры по жесточайшей сертификации и регламентации этого занятия, и молодежь стремилась оторваться на полную катушку.

– Точно с Плюшей? – по-прежнему не оборачиваясь, переспросил Бред.

Ему оставалось ввести всего несколько цифр.

– Точно! Их домик в кают-компании, – из недр багажного отсека успокоил его Бак.

Пыхтя, как дикий единорог с планеты Блюм из созвездия Весов, он уминал что-то в контейнер. Судя по звукам, палатку с кондиционером. В том месте, где они совершили посадку, почти круглые сутки царила изнуряющая жара.

«Программа принята», – высветилось на экране.

– Уфф! – отреагировал Бред и потянулся за скафандром.

В отсеке у Бака что-то упало и задребезжало.

– Давай быстрее! – поторопил его приятель.

Двух студентов Института вселенской фауны совсем не тянуло обратно домой, к учебникам и конспектам. Планета, как и предполагали ведущие ученые, оказалась обитаемой и с прекрасной атмосферой. Более того, ее населяли просто-душные аборигены, буквально завалившие Бреда и Бака всяческими сувенирами и подношениями.

Рядом с пустыней, на берегах могучей реки, тянувшейся через большую часть континента, росли деревья с мохнаты-

ми стволами и раскидистыми кронами. Их плоды в виде громадных орехов давали чудесное молоко, покоровшее путешественников. Притаскивая эти орехи и множество разных фруктов, туземцы в набедренных повязках устраивали ритуальные пляски вокруг звездолета.

– Эх, побыть бы еще, – с сожалением произнес Бак, уже в скафандре плюхаясь в кресло рядом с Бредом.

– Ты там роман закрутил, что ли? – сощурился Бред.

– Ну, как тебе сказать...

– Ох, допрыгаешься!

«Девять, восемь, семь...»

Бреду и самому страсть как не хотелось улетать. Увы, надежные ребята по закрытому каналу связи предупредили, что в этом секторе ожидается появление патруля. За несанкционированный контакт с иной цивилизацией Руководящий Совет по головке не погладил бы.

«Два, три, один...»

Судя по его глазам, Бак точно успел согрешить.

«Старт!»

Корабль мягко, почти беззвучно, оторвался от поверхности, завис на секунду над оазисом, а затем стремительно ушел в ярко-голубое, без единого облачка небо. На месте его стоянки остался только круг примятой травы.

Когда вышли на расчетную орбиту для скачка в подпространство, кто-то словно дернул Бреда отстегнуть ремни и пройти в кают-компанию. В мягком домике Пуши и Плю-

ши было подозрительно тихо. Неустрашимый пилот отворил дверцу, которая оказалась не заперта, и...

– Бак, чтоб тебя!

Возвращаться было поздно. Патруль уже приближался к поясу астероидов.

– Как видите, коллеги, перед нами очень оригинальная цивилизация, – важно молвил профессор Зунд, перстом указав на снимки высокой четкости, сделанные спутником-автоматом.

Сотрудники и студенты сгрудились вокруг него, насколько это было возможно, блюдя дистанцию со светилом межгалактической мысли.

– Я бы рискнул сделать вывод, что по общему уровню развития они уступают нам на четыре-пять тысяч тамошних лет, – продолжил профессор.

Юная ассистентка пожирала его глазами.

– Эти люди... да, я полагаю, мы вправе назвать их людьми... уже научились воздвигать грандиозные сооружения пирамидальной формы. И, что самое интересное, у них развит крайне необычный религиозный культ. Ни на одной планете мы пока не обнаружили ничего подобного.

Изображение на экране в демонстрационном зале сменилось на другое, еще более четкое. Видимо, спутник пронесся на предельно малой высоте.

– Их культу, судя по косвенным признакам, примерно лет

пятьсот. Э-э... это как если бы кто-то из нас побывал там и вернулся на стандартном звездолете класса «Б» год назад по Альдебарану. Таков знаменитый эффект искривления подпространства, – изрек Зунд, любивший лирические отступления.

Кто-то в заднем ряду издал звук, похожий на стон.

– Да, – с воодушевлением подхватил профессор, – подумайте только: народ речной долины с пирамидами поклоняется существам, которые как две капли воды похожи на наших кошек! Их наделяют свойствами богов, молятся им.

Циклопическую стену храма, сложенную из мощных каменных блоков, украшал горделивый профиль с маленькими аккуратными ушками. Пуша и Плюша, неразлучная парочка, удравшая перед стартом с корабля, определенно хорошо устроилась и дала потомство.

Студент старшего курса Бред Крис изо всех сил стиснул зубы, чтобы не застонать повторно.

Фестиваль

Сон был странным и оборвался внезапно. Приснился друг детства и юности Роберт, выглядевший как при их последней встрече – в теплой куртке, шерстяной шапочке и шарфе, с рюкзаком на плече, собранный для дальней дороги. «Давай со мной», – сказал он, улыбаясь. На самом деле тогда никто из них ни разу не улыбнулся... Во сне Роберта ждал самолет, почему-то не пассажирский лайнер, а громадный бомбардировщик из фильмов про вторую мировую. Винты уже вращались, слова тонули в реве моторов. Захотелось возразить, что это, мол, не тот рейс, но на летное поле внезапно набежала густая тень. А потом словно зажевало пленку в кинопроекторе, и картинка пропала.

Марк проснулся, глянул на будильник. Десять минут до подъема. Можно было успеть досмотреть... хотя что он ожидал увидеть? Жизнь – не кино с хэппи-эндом. Тридцать лет прошло. Тридцать лет совсем другой реальности. Они расстались, когда им было по восемнадцать. Роберт говорил, что это ненадолго, но ошибся. Вышло так, что попрощались навсегда. На скользкой горной дороге, за таможенным постом и КПП, автобус повело и вынесло на встречную полосу. Тяжело груженный рефрижератор не успел затормозить. О катастрофе даже сообщили по телевидению, а какая-то газета разместила список погибших. Среди них значился Роберт с

его родителями.

Правда, почему они не полетели самолетом? Еще были рейсы за рубеж, и, конечно, дико переплатив, можно было взять билеты. Наверное, решили сэкономить. В чужой стране у них не было ни друзей, ни родственников, а на гуманитарную помощь для эмигрантов и беженцев мало кто надеялся. Отец Роберта преподавал в консерватории и по поводу грядущих перспектив высказывался без прикрас: «Буду на площадях играть. Или по дворам пойду». Марк сперва бросился переубеждать его, однако наткнулся на очень умный и печальный взгляд из-под очков, исключавший продолжение дискуссии...

Будильник запел привычную мелодию. Лора пробормотала что-то, не горя желанием пробуждаться. Марк пошевелился, откинул свой край одеяла. Правая нога была словно деревянная. Он аккуратно помассировал ее, глубоко вдохнул, выдохнул, сжал зубы и встал с кровати.

Если иметь в виду меню, субботний завтрак мало отличался от любого другого. Разве что Лора, используя остатки молока, испекла блинчики. По утрам семья обязательно собиралась за общим столом. Вечерами Марку часто приходилось задерживаться на работе, а Феликс пропадал в университете. К внеучебной активности сына все привыкли с его первых дней на факультете компьютерных наук.

– ... просто нечто потрясающее! Новейшая модификация

баллистической ракеты, которой нет аналога в мире! Полностью, до последнего винтика и чипа, разработана и создана нашими учеными, – вздох рассказывал Феликс, пока остывал горячий чай в кружке.

Марк, мыслями возвращавшийся к странному сну, с опозданием уловил, что вчера сын слушал какого-то лектора из общества «Катехизис». Собственный инженерный опыт заставлял усомниться в лекторской правоте. Его предприятие коммунального хозяйства худо-бедно держалось на плаву благодаря импортным запчастям. Неполадки и аварии происходили регулярно, Марка запросто могли поднять телефонным звонком среди ночи. Даже удивительно, что эти выходные начались спокойно. Впрочем, может быть, в оборонке всё иначе устроено...

– Но главная новость у меня другая, – с торжеством в голосе сказал Феликс.

– Какая? – спросила Лора.

– Меня берут на фестиваль, и я понесу знамя.

Фестиваль молодежи и соотечественников стартовал завтра. Вузовская сборная должна была принять участие в церемонии открытия, а сыну выпало возглавить колонну. Как ему дали понять, решающую роль сыграла прекрасная характеристика. В ней, помимо успехов в учебе и общественной деятельности, значились сведения об отце.

– Не у каждого отец – герой, – с гордостью подытожил Феликс.

Марк только вздохнул. Себя он героем не считал. Когда ему исполнилось восемнадцать, началась национальная революция. Был он студентом института искусств, и призывы исполнить патриотический долг воспринял без колебаний. В агитбригаду, сформированную для выступлений перед бойцами, попросился сам. В те дни и разошлись их пути-дороги с Робертом.

Поездка на фронт развеяла многие представления, которые он почерпнул из публицистических передач и стихов. Освободительная война против колониализма с близкого расстояния выглядела куда сложнее. Народ по ту сторону несправедливо проведенной границы не рвался освобождаться. Это выражалось не только в косых взглядах. Координаты площадки, где они выступали перед танкистами, кто-то сдал противнику.

После удара из французской самоходной гаубицы Марк очнулся уже в полевом госпитале. Долго лечился, заново осваивал умение ходить – сначала с тростью, потом без. Хромота осталась с ним на всю жизнь. Институт искусств он бросил и, воспользовавшись льготой для ветеранов, поступил в индустриальный вуз. Там познакомился с Лорой.

– Ты на собрание придешь?

Вопрос Феликса застал его врасплох, перебив очередные воспоминания.

– На какое собрание?

– Факультетское, в следующий четверг. Годовщина же ре-

волюции, юбилей.

– Какой я революционер? Сам подумай, – попробовал уклониться Марк.

– Ну, пап, не отказывайся. Пожалуйста...

Лора выразительно посмотрела на мужа. В ее больших карих глазах читалось: «Ребенок же просит. Тебе трудно?» Марк понял, что не сумеет сказать «нет». Придется произносить казенные фразы и принимать незаслуженные почести.

– Ладно, приду.

Сын прямо засветился от радости.

– Спасибо! У нас репетиция сегодня, а еще занятия по языку. На ужин опоздаю, наверное.

– Не многовато дополнительных занятий? – поинтересовалась Лора.

– Нормально. Отличников обещают на стажировку послать, в Пекин.

Он явно собирался и здесь быть первым. Изучение китайского языка являлось дополнением к курсу кибербезопасности. На этой теме Феликс был совершенно повернут, даже состоял в отряде по отслеживанию соцсетей. Марк не сомневался, что со знаменем у него тоже всё получится: сын с детского сада обожал маршировать. Вообще, мечтой студента-компьютерщика была служба в Корпусе блюстителей, который вождь называл щитом государства и революции.

Поездка на рынок была семейной традицией и заодно на-

стоятельной необходимостью. В магазинах продукты стоили заметно дороже, так что удостоверение освободителя, дававшее право на скидку, не особенно помогало. С бойкими чернявыми продавцами торговалась Лора, ей это подходило по темпераменту. Марк таскал покупки, рассчитывался за них и невольно продолжал думать о странном сне. Мнительностью он не страдал, в приметы и тому подобную чепуху не верил, однако Роберт у трапа бомбардировщика то и дело вставал перед глазами.

На обратном пути улицы наполнились машинами, начались пробки. Их старенький отечественный пикап, ровесник Феликса, тащился медленно, часто останавливаясь. Радиостанции трубили о предстоящем фестивале, который имел целью продемонстрировать железное единство нации в пространстве и времени. Марк выключил приемник и закурил.

– Открой окно, – напомнила Лора.

– Извини, забыл.

Из репродукторов на столбах лились песни позапрошлой войны. Столицу заранее украсили и к фестивалю, и к юбилею. Денег в казне было меньше, чем во времена детства и юности Марка, но на количестве флагов и транспарантов это не отразилось. Скорее наоборот. Кое-где они удачно маскировали облупившиеся фасады. Дорожному полотну наглядная агитация, увы, не помогала, и пикап периодически подпрыгивал на выбоинах.

Как автолюбитель со стажем Марк заинтересованно про-

вожал глазами подержанные американские и европейские иномарки, контрабандой ввезенные в страну. Новых моделей попадались единицы. Они были символом выдающегося преуспевания или принадлежности к верхнему эшелону власти. Люди из этого эшелона позволяли себе очень многое за высокими стенами охраняемых резиденций. Слухи о них Корпус блюстителей пресекал наравне с враждебной агитацией.

– Ты рассеянный сегодня, – опять заговорила Лора.

– Собрание напрягает, – соврал Марк.

– Чему там напрягаться? У тебя речь должна быть заготовлена про свои подвиги. Проговоришь, фото сделаете на память и – свободен.

О таких материях, как государственная идеология, жена судила предельно прагматично и здраво. А ему при слове «фото» вдруг захотелось открыть альбом тридцатилетней давности. Там, под синей кожаной обложкой, был их с Робертом последний снимок. Они еще не поспорили, жестко, на разрыв, о том, надо уезжать или поддерживать революцию и войну. Подружка его друга (кажется, ее звали Ольгой) классно поймала в кадр их беззаботные, улыбающиеся лица. Кстати, что стало с ней? Вроде тоже успела эмигрировать, пока не провели обмен паспортов.

– Зеленый горит. Не спи! – подала голос Лора.

Когда наконец остановились у ворот, Лора, подхватив

сумку полегче, скрылась во дворе. «Разгружай, я к маме», – бросила, открывая калитку. Мама была не ее, а его и больше не посещала рынок и магазины. Она не ходила никуда дальше дворика, сильно сдав после похорон отца минувшей весной. Тот до последнего упорно сопротивлялся болезни и мог прожить подольше, будь им по карману необходимое лекарство. Взаймы такую сумму никто из знакомых не давал, а банку Марк уже выплачивал кредит на обучение сына.

Одноэтажный родительский дом стоял в тихом переулке на южной окраине. Марк жил в нем, сколько себя помнил. Дом Роберта был в соседнем квартале, его конфисковали согласно декрету об изменниках. Кто поселился там, он не знал... Мысль об отдельном жилье витала в его голове после женитьбы, но собственная недвижимость в столице стала в ту пору окончательно недоступной. К счастью, комнат для двух семей здесь хватало.

На углу, как и повсюду, висел флаг. За соблюдением этого правила строго следили квартальные уполномоченные. Вместе с флагом на ветерке колыхалась лента фронтовика. Марк выбрался из машины, снова полез в карман пиджака за сигаретами и зажигалкой. Ему захотелось поделиться с Лорой сегодняшними воспоминаниями. С кем же еще? Маме вредно волноваться, она обязательно будет переживать. С Феликсом?

Он хмыкнул. Детсад с речевками-маршировками и, главное, школа с политическим воспитанием сделали сына... как

бы помягче выразиться, не самым удобным собеседником на тему об эмигрантах. Лет шесть или семь назад он открыл при Феликсе тот альбом и был вынужден ответить на вопрос, кто изображен на фото. Сказал односложно: «Друг». «А где он сейчас?» – естественно, спросил сын. «Погиб». Феликс помолчал и спросил еще: «На войне?» «Да», – ответил Марк. На этом разговор закончился.

Марк щелкнул зажигалкой, но не успел прикурить. Порыв ветра задул огонек. Он тихо ругнулся и приготовился повторить. В этот момент кто-то кашлянул у него за спиной.

– Здравствуйте, – раздался незнакомый голос.

Обернувшись, Марк почувствовал, что земля качнулась под ногами. Перед ним стоял Роберт, нисколько не изменившийся за тридцать лет.

Волшебством в этой ситуации не пахло. Его звали Виктором, и Роберту он доводился единственным сыном. Лучший друг Марка вместе со своими родителями ошибочно угодил в список погибших. Посреди безумного хаоса никто не стал уточнять и, тем более, публично опровергать газетную заметку. Семья покочевала и осела в маленькой благополучной стране, где профессору консерватории нашлась работа по специальности в музыкальном театре. Сейчас, когда отец вышел на пенсию, его место занимал Роберт.

– Слушай, ну а ты на фестиваль приехал? – спросил Марк, еще не до конца веря своим глазам.

– На фестиваль, – улыбнулся Виктор.

– Реабилитировали, значит?

– Кого?

– Отца, конечно. Ты в курсе должен быть, у него гражданство отобрали.

Виктор перестал улыбаться и прищурился точь-в-точь как Роберт, когда собирался поспорить.

– Нет, не реабилитировали.

– Как же тогда...

– И у него отобрали, и у мамы.

Марк ощутил мерзкий холодок вдоль спины.

– Тебя пустили?

– Пустили, но под другим именем, – спокойно ответил Виктор.

Что это значило, Марк понял без объяснений. Еще за месяц до фестиваля Корпус блюстителей предупредил всех, что враги национальной революции будут использовать малейший шанс для заброски агентов. Обязанность лояльных и законопослушных граждан – немедленно информировать сотрудников Корпуса о любых подозрительных личностях. Каждому патриоту обещали денежную награду, достаточную для приобретения нового авто. Разумеется, местной сборки.

Судьба тех, кто попадал в руки блюстителей, была известна заранее. В военные годы над ними устраивали показательные суды. Стоя в клетках, под видеокамерами, тайно вернувшиеся эмигранты раскаивались в том, что по скудоумию ста-

ли диверсантами и наемниками иностранных разведок. Потом их приговаривали к огромным срокам, а когда государство восстановило смертную казнь – к повешению.

Теперь судили буднично, без эффектов, публикуя только фото обвиняемых, но казнили так же. Пособникам террористов полагалось пожизненное заключение в тюрьме строгого режима. Их имущество и активы вплоть до мельчайшей монетки изымали в фонд попечения о ветеранах-освободителях. Как заявлял вождь, это было проявлением подлинного гуманизма.

– Вы всегда будете так жить?

От вопроса, заданного Виктором, Марк вздрогнул. «Что ты понимаешь в жизни, мальчик?» – подумал он. Н-да, а ему всё было ясно и понятно, когда записывался добровольцем...

– Простите, я зря начал, – Виктор сменил тон. – Хотел передать вам привет, и всё.

– Где ты остановился? Ах, да...

– Вам лучше ничего не знать.

Образовалась неловкая пауза.

– Роберт попросил зайти? – спросил Марк.

– Он не в курсе, я сам решил. Отец вас часто вспоминал.

Жалеет, что не успели помириться.

«Мальчишка, как мы тогда», – повторил про себя Марк. Миллион похожих мальчишек не вернулся с войны. Или даже больше, о точных цифрах статистика умалчивала.

Несправедливо проведенные границы остались теми же, но стране под фанфары объявили о победе над колониализмом. Потом старый вождь умер. Его преемник, поначалу стройный и подтянутый, с идеальной выправкой, постепенно облысел и обрюзг. На митингах клялись и поклонялись двум портретам вместо одного. Вот и все перемены, которые произошли. Санкции никто не снял, чрезвычайное положение не отменили.

Марк будто увидел их обоих со стороны. Усталый, рано поседевший мужчина, на вид гораздо старше своих лет, и юноша с румянцем на гладких щеках, пожалуй, еще толком не брившийся. Не тридцать, скорее все триста лет разделяли его и Виктора... Вот-вот Лора появится, а багажник с продуктами до сих пор не разобран.

– Оставили бы вы нас в покое, – произнес он через силу.

Виктор кивнул и, не говоря больше ни слова, двинулся вниз по переулку. Марк смотрел ему вслед, пока его не окликнули.

– Пап, что случилось?

Феликс дышал, как после пробежки.

– Ты откуда взялся?

– Репетицию на вечер перенесли, заскочил пообедать. Кто это был с тобой?

В карих глазах сына Марк прочел настороженное любопытство. Покалеченная нога заныла снова.

– Случайный какой-то человек, ошибся адресом, – сказал

он равнодушно.

Мечтатели

Мини-пьеса

Акт первый

Действие первое

Просторная гостиная в старой московской квартире. Мебель семидесятых годов: коричневый шкаф-стенка с подписанными изданиями на полках за стеклом, узкий диван с покрывалом, круглый стол со стульями, накрытый низко свисающей скатертью. В углу телевизор «Рубин» на четырех тонких ножках, с раздвинутой телескопической антенной наверху. У окна возле телевизора – эмалированное ведро с песком. На журнальном столике – проигрыватель, разноцветная стопка пластинок лежит поверх крышки. Пол застелен ковром с геометрическим орнаментом. За окном темно, светятся окна многоэтажного дома напротив. Где-то, вероятно, у соседей, приглушенно играет музыка, слышится песня «Новый год настает, бой часов раздастся вскоре...»

Долго и требовательно звонит электрический звонок. Потом раздается гулкий стук в дверь, вслед за ним задорный юношеский голос: «Борь, уснул, что ли?» Щелкает отпира-

емый замок, гремят ключи на связке. В гостиную, не сняв верхнюю одежду и шапки-ушанки, с шумом и топотом вваливаются Андрей и Виктор, молодые люди студенческого возраста, оба рядовой внешности, раскрасневшиеся. Первый тащит лысоватую ёлку, второй – набитые и явно тяжелые хозяйственные сумки.

Андрей: «Вот тебе раз», – подумал Штирлиц. Его нет, похоже.

Виктор: То есть как нет?

Андрей (*укладывая ёлку на пол перед телевизором*): Молча.

Виктор (*ставит сумки перед собой, снимает шапку и носовым платком вытирает пот со лба*): Ничего не понимаю, мы же четко договаривались! Я ему свой личный ключ дал. Хорошо, запасной догадался взять у отца...

Андрей: Офигенно. Торчали бы под дверью, как дураки.

Виктор: Ну, Борька... Вроде обязательный человек, на пары никогда не опаздывал.

Андрей (*тоже снимает шапку, за ней красный мохеровый шарф и грубое черное пальто, бросает их на диван*): Он сегодня отыгрался за четыре с половиной курса. Во сколько должен был приехать?

Виктор (*растегнув темно-синюю зимнюю куртку с капюшоном и сядя на свободную часть дивана*): Часа два назад. Самое позднее.

Андрей: В общем, дал стране угля. Ладно, будем сами вы-

кручиваться.

Виктор: Времени уже в обрез. Можем не успеть.

Андрей: А ну, долой панику! Обязаны справиться. Песок ты раздобыл?

Виктор: Я. Кто же еще? Наковырял прошлой ночью на детской площадке. Там всё смерзлось, долбил совком, как шахтер.

Андрей: У шахтеров инструменты посерьезнее. Тебе благодарность от имени комитета комсомола за находчивость и мужество.

Виктор: Спасибо, товарищ Волгин. Рад стараться! Или как надо отвечать: «Служу Советскому Союзу»?

Андрей (*прищелкиваясь ёлкой в ведро*): Это не про нас. Хотя говорят, отсрочки для студентов отменяют.

Виктор (*беззаботно машет рукой*): Пока раскачаются, пока отменяют, мы уже лейтенантами запаса станем. Дивное изобретение ума человеческого – военная кафедра. Месяц на сборах – и вся служба.

Ловко достает из сумки пару бутылок «Советского шампанского» и бутылку «Столичной», водружает их на стол. Любуется со стороны.

Андрей (*одобрительно*): Я тебе прямо сейчас лейтенанта присвоил бы, или даже старшего. И назначил замом по тылу.

Виктор (*шутливо поднимая обе руки*): Всё, готов плакать от умиления. На самом деле в моих достижениях нет ничего фантастического. Просто бездна обаяния плюс практиче-

ская смекалка.

Андрей (*укрепляя ствол ёлки в песке*): Знаешь, в моем родном городе никакое обаяние не поможет. Просто нет в магазинах колбасы, и точка. Граждане дружно едут на электричках в Москву.

Виктор: Молодец, что напомнил. Сервелат мы пока в холодильник определим, да и шампусик с водочкой тоже. Как в лучшем ресторане.

Забирает бутылки со стола, скрывается с ними за боковой дверью, ведущей в прихожую и кухню.

Андрей: Может, бананы туда же сунуть?

Виктор (*выходя из кухни и забирая вторую сумку с припасами*): Бананы так полежат, не пропадут.

Андрей: Ладно, спец по дефициту, доверяю тебе. Глянь, ёлка не криво стоит?

Виктор (*со стороны внимательно так и этак разглядывая ёлку в ведре*): Нет, в самый раз. Будто выросла тут.

Андрей: Слушай главного организатора. С салатами девчонки помогут, а наша задача – подготовить ингредиенты и нарядить это дерево.

Виктор: Чур, я наряжать буду. Мой художественный вкус – гарантия успеха.

Андрей: Давай-ка не примазывайся. Художественный вкус у Борьки. Он музыкант у нас, на гитаре играет.

Виктор: Блин, этот игрок заплутал, наверное. На метро не в ту сторону поехал.

Андрей: Коренной москвич с пропиской?

Виктор: Хватит уже про коренных, достал. Женишься вот и сам таким станешь.

Андрей (*задумчиво*): Ох, не знаю... Ленка вроде не против замужества, но мне свободы как-то жалко.

Виктор: Помнишь лекции по философии? Свобода – это осознанная необходимость. Осознал и свободен.

Андрей: Юморист несчастный.

Снова щелкает замок входной двери, гремят ключи. В гостиной появляется Борис. Серое пальто в черную клетку на нем расстегнуто, бежевый вязаный шарф не завязан и кое-как болтается на шее. Выражение лица с тонкими щегольскими усиками – отсутствующее, глаза пустые.

Виктор: О, красавец-мужчина! Явился не запылится. Мы уже думали тебя разыскивать, в милицию звонить.

Борис (*нервно вздрагивая*): В милицию?

Виктор: Ну, по больницам, по моргам. Пропал человек.

Борис (*будто через силу*): Да, пропал...

Андрей (*участливо*): Борь, ты не заболел?

Борис: Нет, здоров.

Андрей: Где был?

Борис (*не глядя на него*): Задержали в универе.

Виктор: Кто задержал?

Борис (*агрессивно*): Какая разница?

Виктор: Старик, ты накатил уже? Признавайся.

Борис: Дыхнуть?

Виктор: Верю на слово.

Андрей (*решительно*): Пока мы болтаем, часики тикают. Вить, персонально отвечаешь за ёлку. Боря, ты проштрафился, поэтому чистишь картошку. Я остальными продуктами занимаюсь. Погнали!

Действие второе

Служебный кабинет с предельно простой казенной обстановкой. Слева по диагонали стоит широкий желтый письменный стол с двумя тумбами, справа от него возвышается коричневый сейф. На стене с обоями в полоску висит со стороны стола портрет Брежнева со звездами Героя Советского Союза на пиджаке. Помещение освещает одна настольная лампа с зеленым абажуром, направленная на сидящего на обычном стуле Бориса. Его собеседник, Игорь Ильич, располагается в тени по другую сторону стола, под портретом. Невыразительное лицо этого человека в сером костюме-двойке, белой рубашке и однотонном галстуке видно плохо. Судя по голосу и различимой внешности, ему лет тридцать пять или чуть больше. Перед Игорем Ильичом на столе – открытая канцелярская папка с завязками, аккуратно разложенные листы бумаги с текстом. В кабинете тихо, слышен только размеренный голос.

Игорь Ильич (*читает без выражения, держа на весу один из листов*): Комсомолец Бердников, находясь в нетрез-

вом состоянии, рассказал антисоветский анекдот следующего содержания. «Выступает Брежнев по радио: «Ходят слухи, что вместо меня разговаривает пластинка. Не верьте этому. Не верьте этому. Не верьте этому...» Во время рассказа Бердников в оскорбительной форме подражал отдельным особенностям речи генерального секретаря ЦК КПСС и от себя добавил, что (дословная цитата) «Лёня совсем спекся».

Борис ерзает на стуле, будто его тянет возразить, но так и не произносит ни слова.

Игорь Ильич (*откладывая бумагу*): Что, Борис, было такое? Вы же сидели рядом с ним на той вечеринке.

Борис: Я не помню.

Игорь Ильич (*с печалью в голосе*): Не помните. Бывает, конечно... А, может, проблема не в памяти? Может, выгораживаете друга?

Борис: Забыл, и всё.

Игорь Ильич: Виктор – ваш друг? Да или нет?

Борис: Друг.

Игорь Ильич: Хорошо, что вы не отрекаетесь от него. Похвально. Уважаю. Настоящие друзья с нами всегда, всю жизнь. (*Резко меняя тон на агрессивный*) А про Польшу говорили?

Борис: Про какую Польшу?

Игорь Ильич: Братскую, социалистическую.

Борис: Извините, тоже не припомню.

Игорь Ильич (*более спокойно, вытаскивая другой лист*

из папки): Ладно, освежим вашу память. Вот, читаю: «В Польше военное положение только сейчас ввели, а у нас два года назад». Чьи слова? Что имелось в виду?

Борис (*пожимая плечами*): Откуда я знаю?

Игорь Ильич: Знаете, но сознаваться не хотите. Это тоже слова вашего друга Виктора Бердникова. Славного компанейского парня. Он про Афганистан рассуждал, про наш ограниченный контингент.

Борис: Кто вам писал?

Игорь Ильич: Не имею права называть. Секретное донесение.

Борис (*медленно повторяет за ним*): Донесение...

Игорь Ильич: Зря губы кривите. Думаете, ерундой занимаемся? Лучше бы шпионов ловили?

Борис: Ничего подобного.

Игорь Ильич (*самоуверенно усмехнувшись*): Меня не проведете.

Борис: Я нормальный советский человек, мне скрывать нечего.

Игорь Ильич: Вот именно – нормальный советский. Тогда зачем вам эта грязь? Вы кем работать будете после вуза?

Борис: Журналистом.

Игорь Ильич: Знаете, что Ленин писал про себя в анкете?

Борис: Из дворян?

Игорь Ильич: Журналист – вот что. На него равняться

надо, а не сплетни с анекдотами разносить.

Борис: Я не разношу.

Игорь Ильич: Друг ваш разносил – по наивности, скорее всего. Ему надо помочь, наставить на путь истинный.

Борис: Как помочь?

Игорь Ильич: Правильный вопрос. Я вам откровенно скажу: так же вызовем его и спокойно, мирно побеседуем. Мы верим, что человека можно исправить. Тем более, молодого.

Борис: Вызывайте, пожалуйста. Я-то здесь при чем?

Игорь Ильич: С вашей помощью мы можем установить, кто еще слушал, кого нужно вовремя спасти, предостеречь от глупостей. Идет идеологическая борьба. Либо мы их, либо они нас. Середины нет.

Борис: Ваш доноситель разве не пишет, кто слушал?

Игорь Ильич (добродушно): Доноситель – плохое слово, не люблю его. Информатор.

Борис: Информатор не назвал никого больше?

Игорь Ильич: Назвал. Но следует проверить. Вдруг ошибся? Мы не имеем права бросать тень на порядочных людей.

Борис: Я правда плохо запомнил. Честное слово.

Игорь Ильич: Для журналиста слабая память – прямо беда. Я вам подсказывать стану, а вы просто отвечайте, да или нет. Хорошо?

Борис опять мнетя на стуле, но не возражает.

Игорь Ильич (*сверяясь с бумагой*): Андрей Волгин, еще один ваш друг, присутствовал за столом?

Борис (*неуверенно*): Кажется, присутствовал. Но, по-моему, выходил, когда анекдоты травили.

Игорь Ильич: Замечательно! Вы уже начали вспоминать подробности. Действительно выходил?

Борис (*разводя руками*): Я не поручусь.

Игорь Ильич: Пойдемте дальше по списку. Елена Сенцова, подруга Андрея, сидела с вами?

Борис: По-моему, она далеко от нас села. Вряд ли что-нибудь слышала.

Игорь Ильич (*делая пометки карандашом на отдельном листке*): Так-так... Ну, а кто же сидел близко? Их ведь вы лучше должны помнить.

Борис: Должен. Но всё равно не помню. Выпил многова-то.

Игорь Ильич (*задумчиво*): Угу, теперь у вас новая тактика... В принципе не самая плохая. С пьяного какой спрос, верно?

Борис: Игорь Ильич, поверьте, это случайно произошло. Вообще, я за здоровьем слежу.

Собеседник Бориса резко встает за столом во весь рост. Одергивает пиджак, поправляет галстук.

Игорь Ильич (*кричит громко, как командир на плацу*): Встать! Быстро, кому говорю! Руки по швам!

Борис медленно поднимается со стула.

Игорь Ильич (*так же громко*): Ты надо мной посмеешься, гаденыш! Я тебе устрою концерт! А ну, докладывай, какую музыку играешь и с кем!

Борис (*запинаясь*): М-музыку?

Игорь Ильич (*чуть тише*): Передачки из Лондона слушаешь? Группку сколотили? Нравится западная культура? Хочешь, вместе с Бердниковым тебя оформлю, по одной статье?

Борис: Мы ничего западного не играем.

Игорь Ильич: И это проверим. (*Собирает материалы в папку, завязывает ее*). Вот, на тебе чистый листок и ручку. Вернись через двадцать минут. Перечислишь всех поименно, кто был на вечеринке и слушал Бердникова. Напишешь про каждого, как реагировали. Внизу – число и подпись. Понятно?

Борис горбится, опускает голову и молчит.

Игорь Ильич: Молчание – знак согласия. Время пошло! Всех поименно, разборчиво.

Действие третье

Кухня в старой московской квартире. На обеденном столе, укрытом белой клеенкой с изображениями подсолнухов, стоит бутылка с высоким горлышком из темного стекла, обмотанная бумажкой поверх пробки. Около бутылки – трехлитровая банка вишневого компота, открытая жестянка со

шпротами, начатая буханка черного хлеба на разделочной доске с ножом, распакованный плавленый сырок, три пузатые рюмки, граненые стаканы, вилки. Вокруг стола на табуретках сидят Андрей, Борис и Виктор, все в рубашках с застученными рукавами. По соседству, на газовой плите – большая кастрюля и еще две поменьше. Проводное радио на стене фоном исполняет песню «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз...».

Андрей берет бутылку, снимает бумажку, прихваченную резинкой, вытаскивает пальцами пробку и разливает по рюмкам жидкость медового цвета. Виктор в темпе режет хлеб и намазывает на него ломтик плавленого сырка. Борис накалывает на вилку мелкую рыбью тушку.

Андрей (*заговорщически подмигивая*): Для разминки, пока одни?

Виктор: Это что у нас в посудине?

Андрей: Посылка из дома. Наливка местного производства, по рецепту предков.

Борис: За что пьем? За наступающий восемьдесят второй рановато.

Андрей (*с чувством*): Я предлагаю за дружбу. Так сложилось, что мы с первого курса вместе. В одной комнате жили, когда в колхоз на картошку ездили, в один умывальник в очереди стояли...

Виктор (*перебивает*): Ё-моё, мы картошку выключили?
(*Кидается к плите*)

Борис: Я выключил, сиди.

Андрей: Так вот, о нас. Из-за тебя, Витька, сбился. Вечно ты суетишься... Буду краток: пусть наша дружба сохранится несмотря ни на какие обстоятельства. Куда бы судьба не забрасывала!

Все трое чокаются и пьют до дна. Запивают компотом из стаканов, наспех закусывают кто чем.

Виктор (*прикрикивает*): Эй, не переедаем, терпим до банкета!

Андрей: Борь, ты почему такой кислый? Неприятности всё-таки в универе?

Борис: О жизни задумался.

Андрей (*жуя*): О ней поменьше задумываться надо. Берись и делай то, что считаешь важным.

Борис: А ты, например, что считаешь важным?

Андрей: Я? Хочу реализовать себя сполна. Делать то, что получается, и добиться максимального результата.

Виктор: В комсомоле?

Андрей: Почему нет? Дальше, может, и в партии. Комсомол чей резерв?

Борис: Журналистика, значит, не особо притягивает?

Андрей: Журналистика – это средство. Когда я был в девятом классе, мою заметку напечатали в областной газете. Ерунда, конечно, детский сад, ничего серьезного, тема пустяковая... но я подумал: вот он, шанс. Решил, поеду поступать в Москву. На прием ходил к высокому начальству, ре-

комендацию выпросил.

Виктор: Не сдал бы ты вступительные на пятерки, и грош цена той рекомендации.

Андрей: Ты прав... и не совсем прав. Я не один все пятерки получил. У кого-то еще были медали, у кого-то вообще ничего, кроме знаний. А я бумагу от обкома привез и выложил на стол перед комиссией. Что перетянуло? Думаю, не зря хлопотал.

Борис: Я эту историю ни разу не слышал.

Андрей: Я ее и не рассказывал никому.

Виктор: Интересно как... Со мной по-другому было.

Борис: Ты вроде медалист.

Виктор (*серьезным тоном*): Откровенность за откровенность. Меня в кино страшно тянуло, в режиссеры. Собирался во ВГИК.

Андрей: Ого! Лавры Бондарчука покоя не давали? Или Феллини с Антониони?

Виктор: Мне Годар больше нравился.

Борис: Почему не собрался?

Виктор: Я даже документы подал, но элементарно испугался. Родители узнавали через знакомых про конкурс, там даже с моей медалью шансов было кот наплакал. Ну, и выбрал вариант понадежнее.

Андрей: Жалеешь?

Виктор: Уже нет. Это детская мечта была.

Борис (*подливая всем троим еще по чуть-чуть из вы-*

сокой бутылки): Моя мечта – на телевидении работать, в Останкино. Хочу туда пробиться.

Виктор: Как же музыка?

Борис: Музыка – это хобби. Но, вообще, как получится. Вдруг когда-нибудь музыкальный телеканал откроют?

Андрей (*хохочет*): Фантазер ты наш! Музыкальный канал... Разве лет через сто.

Борис (*с воодушевлением*): Напрасно смеешься. У телевидения огромный потенциал, только он пока не вполне раскрыт. Образовательные программы, научно-познавательные, фильмы о путешествиях – всё в начальной стадии. Можно развивать и развивать.

Андрей: Дорогое удовольствие. Боюсь, государство не потянет.

Виктор: Нет, ну а что? Если уж мечтать, то ни в чем себе не отказывать. Лично я так считаю. Рано или поздно наступят другие времена. Старики уйдут, и мы сумеем что-то изменить.

Андрей: Ты сейчас про каких стариков?

Виктор: Сам знаешь, про каких. Я верю в лучшее. Мы же молодые.

Борис: Я тоже верю. Или хочу верить. В конце концов, кому, как не нам?

Андрей: Тогда за мечту по пять капель! Вздрагнули! Друзья снова чокаются и пьют.

Андрей (*приобнимая Бориса и Виктора за плечи*): Гря-

нем нашу любимую?

Раздается долгий пронзительный звонок во входную дверь квартиры.

Акт второй

Действие четвертое

Комната в богатом загородном особняке. Огромный роскошный камин с березовыми дровами внутри и антикварными часами на полке. Ультрасовременная барная стойка с бокалами и наполовину пустой бутылкой красного вина, с высокими стульями возле нее, стеллаж с другими разнокалиберными бутылками. Кремовый кожаный диван с набросанными на него мелкими подушками, медвежья шкура на паркетном полу, большой плазменный телевизор на стене. У телевизора перемигивается огнями шикарно убранная ёлка. За окном размером во всю стену падают снежинки. Тихо играет джазовая мелодия.

На диване, среди подушек, откинулся в расслабленной позе мужчина лет шестидесяти в хорошей рубашке в мелкую клетку, вельветовых брюках и мягких домашних туфлях. У него на лице трехдневная щетина, на голове густые волосы с проседью, челка на лбу. На носу – очки в тонкой оправе.

Раздается долгий пронзительный звонок, точь-в-точь как в дверь квартиры в предыдущем действии. Мужчина берёт

лежащий с ним рядом на диване смартфон, сначала внимательно смотрит, кто звонит, потом включает его на громкую связь.

Голос в смартфоне (*бойко говорит молодая женщина*): Боренька, приветик!

Борис (*немного устало*): Привет-привет!

Голос: Ты как там? Жив-здоров? Дома всё хорошо?

Борис: Да, порядок. Вы как? Отпраздновали?

Голос: Ой, замечательно просто! Пальмы, жара... Салют обалденный был!

Борис: Ваньке понравился?

Голос: Он вообще в восторге! Спит сейчас.

Борис: Поцелуй его за меня.

Голос: Конечно. Пойду в бассейн пока.

Борис: Окунись за меня тоже.

Голос (*игриво*): Чмоки-чмоки!

Борис кладет смартфон на диван, встает и подходит к барной стойке. Вынимает пробку из бутылки, наполняет один из бокалов. Держа бокал в руке и, выпрямив спину, как на официальном приеме, приближается к окну.

Борис (*громко, с нескрываемой иронией*): Что, Борис Палыч, с наступившим две тысячи двадцать вторым годом от Рождества Христова?

Звонко чокается с оконным стеклом и медленно пьет. Снова звонит смартфон.

Борис (*прислонив трубку к уху и не выпуская недопитый*

бокал из руки): Алло, друг!.. Спасибо, тебя тоже... Думал, ты в Дубае... Тоже остался?.. Ну-ну... Представляешь, сегодня вспоминал вас обоих... Да, тебя и Витьку... Заезжай, конечно. Не вопрос!

Неподвижно стоит у окна. Свет в комнате на некоторое время гаснет. Когда он опять загорается, зрители видят другое окно, в учебном корпусе МГУ, с видом на Лужники и панораму Москвы. Около подоконника – трое друзей в молодости, сорок лет назад. У всех явно взволнованный вид, особенно у Виктора с растрепанной шевелюрой.

Андрей (*возмущенно*): Так мы чёрт знает до чего докажемся! Может, за мысли уже начнем наказывать?

Борис (*саркастически*): Мысли обязаны быть только восторженными, Андрюша.

Виктор (*меланхолически*): Ребята, я бы на вашем месте осторожнее болтал.

Андрей: Да с какой стати осторожнее? В уставе ВЛКСМ черным по белому написано, что должны быть критика и самокритика.

Борис (*обращаясь к Андрею*): Ты как член комитета можешь теперь что-то сделать?

Андрей: Я на собрании предложил ограничиться строгим выговором, вы сами слышали. Но там всё решили заранее.

Борис: Где «там»?

Андрей: Будто не знаешь, где. Как маленький.

Борис: Сдаваться нельзя. Надо попробовать обратиться

в райком. Напишем заявление, пообещаем взять на поруки, перевоспитать у себя в коллективе или еще что-нибудь.

Виктор (*очень спокойно*): Борь, не суетись. Это пустой номер.

Борис: Что значит «не суетись»? Вся твоя жизнь рушится!

Виктор: Так уж и рушится... Из универа пока не исключили.

Борис (*с сомнением в голосе*): С последнего курса вряд ли выгонят.

Виктор (*иронически*): Видишь, тут же всем полегчало.

Андрей: Тебе стоило сразу покаяться. Мол, не ведал, что творил, напился. На жалость надавить. Хотя если проект уже подготовили... Эх! (*Кривится, машет рукой.*)

Виктор: Правда, я не очень понимаю, как исключенный из комсомола журналист будет работать в советской редакции.

Борис: Ну, есть же, допустим, беспартийные сотрудники...

Виктор: Вахтеры, уборщицы...

Борис: Не смешно.

Андрей: Вить, соберись. Мы на твоей стороне.

Виктор: Спасибо, ребята.

Борис: Я накидаю примерный текст обращения, вместе его отредактируем. Дальше соберем подписи всех, кого сможем. Преподавателей тоже подключим. В райкоме не примут

– пойдём в горком. Ты же наш человек!

Андрей: Давайте чуть подождем с обращением.

Борис: Почему?

Андрей: Я эту механику лучше тебя знаю. Можем сделать хуже, разозлим кое-кого.

Борис: Сидеть на пятой точке, что ли?

Андрей: Нет. Просто собрание – только первая инстанция. Вдруг райком не утвердит? Если что, и в ЦК потом апелляцию подадим. Дескать, не были обеспечены товарищеское внимание и объективность.

Виктор: ЦК меня точно спасет.

Андрей: Твой язык тебя и довел до беды!

Борис: Перестаньте оба. Давайте еще между собой перегрыземся, а?

Андрей: Ты прав.

Виктор: Предлагаю взять тайм-аут до завтра. Соберемся где-нибудь и решим на свежую голову.

Андрей: Отлично! (*Жмет ему руку, Борис тоже.*)

Свет гаснет снова, а когда загорается – на сцене та же комната с ёлкой в особняке. Легкий стук в дверь морзянкой, затем в комнату уверенным шагом входит грузный мужчина, ровесник Бориса, в темно-синем деловом костюме и светло-голубой рубашке без галстука, с расстегнутым воротом стойкой. Он стрижен под полубокс и гладко выбрит. Борис поднимается ему навстречу, дважды обнимает, прижимаясь щекой к щеке, хлопает по спине.

Андрей: Телевизионному деятелю искусств – наше депутатское с кисточкой!

Борис: Мимо проезжал, что ли? Десяти минут не прошло.

Андрей: Навещал кое-кого в твоей деревне.

Борис: Загадками говоришь, Андрей Валентинович.

Андрей: Время такое.

Борис (*криво ухмыляясь*): Загадочное?

Андрей: Давай тяпнем за Новый год, а потом всё прочее обсудим.

Действие пятое

Деревянная беседка во дворе загородного особняка. На дальнем плане видна натуральная ель и кусок высокого темно-зеленого забора с колючей проволокой по верху. Снег продолжает падать. Борис и Андрей в теплых фирменных куртках, первый в оранжевой, второй – в ярко-синей, оба без головных уборов, капюшоны с меховой опушкой откинута.

Андрей: Что в твоих кругах слышно?

Борис: Ничего конкретного.

Андрей: Ты же ходишь на всякие закрытые планерки.

Борис: Меня редко зовут. Мы в политику не лезем, у нас развлекательный контент.

Андрей: Борь, кого ты лечишь? Политика сейчас везде.

Борис: Андрюш, я уверен: ты больше меня знаешь.

Андрей: Какое там больше... Нам прямо на заседании могут повестку поменять.

Борис: Значит, я тоже слухами питаюсь.

Андрей: Слухи всё-таки есть?

Борис: В основном взаимоисключающие.

Андрей (*тяжко вздохнув*): У нас тоже.

Борис: Но я подстраховался бы на всякий пожарный.

Андрей: Это как?

Борис: У тебя же в Испании что-то имеется?

Андрей: У одного меня, что ли? Все покупали, и я вложился.

Борис: Аналогично.

Андрей (*тревожно*): Ты продал, что ли?

Борис: Выставил. Риэлтор занимается.

Андрей: Охренеть.

Борис: Потом, если вдруг что, поздно будет пить «Боржоми».

Андрей: А заливаешь мне, что от политики далёк.

Борис: Я босса только по телевизору вижу.

Андрей: Мы в такой же ситуации.

Борис: Вот тебе и депутатский статус...

Андрей: Ну, статус приговора всё равно. Я же заслуженный ветеран парламентского цеха. Аксакал.

Борис: Орден дать не планируют?

Андрей: Издеваешься?

Борис: Даже не думал.

Андрей: Не до ордена, жила бы Родина.

Повисает пауза. Борис рукой собирает снег с перил беседки, лепит снежок. Потом неловко бросает в сторону ели, промахивается.

Андрей (*шутливо*): Теряешь навык.

Борис: Лишь бы другие не потерять.

Андрей: Какие у вас творческие планы? Что покажете зрителям в новом году?

Борис: Сериал запускаем, первый сезон с перспективой продолжения. Из интимной жизни олигархов.

Андрей (*в притворном ужасе*): Мать честная!

Борис: Выложим всё про падших женщин, которые охотятся за богатствами миллионеров. И миллиардеров, естественно.

Андрей: Да вы отчаянные бунтари!

Борис: Режем правду-матку.

Андрей: Сами снимали?

Борис: На партнерских началах с одной студией.

Андрей: Бюджет пополам?

Борис: Таких интимных подробностей никому не раскрываю, прости.

Андрей: А помнишь, как мечтал о музыкальном канале? О новом телевидении – про путешествия, открытия?

Борис: Ты случайно не ясновидящий?

Андрей: В смысле?

Борис: Я же говорил – вспоминал вас, увидел сегодня во

сне. Тебя и Витьку Бердникова. Чётко так, будто на машине времени переместился.

Андрей: Что делали?

Борис: Спорили о чем-то. Но не зло, по-дружески.

Андрей: О чем?

Борис: Не отложилось. Я вообще обычно сны забываю.

Андрей: Жалко Витьку.

Борис: Ладно тебе. Спыхватился жалеть... Он поднялся круче нас.

Андрей: Из универа его тогда выперли.

Борис: А что мы могли? Письма эти коллективные, обращения – их никто и читать не стал, мне кажется.

Андрей: Время было такое.

Борис: Время в России вечно какое-то особенное.

Андрей: Извини, от кого я это слышу, Борь? От матери Терезы или диссидента-правозащитника? Ты со своим телеканалом – одна из опор системы. Уж если без дипломатии.

Борис: Как и ты со своими депутатами.

Андрей: Я не спорю. Кому-то надо эту работу делать. Тоже лепит снежок и метко бросает в верхушку ели.

Борис: Семья в порядке?

Андрей: Более-менее.

Борис: Про Ленку ничего не слышал?

Андрей: Вроде опять замуж вышла.

Борис: Ого! За кого?

Андрей: Бизнесмен какой-то, средней руки.

Борис: Бизнесмены молодых предпочитают, модельной внешности.

Андрей (*понимающе усмехнувшись*): Можно подумать, мы с тобой не предпочитаем.

Борис: Ну, дай Бог ей счастья.

Андрей (*накидывая капюшон*): Морозно что-то, зябко... Услышал я тебя насчет имущества. Приму меры.

Борис: Прими. Хуже точно не будет.

Андрей: Винцо классное в твоей коллекции, кстати.

Борис: Лет пятнадцать уже собираю со всей Европы. Сам привожу, коллегам заказываю.

Андрей: Надо себя баловать периодически. Генеральный директор ты или кто?

Борис: Генеральный, да. Почти гениальный. Пошли в дом, тяпнем еще.

Андрей (*повернув голову в сторону*): Глянь, кто это сюда идет?

Действие шестое

Снова комната с камином в загородном особняке. У барной стойки, не раздеваясь, расположились трое: Борис, Андрей и бритый под ноль полный мужчина их возраста, с оплывшим лицом. На мужчине – расстегнутая бобровая шуба до пят, из-под нее видны свитер и классические джинсы с яркими брендовыми кроссовками. Гость небрежно разлива-

ет вино по бокалам. Такое впечатление, что он уже навеселе.

Борис: Вить, ты реальный артист. Как тебя во двор пустили?

Виктор (*насмешливо*): Я слово волшебное знаю: «Пожалуйста».

Борис: А если серьезно?

Виктор: Моя охрана с твоей охраной знакома.

Борис: Но позвонить-то можно было? Ах, да... Некуда.

Виктор: Всё понимаю, трубки с собой не взяли. Конспирация.

Андрей: Зачем нам конспирация? От кого прятаться?

Виктор (*смеясь и подавая друзьям наполненные бокалы*): Не от кого прятаться в своей стране.

Андрей: Борис говорит, мы ему приснились. И тут я к нему приезжаю, и ты являешься. Мистика прямо!

Виктор (*подмигнув*): Небось обстановку разведываешь?

Андрей: Мы не на фронте, чтобы разведывать.

Виктор: Сегодня не на фронте, а завтра неизвестно.

Борис: Ты для красного словца или узнал что?

Виктор: Откуда мне что знать? Я скромный банкир, мое дело – финансы. Был когда-то собственником нефтяной компании. Сказали продать акции – продал. Я же всё понимаю, мне два раза повторять не надо.

Андрей: Жизнь научила?

Виктор: Она самая. А вот другой акционер чего-то недопонял, сейчас рукавицы вяжет.

Андрей (*напряженным тоном*): Лучше сменим тему.

Виктор: Можем сменить. Только предварительно по стограмм.

Борис: Какой тост?

Виктор: За встречу. Сколько лет мы все втроем не виделись?

Андрей: Много. Точно не скажу.

Виктор: С тобой еще в девяностые пересекались, а потом не довелось.

Андрей: Надо чаще.

Виктор: Пожалуй... Вот судьба и свела. Ну, будем!

Борис и Андрей отпивают понемногу. Виктор, запрокинув голову, осушает свой бокал до дна, будто рюмку водки.

Борис: Вспоминали мы твою историю.

Виктор: История знатная была. Хотите знать мое мнение? Всё к лучшему.

Андрей: Ты правду говоришь?

Виктор (*рассудительно*): Конечно. Что я поимел бы от журналистики? Писать я вообще не слишком любил, больше нравилось с людьми общаться.

Борис: Но как же...

Виктор (*перебивает*): Приключения мои? Ничего, даже на пользу пошли. В армию хотели забрать – откосил, в дурке полежал, как бравый солдат Швейк. Таксовал, билеты в Большой продавал с рук, джинсы варил... Зато узнал, что по чем. Кооператив открыл, другой, третий, после них – банк.

Потом ваучеры были, приватизация... Сами в курсе.

Андрей: Повторил бы?

Виктор: Повторять не хочу и детям не пожелаю.

Наливает себе полный бокал.

Борис (*осторожно*): Может, хватит?

Виктор: Тебе врачи запретили?

Борис: В разумных пределах позволяют.

Виктор: А я на них не оглядываюсь. Уже пожил свое.

Андрей: Рано выводы делаешь.

Виктор: Не рано, Андрюша. Я немножко иначе на всё смотрю. Веришь, даже с нефтянкой расставался без сожаления. Банк тоже оплакивать не стану, если накроется. Всех денег не загребешь, а в гробу карманов нет. Ваше драгоценное здоровье! (*Опять пьет залпом до дна, покачивается и хватается за стойку*).

Борис и Андрей, так и не отпив из своих бокалов, беспокойно переглядываются.

Андрей: Про бабки тебе виднее, наверное. У тебя их больше.

Виктор: Ты сам выбрал свой путь. Заодно и для меня постарался.

Андрей (*давится, чуть не расплескивая вино*): Что? Не понял...

Виктор (*спокойно*): Ты на пару с Игорем Ильичом.

Борис (*меняясь в лице*): С кем?!

Виктор: Борь, ты тоже не ослышался. Я всё знаю.

Борис (*запинаясь*): Д-давно?

Виктор: Лет двадцать уже.

Борис: Андрей? Он тут при чем? Не пойму...

Виктор: Что здесь непонятного? Андрей с первого курса, с самых первых дней сотрудничал с конторой.

Борис (*потрясенно*): Откуда...

Виктор: Игорь Ильич сам документы показывал. Собственноручно.

Андрей: Не может быть.

Виктор: Я даже твой оперативный псевдоним знаю: «Гостев». Гостем себя в Москве чувствовал?

Андрей опускает голову, молчит. Пауза явно затягивается.

Виктор: Про тебя, Боря, тоже знаю. Записку твою читал на имя Ильича. Наслаждался стилем.

Борис (*растерянно*): Записку?

Виктор: Ту самую. На вечеринке, дескать, нажрался в хлам и никаких антисоветских разговоров слыхом не слыхивал.

Андрей (*сдавленно*): Не верю про Ильича.

Виктор: Ильич был моей крышей, когда банк учреждали. Скорешились даже, он и поделился потом.

Борис: Я понятия не имел об Андрее.

Виктор: У меня к вам обоим претензий нет. В нашем возрасте друзей уже не выбирают.

Андрей (*недоверчиво*): Ты... ты сейчас опять серьезно?

Виктор: Абсолютно. Я же не знаю, на чем они тебя подловили. Ильич не сказал, а я не допытывался. Время было такое, ты прав.

Борис (*шумно вздыхая и отхлебывая прямо из бутылки*): Вот это мы хлопнули винца...

Виктор: Сорок лет прошло. Хотели принести пользу обществу, старались. Учились, крутились, женились, разводились, карьеры делали. Теперь опять о чем-то тревожимся, и так далее по кругу... Жизнь – это великая иллюзия.

Андрей: Про кино есть такая фраза.

Виктор: Она не только про кино. Что нами движет? Знаете?

Борис: Мечты?

Виктор: Верно. Они же иллюзии. Но без них нет человека, одна голая физиология.

Андрей (*беря и откупоривая еще одну бутылку*): За дружбу?

Виктор: Валяй, наливай. За дружбу несмотря ни на что.

Андрей услужливо наливает всем вина.

Борис (*истово*): Удивил ты меня, Витя, как никто никогда не удивлял.

Виктор: Я ведь режиссер в душе. Был и остался.

Андрей: А давайте споем? Нашу любимую, прежнюю?

Виктор: Только за!

Андрей (*запевает, дирижируя бокалом*):

*Я в мир удивительный этот пришел
Отваге и правде учиться...*

Борис и Виктор (разом подхватывают):

*Единственный друг, дорогой комсомол,
Ты можешь на нас положиться...*

Где-то на заднем плане, за кулисами, громко звучит оркестр. Хор гремит:

*Мы пройдем сквозь шторм и дым,
Станет небо голубым,
Не расстанусь с комсомолом,
Буду вечно молодым!*

ЗАНАВЕС

Из давних лет

Письмо президенту

Товарищ президент!

Я, наконец, решил написать Вам личное письмо. Признаюсь, в немалой степени меня побудило пойти на это Ваше последнее выступление по телевидению, в котором Вы снова так ярко и образно сказали: не думайте, мол, что президент от народа оторвался и сидит на двух стульях сразу – это, товарищи, не так.

Знайте у себя в Москве, что есть человек, всецело это мнение разделяющий (не то, конечно, о котором Вы вчера упомянули, а то, которое Вы сами тогда же высказали). Это, во-первых. А, во-вторых, спешу Вас предупредить, что по предстоящему Вашему ответу собираюсь определить дальнейший свой курс, и мнение рядового избирателя не может быть Вам безразлично – особенно если вдруг в новом Союзе решат Вас всё-таки снова избирать, на этот раз всем народом.

Не обижайтесь, Михаил Сергеевич, убедительно прошу: имейте это в виду.

Итак, по существу. Увы, без рассказа о себе не обойтись. Я попробую придерживаться максимально деловой формы, зная, что Вы заняты сейчас переходом к рынку. Так что по-

терпите немного.

Я родился в интеллигентной семье. Папа у меня доцент, читает курс научного коммунизма. Кажется, теперь это именуют историей социалистических учений, но не ручаюсь. Мама, посвятившая себя воспитанию детей (меня) – простой работник торговой сети. Сам я появился на свет в день, когда, как говорит папа, советскому народу объявили, что братская Чехословакия нуждается в помощи. Теперь, Михаил Сергеевич, не без Вашего вклада (не спорьте, я знаю, что Вы скромный) это у нас признано грубым нарушением международного права и вмешательством в суверенные дела. Видите, с самого начала что-то общее между нами?..

Потом, как указали Вы на двадцать седьмом съезде партии, наступил застой. Мы росли, как все дети. Я ходил сначала в детский сад, где меня учили рисованию, лепке из пластилина, пению хором под фортепьяно (к стыду своему, не знаю по сей день разницы между фортепьяно и пианино), а также познакомили с практическим применением эмалированного горшка. Играть я любил преимущественно в войну и, сидя на плечах у папы, дважды в год принимал участие в праздничных демонстрациях. Все махали бумажными цветами, и я махал.

Сейчас некоторые публицисты нам подбрасывают, что-де все были причастны, что ответственность, мол, коллективная: и тех, кто был внизу, и тех, кто сверху. Я это, как и Вы, отмечаю. Я тоже, как видите, был, так сказать, сверху. Опять,

между прочим, совпадение...

Продолжаю. Из детского сада я вышел вполне развитым ребенком. Умел бегло читать, сморкаться без напоминания и затвердил даже три или четыре матерных слова, принесенных в эту невинную обитель кем-то из приятелей, еще более развитым. За повторение их всуе я впервые в жизни был поставлен дома в угол, но не прошло и получаса, как подоспела реабилитация в лице бабушки.

Леонида Ильича Брежнева я помню неплохо. В журнале «Мурзилка», который выписывала для меня мама, мне еще в дошкольную пору довелось раскрашивать фломастером ту самую фотографию, на которой он целует в щеку пионера. Вообще, нужно заметить, не греша против истины, как некоторые: Леонида Ильича я совершенно искренне любил. Что было, то было. Как сейчас говорят, из песни слов не выкинешь. По-моему, и Вы как-то раз что-то похожее говорили, про песню.

Он был большой, с очень широкой грудью, на которой помещалось столько всего блестящего (это уже много позже я услышал неприличный анекдот про нее). И я тоже думал, как и папа, читавший газету «Правда», что за границей Леонида Ильича все уважают и боятся. Особенно так думал, когда смотрел трансляции парадов с Красной площади. Я, правда, не понимал тогда, почему лично мне должно быть от этого лучше, но лучше всё-таки было.

Когда Леонида Ильича везли в последний путь, я даже

немного прослезился, хотя считался уже большим. Отчего-то весь вечер потом казалось, что теперь обязательно нападут китайцы, которых ужасно много. Я глядел на политическую карту мира, купленную мне еще во втором классе, когда я зачитывался Жюлем Верном, приставлял к ней линейку и прикидывал, что до нашего города они вряд ли дойдут.

Таким образом, Михаил Сергеевич, и я был озабочен проблемой нормализации наших с Китаем отношений.

В школу я ходил простую, без всяких специальных уклонов. Учился легко, потому что имел хорошую память, и до седьмого класса даже тянул руку. Потом это стало неприлично. Как Вы справедливо отмечали, обществом овладела апатия. И я откочевал на предпоследнюю парту, решив, что немало достигнуто за истекшие годы, пора остановиться, выждать.

Лежа на диване, я предавался чтению детективно-загадочной и научно-фантастической литературы, начал сам записывать какие-то придуманные эпизоды на обрывках бумаги, а вскоре сошелся с одним из одноклассников на почве сходных интересов. Мы, начитавшись, лазали по окрестным огородам в поисках приключений. Зимой взялись отлавливать собак для подготовки настоящей, как у героев Джека Лондона, упряжки – и насобирали путями праведными и не очень штук пять: всех размеров и цветов, как писал по другому поводу Пушкин. Одну дворнягу, на наше счастье, трогательно

добрую, отвязали у кого-то прямо с крыльца. Собак запирали в сарае у приятеля.

Тем временем обнаружилось, что за посторонними хлопотами я едва не разучился производить простейшие арифметические действия с дробями и начал затрудняться извлекать квадратный корень из тридцати шести. Учителя забили в набат, и собачья эпопея остановилась. Мать моего соратника, женщина решительная, не без риска для жизни выпустила голодных зверей на волю. У самого соратника чуть погодя отыскивали стригущий лишай и упрятали его в больницу. На моем здоровье тот краткий, но славный период не отразился никак.

Подошел восьмой класс, и грянула еще более горячая страда. Ежедневно учителя не уставали напоминать нам, что учебу продолжают не все, и разгильдяев нам не надо. Модным стало слово «ПТУ», которым пугали, как в раннем детстве цыганами или милиционером. В ПТУ, которое мы называли «чушок», мне как-то не хотелось, и пришлось подналечь. Математику я сдал на «хорошо», а за сочинение на тему «Если тебе комсомолец имя, имя крепи делами своими» удостоился полноценной пятерки. Хотя, оглашая результаты, Аманда Фёдоровна, классный наш руководитель, с оттенком сомнения произнесла что-то про мою не туда направленную активность.

В общем, как Вы говорите, было не только негативное, были и другие стороны, и народ трудился.

Учиться дальше было заметно проще. Нас уже не пугали призраком ПТУ, а просто с тихой грустью в голосе бросали в минуты откровенности: «Выпустим тебя, тунеядца, и иди-ка ты себе куда хочешь».

Уверен, что в наши с Вами дни в этом, без сомнения, усмотрели бы скрытый демократизм и предвестие свободы выбора.

То было уже время Юрия Владимировича Андропова (его Вы тоже должны помнить). В нашей провинциальной школе в каждую речь принялись включать абзац про укрепление дисциплины и упоминать при этом ноябрьский, декабрьский и июньский пленумы ЦК. Директор и завуч, идя коридорами, смотрели так, будто им как раз и поручено укреплять, невзирая на потери. В пионерской комнате сменили один из портретов. Но дальше этого дело не пошло.

Прослышав от людей, что Андропов спуску не даст и порядок наведет, я тоже, как и все, обрадовался. До сих пор, если честно, не могу точно определить, почему.

В январе 1984-го под окнами нашего дома закрыли пивную, известную как «Мочалка». Расположенная рядом с баней, она была местом сбора районных алкашей. В феврале генеральный секретарь умер. Все сразу стали говорить про положения и выводы, содержащиеся в речи товарища Черненко. Твердили уже про один июньский пленум, где выступал Константин Устинович. Нам дали команду конспектировать эти положения и выводы, а пивную к майским праздни-

кам открыли снова. Я же, до того изучавший газеты от корки до корки, к политике заметно охладел. С той поры осталось ощущение чего-то стыдного, к чему как будто сам невольно прикоснулся.

Я уже сказал несколько слов о комсомоле. Знайте, Михаил Сергеевич, что и меня выдвигали на руководящие посты в этой организации. Сходство в наших биографиях поразительное!

В школьном комитете я ведал политическим воспитанием. Это потому, что мог без запинки, единственный в школе, произнести название города в Индии – Тируванантапурам, а еще знал, что Ливия на самом деле – Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия.

Я ходил на заседания, молчал или улыбался. Через год молчания сослался на неопытность, и в порядке естественной замены кадров был оттуда убран. Для меня уже настаивал период критического осмысления действительности, и я считал, что задавать вступающим вопросы о том, сколько орденов у комсомола, способен и попугай. На большее я до перестройки не замахивался.

Но, как Вы заявляли, идеи обновления пробивали себе дорогу.

Приблизительно в то же время я записался в спортивную секцию. Принялся ходить на тренировки по футболу и украсил свою комнату вымпелом «Динамо». Здесь, вопреки пессимистическим прогнозам родных и близких, я продержал-

ся довольно долго. Но оттого, что не мог заставить себя делать утреннюю гимнастику более двух недель подряд, поселял-таки сомнения в душе наставника и перестал попадать в основной состав.

Кончилось тем, что я благородно отошел в сторону, уступая дорогу подрастающей смене. И сейчас убежден, что спорт – не погоня за медалями, а средство развития личности...

Выйдя из школы с неплохим аттестатом, я поддался уговорам другого своего приятеля и отнес документы в университет, на истфак. Было смешно: что получится?

Приятель, полгода умиравший под гнетом репетиторов, испустил дух (я выражаюсь фигурально) на экзамене по обществоведению. Он спутал три составных части марксизма с его источниками. Я же, Михаил Сергеевич, отвечал на вопрос о Вашем докладе на апрельском пленуме. Помните, да? На том, который по инерции тоже сразу объявили историческим, а он потом и впрямь оказался таковым.

Слушали меня, как и Вас, Михаил Сергеевич, внимательно, с неподдельным интересом. А я даже развил ряд Ваших тезисов и заявил потрясенно молчавшей комиссии о необходимости борьбы за трезвость (эту борьбу, как известно, Вы провозгласили чуть позже). В пример я привел упомянутую выше пивную, опять закрытую в 1985-м. Провожая с экзамена, меня заверили, что одним из качеств историка я уже обладаю сполна – если иметь в виду язык, который, как толь-

ко что убедились комиссия, и впрямь без костей.

Странно, но я был принят. «Четверка» по обществоведению оказалась единственной против двух «пятерок». Но званием историка российского щеголять довелось недолго: принесли повестку из военкомата. Со второго курса, от латинских спряжений и афоризмов, я попал в героику суровых, как пишут иные корреспонденты, буден. Меры по усилению войск ПВО, принятые по Вашей, Михаил Сергеевич, инициативе, отразились и на мне. В первую очередь, усиление выразилось в покраске всего и вся в цвета, предусмотренные уставом. Наша часть потом мучилась головными болями, а я до сих пор не могу спокойно слышать само слово «краска». Еще была устроена побелка фасадов, мимо которых ожидался проезд нового министра обороны.

В день ожидавшегося проезда нас выстроили у дороги. Командир, полковник Портупеев, лично обшарил наши карманы на предмет положенных по уставу расчесок, военных билетов и носовых платков. Потом все очень долго стояли на солнцепеке, ожидая сигнала, что объект выехал. На прием пищи ходили посменно. Командир держался за левый бок. Ему оставалась пара лет до пенсии, и он рассчитывал прожить их без министерских проверок. Наконец, сигнальщик на повороте махнул красным флажком, и мимо, не сбавляя хода, пронеслась вереница «Волг». Свистел ветер, сияли полированные крылья. Портупеев отдал честь, сверкнув глазами, и мы едва успели проорать приветствие. При этом повар

Худайбердыев, тыча в меня кулаком из второй шеренги, шипел: «Давай, кричи, салабон! Нэ положено, что ли, да?»

На следующее утро выяснилось, что это был, оказывается, не министр, а кто-то из его заместителей, и направлялся он не к нам, а в соседнюю часть, к пограничникам. Побелка слезла с фасадов после первого дождя.

Впрочем, это штрих, а в целом, как Вы неоднократно подчеркивали, настроения в армии действительно здоровые, незаконно отсутствующих нет. Этому нас учил и замполит, капитан Долгоструев.

Что касается меня, то я хоть и не выбился в отличники боевой и политической подготовки, но сразу попал в число особо отмеченных командованием. Уволили меня в самый последний день, предусмотренный приказом, притом накануне ужина. Как отмечал, прощаясь, полковник Портупеев, не всякому встречному-поперечному выпадает в армии такая честь. Ее воистину необходимо заслужить...

Придя в себя и восстановившись по месту учебы, я попробовал окунуться в начавшуюся демократизацию. Разумеется, помня слова нашего замполита о том, что мы-то на гражданке и будем всё перестраивать.

Я ходил на все назначавшиеся в нашем городе политические манифестации, слушал каждого оратора. И у нас возникли свои демократы. Оказалось, что они были всегда, а после отмены 6-й статьи конституции оказалось, что их было очень много. Помню Ваши слова: вы только посмотрите, ка-

кое политизированное наше общество, вы посмотрите, как оно в движение пришло!..

Однажды, когда областную организацию «Демократического союза» в полном составе грузили в зарешеченный автобус, ко мне приблизился человек в плаще, из числа тех, которые обязаны быть похожими на остальных в любой толпе. Он тихо, но слышимо спросил: «Надо чего или как?» И я, немного подумав, отправился домой. Подобно Вам, я счел, что серьезные вопросы митинговыми кампаниями не решаются.

Так текла моя жизнь до того дня, когда я решил обратиться прямо к Вам. Товарищ президент! Я не прошу наград, не прошу жилплощади. Все мои мысли – о той работе, на которой я мог бы принести ощутимую пользу делу перестройки.

Михаил Сергеевич! Не сочтите за наглость, назначьте меня послом в Гондурас.

Пожалуйста, не падайте со стула (или с кресла; не знаю точно, что у Вас в кабинете). Это очень продуманный с моей стороны шаг. Всю ответственность я давно осознаю.

Вижу первое Ваше возражение: возраст. И очень хорошо, что я еще не стар! Моё преимущество – в отсутствии у меня стереотипов. Вы часто говорите: надо молодых двигать. А кто у нас вместо них? Один депутат сказал: мы, молодые, сорокалетние. Это и есть наша молодежь? Стыдно.

Предвижу второе возражение: про мою неподготовленность. Тоже могу возразить: главное – желание, остальное

приложится. Чингиз Торекулович Айтматов руководил себе журналом, писал романы, а сейчас посол в Люксембурге. Эта новость знаете как меня обнадежила? А возьмите товарища Разумовского – генерального консула в Шанхае. После секретарства на Кубани и народного контроля. Не боги горшки обжигают!

Между нами говоря, кто мог в свое время предположить, что Вас генеральным секретарем выберут? А ведь освоились. Мы за Вас так переживали, когда Вы свое самое первое интервью французам давали...

Спросите, почему Гондурас? Ну, в Албанию, я слышал, уже назначили человека. В Южную Корею, полагаю, дельный экономист нужен, в Саудовскую Аравию – востоковеда потоньше: там исламские святыни да плюс война вот-вот начнется. А в Гондурас я поехал бы. Эти латиноамериканцы – народ непосредственный, вечно молодой. Оценили бы.

Чтобы Вы знали: я на месте уже не сижу. Узнав, что Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе подписал установление отношений, я тут же собрался, пошел в библиотеку и взял книгу А. Б. Томаса «История Латинской Америки» и второй том «Народов Америки». Вечерами читаю, делаю заметки. С первого числа будущего месяца стану ходить на платные курсы испанского, а по-английски я уже сейчас несколько фраз вполне свяжу.

Соглашайтесь, не пожалеете. Это Вам и политический капитал приумножит: все увидят, что Вы с народом близки.

Договора о дружбе я Вам в первое время не обещаю, но декларацию можно будет составить уже вскоре.

Жду. Убежден в положительном ответе. Отдельный поклон Раисе Максимовне.

С дипломатическим приветом!

P.S. Если всё-таки по тем или иным соображениям кандидатура моя Вам не подходит, обеспечьте хотя бы пенсию рублей в сто, не больше. Вам должны вручать Нобелевскую премию, а мою стипендию инфляция подъела.

1990 г.

Что он обо мне думает

Бородулин стоял на остановке троллейбуса. Он ехал на вокзал, встречать двоюродную бабушку из Урюпинска. Подошел неизвестный гражданин в плаще, стал рядом и закурил. Бородулин поморщился: дыма он не любил. Неизвестный пустил колечко и поглядел на Бородулина.

«Что это он? – тут же подумал Бородулин. – Может, увидел что?»

На всякий случай Бородулин незаметно осмотрелся. Безрезультатно. Стало еще тревожнее. Гражданин в плаще достал вторую сигарету и снова поглядел на Бородулина.

«Не иначе, надо что-то, – решил Бородулин. – Хоть спросил бы».

Неизвестный молчал.

«На психа не похож, – размышлял Бородулин. – Интеллигентный, в плаще. Такие плащи только у интеллигентов».

Неизвестный усмехнулся.

«Обо мне думает, точно, – уверился Бородулин. – Только что?»

«Странный тип, – думал в это время неизвестный. – Минут пять уже на меня смотрит. Алкаш? Вроде нет. А может, и алкаш. Что он обо мне думает?»

«Что ж он обо мне думает? – разрывался Бородулин. –

Что?»

Неизвестный подошел чуть поближе.

«Ну?! – вздрогнул Бородулин. И решил, как отрезал. – Спрошу!»

–А... скажите, – произнес Бородулин, – вы... мне скажите... вот ВЫ мне скажите... (неизвестный насторожился) ... да! сколько времени?

–Простите, не понял.

–Ну, времени сейчас... сколько?

Неизвестный помедлил.

«Теперь точно, что-то он обо мне думает! – вертелось в голове у неизвестного. – Но что именно?»

–А у меня часов нет, – ответил неизвестный.

«Дело табак, – понял Бородулин, – он в самом деле обо мне что-то думает!»

«Зачем спрашивает, если видит, что часов нету? – с беспокойством думал неизвестный. – Сейчас просто так ничего не спрашивают».

Бородулина объял ужас. Ему вспомнились ежедневные сообщения МВД.

«Ширнет чем-нибудь, и крышка. Очень даже запросто. Зачем я троллейбусом решил поехать? Надо было такси заказать. Денег пожалел, придурок!»

Бородулин попятился.

«Что это он пятится? – заволновался неизвестный. – Сейчас просто так никто не пятится!»

«Опять думает, – догадался Бородулин, не отрывая взгляда от неизвестного. – Обо мне думает».

«Обо мне думает! – не сомневался более неизвестный. – ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Подкатила маршрутка. Выждав, пока слезет пожилой мужчина с ведрами, Бородулин стрелою кинулся к дверям.

–Ух ты, хам какой! – заверещала тетка в куртке с надписью Montana. – Очередь, очередь! Это что ж такое получается?!

Бородулин, не обращая внимания, сунул шоферу деньги.
–Скорее!

Маршрутка сорвалась с места. Уже за поворотом Бородулин, которого била нервная дрожь, заметил, что едет он совсем не в ту сторону.

«Ничего, – подумал он. – Главное – обошлось».

«Фу-у-у, обошлось! – думал в это время неизвестный, прислонившись в светлом плаще к пыльному столбу. – Но... что ж он обо мне думал?!!»

1990 г.

Только факты

Ведущий: Добрый вечер! В эфире информационная программа Крыжовинского государственного телевидения. Как обычно, мы объективно рассказываем зрителям о событиях недели и сообщаем только факты. А выводы можете делать сами.

Первый корреспондент: Крыжовинский губернатор Николай Цап-Царапин встретился вчера в Москве с главой президентской администрации Анатолием Чубайсом. Как нам стало известно из неназванного, но хорошо информированного источника в пресс-службе губернатора, Анатолий Борисович пообещал строго разобраться с теми, кто виновен в полугодовой невыплате денег крыжовинским пенсионерам. Ожидается, что в результате жестких и решительных мер отставание в выплате сократится с шести до пяти с половиной месяцев. Разумеется, это никак не связано с предстоящими выборами губернатора.

Ведущий: Тот факт, что наша власть постоянно в работе, как нельзя лучше подтверждает и следующий сюжет.

Второй корреспондент: Сегодня Крыжовинская область, как и вся страна, отмечала День сантехника. На торжественное заседание в разгар мероприятия прибыл губернатор Николай Цап-Царапин. С теплотой отозвавшись о простых тру-

жениках, чей образ давно стал частью народного фольклора, Николай Александрович подчеркнул: «Я – хозяйственник. Между нашими профессиями много общего. Надеюсь найти взаимопонимание со всем многотысячным отрядом вас и ваших коллег». Разумеется, это заявление никак не связано с предстоящими выборами губернатора.

Ведущий: Из города перенесемся в село. Там тоже, как выяснила наша служба информации, кипит бурная деятельность.

Третий корреспондент: Прямо на поле акционерного общества «Имени 25-го партсъезда» опустился вертолет губернатора Николая Цап-Царапина. Высокий гость лично ознакомился с процессом вспашки зяби, дав конкретные советы сельчанам. В эксклюзивном интервью нашей программе по завершении визита Николай Александрович сказал: «Я – хозяйственник. Зарплату никому не обещаю, но пахать будем много. Вижу, что нашел здесь полное взаимопонимание». Разумеется, этот визит никак не связан с предстоящими выборами губернатора.

Ведущий: Но что же всё-таки выборы? Совсем не упомянуть о них, конечно, нельзя. Поэтому предоставим слово эксперту. У нас в студии доктор эстрадных наук, профессор Святослав Портсигаров.

Профессор: Добрый вечер. Мы с уважаемым ведущим находимся в несколько неловком положении. Согласно закону, агитировать за или против кого-то нам нельзя...

Ведущий: Мы ведь не агитируем, мы сообщаем только факты. Так что вы можете говорить что угодно.

Профессор: Благодарю вас. Именно так я и собирался говорить. Но сперва давайте условимся из этических соображений не называть фамилии кандидатов. У всех должны быть равные условия.

Ведущий: Конечно-конечно. Мы тоже за равенство. Итак, ваш вывод?

Профессор: Я рискну сказать, что крыжовинцы выберут стабильность. Не буду перегружать зрителей научными терминами, отвечу просто: коней на переправе не меняют.

Ведущий: Огромное спасибо за, как всегда, глубокий и точный анализ. Мы с вами обязательно увидимся снова. Время нашей передачи, увы, подходит к концу. Остается еще прогноз погоды на завтра, но к нам в студию только что принесли телеграмму от губернатора Николая Цап-Царапина. Автор обращается ко всем синоптикам со следующими словами: «Несмотря на то, что я хозяйственник, призываю вас ежедневно радовать наших замечательных крыжовинцев только хорошими прогнозами». Как вы, наверное, уже поняли, с предстоящими выборами губернатора это абсолютно не связано.

1996 г.

Про молодежь?

Это не актуально...

Я очень люблю шефа, а шеф – меня.

В очередной раз это выяснилось в прошлую пятницу.

Шеф вызвал меня и сказал:

– Так. Надо сто строк в номер. На актуальную тему.

– Можно сделать репортаж о мусорках, – отозвался я.

– О мусорках не надо. Есть другая тема: выборы губернатора. Кандидат Шмусев встречается с молодежью.

Я сделал попытку увильнуть.

– Да что там писать? Каждый раз одно и то же.

– Вот и напиши что-нибудь оригинальное, – парировал шеф. – Кому жить в двадцать первом веке и всё такое... Ты же сам еще молодежь.

– А откуда информация? – тоскливо спросил я.

– Из Интернета, кажется. У Шмусева такие встречи каждую субботу. Пойди, уточни там, – и шеф махнул рукой.

Вахтеры и кондукторши, действительно, иногда называют меня «молодой человек». Это, пожалуй, единственное, что роднит меня с новым поколением. «Кандидат Шмусев, значит. Агитируем через Интернет. Прелестно», – думал я, выходя из кабинета. В коридоре меня поймал фотокорреспондент Васькин.

– Пошли, выпьем, – взял он быка за рога.

О ста строчках я вспомнил в субботу утром. Очень кстати обнаружилось, что блокнот я потерял. Телефоны штаба мне, в конце концов, сообщил приятель. Я решил начать, как водится, с пресс-секретаря.

– Алло, добрый день, – ответил женский голос, похожий на пресс-секретарский.

Я начал излагать суть.

– Кандидат сейчас в районе. Мы с удовольствием предоставим вам подробные сведения, как только вернется наша творческая группа, – перебил женский голос.

– Да мне про район не надо, – перебил я. – Мне про сегодняшнюю встречу с молодежью. Будет она?

В трубке установилась тишина.

– Это штаб кандидата Шмусева? – на всякий случай уточнил я.

– Давайте я соединю вас с приемной, – последовал ответ.

Специально для меня в трубке заиграло «Лебединое озеро». Потом раздался другой женский голос, похожий на секретарский.

– Слушаю вас. Очень приятно.

Я опять изложил суть. В приемной замаялись.

– Девушка, вы мне просто скажите, будет встреча с молодежью или нет, – попросил я.

– С молодежью?

– Ну да! И где и когда, если можно. А кандидат правда в

районе? Я могу и просто про него написать. Очень интересная личность.

– Одну минуту. Я уточню у руководства, – ответил голос.

Снова раздались звуки «Лебединого озера», но тут же пропали.

– Ну его на х... – слышался другой голос, мужской.

Я вздрогнул.

– Чего ему надо? – раздраженно продолжал голос, очень похожий на кандидатский. – Раньше надо было звонить! Где он был месяц назад? Молодежь какая-то... На кой они мне теперь?

– Алло, вы слышите меня? – подхватил женский голос.

Я опять вздрогнул.

– Да-да.

– Встречи с молодежью мы уже давно не проводим. А кандидат вернется из района ближе к вечеру. Вас соединить с пресс-секретарем?..

Утром в понедельник я доложил шефу о проделанной работе. Шеф вздохнул.

– Тебя только за смертью посылать. Ладно. Иди, пиши о мусорках.

– А кандидат Шмусев?

– Иди. Про мусорки актуальнее.

И я пошел.

2000 г.

Сам себе мэр

Хрюн: Я не знаю, Стёпка, куды мы приехали? И здесь выборы, ёшки-матрёшки!

Степан: Ничего смешного тут нет, Хрюнчик. Жителям этого славного города предстоит избрать главу местного самоуправления.

Хрюн: Кого-кого? Ты по-русски говори, косой! Мэра, что ли?

Степан: Мэра – это по-американски. А по-русски – главу. Глава – это производное от слова «голова».

Хрюн: Это что же получается, до выборов они все безголовые ходят?!

Степан: В твоей шутке, Хрюнчик, к сожалению, большая доля правды. Многие избиратели начинают задумываться только тогда, когда проголосуют.

Репродуктор на перроне: Ура, товарищи! Избирательная кампания вступила в решающую стадию! Теперь каждый может ознакомиться с подробной информацией о кандидатах!

Хрюн: Эй, кастрюля говорящая! Ты не про эту бумажку на столбе?

Репродуктор: Да, товарищ, про нее! Сведения проверены и утверждены городской избирательной комиссией!

Степан: Очень любопытные сведения. Вот самый первый

кандидат – по профессии следователь. И не простой, а по особо важным делам. Снова поход силовиков во власть!

Хрюн: Что сказал, ты сам-то хоть понял? Читай дальше: «депутат». Он и так во власти давно!

Степан: Ну, судя по биографии, не очень давно. Хотя откуда у бывшего следователя миллион рублей для залога – вопрос, конечно, интересный...

Хрюн: А после его важных дел! Ха-ха-ха-ха!

Степан: Я бы на твоём месте не был столь категоричен. И потом, есть же, например, кандидаты-бюджетники без значительных средств. Вот – директор школы. Тоже, кстати, депутат...

Хрюн: Такой мэр точно всю работу завалит! Тех чиновников, кто не справится, будет на второй год оставлять, и всё – кранты городскому хозяйству!

Степан: Зря ты иронизируешь. Есть и руководители-практики. Пожалуйста: начальник департамента по деревенским и хуторским делам.

Хрюн: Каким-каким?!

Степан: Деревенским и хуторским. Ведает жизнью и бытом городских окраин.

Хрюн: Слушай, там нет того, кто ведал бы этим местом, где мы с тобой стоим? А то грязища, прямо как в тубзалете!

Степан: С тобой невозможно серьезно разговаривать! А ситуация очень тревожная. Четвертый кандидат – между прочим, потомственный казак – прямо так и пишет: «Не сда-

дим город мафии!»

Хрюн: Ага, лучше заберем его себе! Ха-ха-ха-ха!

Репродуктор: Вы не правы, товарищ! Борьбе с коррупцией на современном этапе придается решающее значение!

Степан: Мне лично по душе пятый кандидат в списке. Открытое, мужественное лицо. И программные положения звучат актуально: за честную политику и подъем рождаемости.

Хрюн: Для подъема рождаемости, Стёпка, им лучше сразу кого-нибудь из Китая пригласить. У нас на базаре всё давно китайское, теперь будет и мэр-китаец! Одним рисом его можно будет кормить.

Степан: Я не понимаю, неужели наш народ не достоин лучшей участи? Хорошо, есть, в конце концов, мастер спорта по баскетболу. Был на тренерской работе, потом ушел в бизнес. Может, пора дать нашему предпринимательству проявить себя?

Хрюн: Городом управлять – это тебе не за мячиком бегать. И даже не от налоговой инспекции, дурья твоя голова! Так что давай, не заговаривайся!

Степан: Тогда остаются коммунисты и «партия власти».

Хрюн: Обожди, а кто ж там от коммунистов?

Степан: Надо отдать должное, незаурядный кандидат. Начинал с комсомола, потом проводил линию партии на производстве. Отвечал за снабжение, а кроме того, почти профессионально занимается альпинизмом.

Хрюн: И благодаря этому самому альпинизму взобрался

на Пик коммунизма! Ой, Степка, не питаю я доверия к таким альпинистам! Как бы этим твоим горожанам от них ледуробом по башке не получить...

Степан: Значит, твой выбор – «партия власти» со своим единым кандидатом. Он, кстати, тоже начинал с комсомола. Ведал по очереди сельским хозяйством, благоустройством и культурой. Играет на аккордеоне и мастерски поет.

Хрюн: Ну, ты мощно задвинул! У них тут не город, а культурно-оздоровительный ансамбль какой-то!

Репродуктор: Аполитично рассуждаете, товарищ! Построение властной вертикали – важнейшая задача сегодняшнего дня!

Степан: Я боюсь, Хрюнчик, в этом ансамбле всё в руках дирижера.

Гудок электровоза.

Хрюн: Кажись, отправляемся! Залезай, а то опоздаем!

Степан: Но что же посоветовать жителям славного города?

Хрюн: А что слышали! Пускай сами себе мэрами побудут – в смысле, с головой подружат хоть раз в году!

Степан: Внушает!

2004 г.

Сон в президиуме

Вице-спикер депутатского собрания от оппозиционной фракции Алексей Александрович Индюков стал Валерием Витальевичем Шеиным. Не фамилию в паспорте поменял через ЗАГС, а натурально перевоплотился в председателя правительства области. Как произошло такое переселение душ, науке пока неизвестно, но сбылась давняя голубая мечта Индюкова.

Подкатил новоявленный Шеин к «белому дому» на персональной машине. Идет по коридору, все с ним почтительно здороваются. Мелочь, а приятно – Индюкова тут всерьез не воспринимали. Осмотрел кабинет: ничего, гораздо просторнее прежнего. «Но ремонт всё равно надо будет сделать, несолидно мне в старых интерьерах сидеть».

Долго радоваться не пришлось: началось совещание по проекту бюджета на будущий год. Открыл папку – в глазах зарябило от цифр. Поелозил в кресле, выпил водички, чтобы успокоиться. Раньше общими фразами обходился. «Но то Индюков был, а я Шеин», – успокоил себя председатель-оппозиционер.

Стал вспоминать партийную программу. «Сколько у нас намечено шагов к светлому будущему?» Не припомнил точно, подозвал личного помощника. Хорошо, что хотя бы од-

ного смышленного оставил, остальных шибко умных давно уволил. «Это же не я увольнял, а Индюков», – мысленно уточнил нынешний Шеин.

Примчался помощник, принес брошюрку с серпом и молотом. Когда-то сам экс-Индюков так резво бегал: то помощником, то партийным депутатом при старших товарищах из обкома, листовки с критикой режима разносил. Наконец добежался. «Хотя каким депутатом-помощником? Я не Индюков, а Шеин».

Полистал. «Требуем повысить... Настаиваем на увеличении... Необходимо наращивать...» Одна агитация, тезисы брали с потолка. Ладно, мелочиться не будем. Достал ручку с золотым пером. Так, дадим денег селянам, местному самоуправлению, молодежи... Короче, как можно больше на всё.

– Не многовато расходов берем на себя? Доходов не хватит, – осторожно заметил главный финансист.

– Я счетоводом второго разряда был, знаю, – возразил премьер. «Индюков был, не я», – запоздало пронеслось в голове.

– Давай не на пять, а на пятьдесят процентов расходы увеличим. И миллионов сто на офицеров запаса подкиньте, я сам после сборов офицером числюсь, – распорядился теперешний Шеин.

– Где же взять? – поразился финансист.

– Откуда я знаю? Поищите! Кто из нас финансами ведает, я или вы?

Пригорюнился подчиненный.

– У меня брат в Москве депутат Госдумы, без пяти минут уполномоченный по правам животных. Если что, через него решим вопрос, – утешил его Шеин-Индюков.

«Чёрт, вырвалось как неудачно. Это у Индюкова брат в Госдуме, а я Шеин. Всё равно решим как-нибудь».

– Завтра доложите о результате! – скомандовал красный премьер.

Так и надо руководить. Главное – не колебаться.

Потом он принимал делегации. Приветствия Индюков читал, как привык, по шпаргалкам. Всё равно несколько раз запнулся на слове «дифференцированный». Для восстановления сил отобедал прямо в кабинете. А затем в здании наступила странная тишина. Абсолютно все помощники запропастились куда-то. «На протестной работе», – сообщила секретарша.

– Где-где? Кто отпустил?

– На митинге они, теперь это так называется.

«Я их сам всегда отправлял, когда был вице-спикером, – осознал Алексей Александрович, ныне Виталий Валерьевич. – Я? Нет! Шеин я, не Индюков! Какая протестная работа?» Выругался: ну и нелепое же словосочетание. Потом припомнил – это ведь цитата из его собственной листовки.

Побежал в одиночестве по кабинету – одышка началась. Даже позавидовал подтянутому, спортивному Шеину. «Тьфу! Шеин – это я. Точка!» Глянул на часы: скорее бы до-

мой...

Под окнами тем временем поднялся шум. То был митинг, на который ушли все его помощники. Пришлось и премьеру выйти на улицу, а бумага для шпаргалок в «белом доме», как назло, кончилась. И купить не на что – бюджет не утвержден. За бюджет на этот год не голосовал вице-спикер Индюков и других депутатов призывал. «Гад этот Индюков, такую свинью мне подложил. Стоп, это я Индюков. Или всё-таки Шейн?»

Люди без зарплат остались, ответа требуют. Премьер откашлялся, поправил прическу. Толпа гудит, напирает.

– Товарищи! Знаю ваши нужды, помню о вас...

А дальше что? Надо выкручиваться.

– Наш губернатор...

«Ой, зря про губернатора брякнул, я же системная оппозиция». Закрыв рот и сообразил вроде.

– Индюков виноват, не я! У него... то есть, у меня почетные грамоты есть, – понял, что сморозил не то.

Проснулся он в президиуме, весь в холодном поту.

– Тише ты, Алексей Александрович. Не храпи, в микрофон слышно, – сказал ему на ухо сосед.

«Как хорошо, что я не в правительстве, – с облегчением подумал вице-спикер. – Всё-таки трудно быть Шейным, если ты Индюков».

2019 г.

Сколько весит бронезилет

Алексей Яковлевич потянулся.

Рассвет уже глядел в окна его квартиры на четвертом этаже блочного дома номер семнадцать по улице Коммунаров. Будильник, отрезвонив, как всегда, затихал на столике рядом, подергиваясь и полязгивая. Было шесть утра.

Алексей Яковлевич сосчитал до десяти, подобрал в легкие свежего воздуха из открытой форточки и ногами отшвырнул одеяло. «Подъем!» – скомандовал он себе и соскочил на пол. Ковер на полу был приятно пушист, как домашний кот Трибунал. Алексей Яковлевич взмахнул руками, попрыгал поочередно то на правой, то на левой ноге и, не мешкая, облачился в спортивный костюм с трилистником «Адидаса». Костюм в меру согревал, но не душил. Обмотав цепочку с ключами вокруг запястья, Алексей Яковлевич сбежал вниз по лестнице.

Улица встретила неизменной прохладой. Солнце только-только позолотило кроны тополей, окружавших дом номер семнадцать. Прохожих не было видно, хотя из какого-то окна уже неслась музыка. Жильцы начинали пробуждаться.

Алексей Яковлевич от самого подъезда взял хорошей рысью, так что в ушах засвистал, заструился ветер. Городок, на самой окраине которого стоял его дом, остался у него за спиной. Под ребристыми подошвами кроссовок захрустел гра-

вий проселочной дороги. Раз-два, раз-два! Мерно работали необходимые части тела.

Вслед за лучами, пролившимися на желто-зеленые, подернутые росой поля, Алексей Яковлевич добежал до белого домика КПП. Там угрюмый солдат-дежурный щеткой сметал мусор с высоких ступенек. На прибежавшего он посмотрел, как обычно, пусто и не отвернулся. В армии так, в общем, часто смотрят.

– Луньков, живее лапками перебирай! – весело крикнул Алексей Яковлевич, поворачивая обратно. – Надо будет кроссом с тобой заняться!

Луньков изобразил ответную радость, энергичнее замахав щеткой. Заискрилась пыль на солнце.

По завершении пробежки (ровно три километра, как положено) Алексей Яковлевич без остановки взлетел к себе на этаж. Живо встал под душ, сполоснулся – теплой, разумеется, водой – изредка для пушего эффекта пуская холодную струю, произвел обтирание полотенцем, побрился тут же, достав из коробочки новое лезвие, и щеки «Красной Москвой» спрыснул. Приятно пощипало.

Часы показывали 6.45. С сожалением про себя отметив, что сегодня нет времени позаниматься с гантелями, Алексей Яковлевич заправил постель, укрыл ее сверху полосатым пледом и кликнул с балкона кота.

Трибунал, встречавший зарю, потерял о его ноги и немедленно устроился умываться в уголок. Через пять минут на кух-

не он требовал своей доли. Коту в мисочке поднеся рыбы, а себе разогрев вермишели с жареной колбасой (жена оставила с вечера), Алексей Яковлевич взял служебные талмуды. Там незаполненными оставались две или три страницы с какими-то ежемесячными таблицами, которых ни один нормальный штабист не читает, но с нижестоящих требует. Над такой отчетностью Алексей Яковлевич регулярно подшучивал, и не беззлобно, при этом точно и в срок таблицы те заполняя.

Кофе он проглотил, не заметив – как раз добивал последнюю сводку. Вспрыгнувший на колени Трибунал недоверчиво косился в исписанные графы, елозил хвостом. Спугнув кота, Алексей Яковлевич с треском захлопнул тетрадку, прошитую суровой ниткой, забросил документацию в «дипломат» и сдернул с вешалки форменный китель. Пора было спускаться к автобусу, в половине восьмого прибывавшему за офицерами. Утешив за ухом зверя, оставляемого наедине с мебелью, Алексей Яковлевич запер дверь на все три оборота. Супруга должна была вернуться нескоро. Служила она в казенном учреждении в районном центре. Не имевшая, как и сам Алексей Яковлевич, богатырской стати, она с детства отличалась таким же непреклонным характером. В ее учреждении, где тоже носили форму, за непреклонность ценили.

Одновременно с появлением автобуса у дальнего подъезда Алексей Яковлевич перешагнул последнюю ступеньку. Уже во дворе его нагнал Евсеев.

– О, Яклич, привет! Как жизнь? – и полетел дальше на ходульных своих ножищах, отмахиваясь длинными руками, так что неизвестно как держалась у него подмышкой красная кожаная папка.

Алексей Яковлевич тонко улыбнулся. Ай да замполит! Ай да Пётр Федосеевич! Знаем, и солдаты над тобой давно посмеиваются. Несолидный у Первого заместитель по политической части. Настоящим заместителем всегда был он, гвардии подполковник Санько, командир седьмого дивизиона. И в это раз, видимо, ему за Первого оставаться на все сроки дней отпуска. Сегодня и приказ должен быть, кстати. А Пётр Федосеевич как скакал жирафом, так и поскачет. Под его, Санько, командою.

Обменявшись приветствиями с сослуживцами – бодренько, с шутками-прибаутками, с умеренным матерком – Алексей Яковлевич занял привычно место: там, где в гражданских автобусах сиживал раньше кондуктор. Достал свежий номер познавательного журнала. К яркой обложке из хорошей бумаги приятно было прикоснуться. Кроме кота Трибунала, Алексей Яковлевич питал невероятную слабость к периодическим изданиям: и к толстым литературным сборникам писательских союзов, и к таким вот занимательным, живым путеводителям по экзотическим странам, по сказочно далеким морям, по запутанным тропкам таинственных случаев мировой истории. А всю свою службу, между тем, провел этот человек среди сонных здешних озёр и болот, на объ-

екте, зашифрованном позывным «Маяк» – всю, от зеленого лейтенанта, прибывшего с предписанием из Саратова, до сидящего подполковника. И до пенсии три года, и нет надежд на повышение.

Два его вечных маршрута были: домой, на Полтавщину, и в казахстанские степи, на полигон – стрелять из ракетных комплексов по мишеням. И в Москве-то был он по-настоящему лишь однажды, не считая случаев, когда проездом с эшелонном. Так и живем, как приговаривает Михайлов, его комбат. Он был одним из немногих, кто относился к журнальной слабости командира с уважением и, кажется, пониманием. Журналы с картинками и без них отчасти заменяли другую, как казалось старожилам «Маяка», настоящую жизнь.

Алексей Яковлевич читал про гибель самолета Линь Бяо в небе Монголии до тех пор, пока автобус не заголосил у ворот части. С большим сожалением он оторвался от журнала, спрятал его обратно в «дипломат» и выглянул. Как всегда, «уазик» Первого стоял уже напротив караульного городка, а дежурный офицер сопровождал гвардии полковника Пескарёва по вверенной ему территории. Дежурный согласно кивал при виде неубранных окурков и бумажке, отмечаемых командованием.

«...в рот! Спит твой наряд, а?» – донеслось до автобуса. Шуточки стали затихать, офицеры полезли наружу строить-

ся.

Хмуρο послушав, как Пётр Федосеевич докладывает, Первый поковырял ботинком землю и, ни слова не говоря, дважды обошел ряды. Алексей Яковлевич, едва ли не лучше всех знавший повадки Пескарёва, догадался, что не всё ладно в хозяйстве, и...

– Санько!

– Я, товарищ полковник!

– Кто сегодня в карауле?

Алексей Яковлевич всё понял до конца.

– Мои стоят.

– Ты что, правда думаешь, что они стоят?

Алексей Яковлевич по опыту своему промолчал.

– Это они-то стоят, говнюки твои?!

– Вчера заступили.

– Б...! Какая мне разница, когда они заступили? Алексей Яковлевич, чего молчишь? Бойцы твои спят на посту, – Первый побагровел. – Это какой случай у тебя?

– Второй, что ли.

– Третий! Третий за две недели, – Первый без церемоний плюнул в канаву. – Как всё понимать прикажешь?

В строю злорадно помалкивали. Завистников и недоброжелателей у Алексея Яковлевича хватало. Капитан Гафаров на правом фланге ядовито, одними глазами, улыбался. Опять Санько дерут, отличного командира.

– Что они у тебя, положенных часов не спят? Яклич?

– Как же не спят! Своего никогда не упустят, товарищ командир.

Тон разговора немного смягчился. Санько свою командирскую дозу получил, настаивал теперь его черед от своего уже имени задавать жизни своим же подчиненным. Алексей Яковлевич перемену эту враз уловил и перешел на неуставное «товарищ командир», которое Первому нравилось.

– Значит так. Со своим джигитом разберешься. Он у тебя на кухне сейчас, посуду моет. Начальником караула займись! Баранов твой сам с сонной рожей ходит, а мы чего-то от солдат хотим, – Первый снова поковырял ботинком землю, стараясь вылущить одну-другую гальку. – И это... на инструктаж караула сам теперь будешь ходить. В крайнем случае посылай зама.

Первый повысил голос.

– Всех касается, товарищи офицеры! Приказ комбрига, ясно? – и после паузы. – Теперь по поводу учений...

Алексей Яковлевич перевел дыхание.

Изнасилование (даже поглубже называли это дело на «Маяке») закончилось. «Ну, мало я драл, – подумал Алексей Яковлевич, пока Первый снова прохаживался, озирая ряды. – Точно говорят: опупели бойцы. Ничего, исправим! Всё в наших руках. А с Баранова пора и по комсомольской линии спросить, как свой долг исполняет старший лейтенант».

Поговорили про учения. Первый повторил всё, что уже раньше слышали, напомнил о бдительности, снова приведя в

пример уснувшего солдата, повторил для закрепления бородатый анекдот и велел разойтись по подразделениям.

Дивизион ждал Алексея Яковлевича у казармы. Комбаты, начальники отделений и расчетов, на полшага опередив командира, впорхнули в строй. Алексей Яковлевич, блеснув очами, задорно крикнул: «Животики подобрали!», и без перехода, сразу комбат Михайлов скомандовал:

– Р-равняйся! Смирно! – и занес руку для рапорта.

– Вольно, вольно! – Алексей Яковлевич сверкнул золотым зубом и поставил «дипломат» у бордюра. – Что, службу дальше несем?

– Товарищ подполковник, – замялся Михайлов.

– Да ладно, Николай Александрович, знаем уже, всё знаем... Так держать! Молодцы! – Алексей Яковлевич крутанулся на каблуках. – Кто у нас отличился?

– Садыев, товарищ командир.

Михайлов знал, что Алексей Яковлевич подобное обращение тоже любит.

– Вот, одни и те же, одни и те же... Старшина!

– Я, товарищ гвардии подполковник, – сержант Пазухов подался лицом вперед.

– Слушай боевую задачу. Как только боец всю посуду помое, снимаешь его с наряда и посылаешь ко мне.

– Менять его в наряде, товарищ гвардии подполковник?

– Да. Буду сам воспитывать, – Алексей Яковлевич хихикнул, в упор глядя на дивизион. – А для всех в четырнадцать

ноль-ноль, перед обедом, кросс. А с кросса – на полосу препятствий, – и опять хихикнул, заметив тоску во многих лицах. – Я из вас рейнджеров сделаю!

После энергичной постановки задач и команды «Разойдись!» строй начал ломаться. Потопала в затылок друг другу в составе трех человек радиотехническая батарея (прочие были в карауле и нарядах). Через минуту тронулась и вторая батарея, стартовая. Отдельно побрели офицеры, рассчитывая попасть на автобус, отъезжавший в направлении главного КП.

Алексей Яковлевич преднамеренно задержался у входа казарму, попинал решетку для чистки обуви, углядев под нею конфетный фантик и бычок. Еще раньше зоркий глаз его заметил порванную стельку на дне сточной канавы. Состав преступления был налицо.

Подождав еще малость и окончательно взлелеяв кипевшую уже минут пятнадцать (после получения позорного известия) ярость благородную, он пронзительно завизжал:

– Днева-а-а-льный!

Вылетел перепуганный гвардеец, придерживая между ног штык-нож. Глаза его блуждали, избегая командирского кинжального взгляда.

– Ну! – Алексей Яковлевич дернул его за штык-нож. – Заправься!.. Вот, и на солдата похож. (Дневальный замер). – Отвечай теперь!

– Что-то отвечать?

– Обязанности почему не выполняешь?

– К-какие?

– Что, устава давно не учил? Мне с тобой заняться? –

Алексей Яковлевич топнул ногой.

– Я учил...

– Плохо! Еще учить будем.

– Сейчас?

– Зачем сейчас? Сменишься, поужинаешь, к завтрашнему дню подготовишься, потом программа «Время», потом прогулка, песню споешь, на поверке постоишь, а потом и учить начнем. Я сегодня ответственный, остаюсь в ночь, так что нет проблем! – Алексей Яковлевич снова хихикнул, сверкая зубом.

Дневальный поник.

– Разрешите идти? – надеясь втайне, что забудет, хотя еще случая такого не было, чтобы забыл.

– Стой, вместе пойдем. Показывай, чего ты еще наворочал!

Взошли в тамбур, отделявший крыльцо от коридора. Алексей Яковлевич уверенно протянул руку вправо и, проведя ею по стене, сдернул крючок. Распахнулась дверца в шкафу, где содержались щетки, тряпки и прочие уборочные принадлежности. Достаточно было одного моментального взора, чтобы определить: бардак.

– Ёб...ый карась! – тут же зашелся командир, угрожающе

приплясывая. – Гадюшник развели! Выгребай!

Дневальный руками потащил барахло, пробуждая дремавшие запахи. Звякнув дужкой, упало ведро, проливая мыльную пену. Избегая дневального, Алексей Яковлевич ногами нанес по ведру несколько метких ударов. На звон вроде колокольного, о пожарной тревоге, высунулся из столовой напротив дежурный – прапорщик Голубь.

– Ёб...ый карась! – еще крикнул Алексей Яковлевич, довершая разорение.

Прапорщик успокоено спрятался.

– Где второй дневальный? – заорал командир.

– Завтракает, – отвечал несчастный, думавший недавно, что раз ночь пережили, значит, главное позади.

– Какого х... он завтракает, когда не убрано? Дежурный по дивизиону где?

– Тоже завтракает.

– У вас тут что, ресторан? Страх потеряли? Кто дежурный?!

– Младший сержант Киселёв.

– Он долго у меня дежурным будет! В пять вечера сниму, а в шесть обратно заступит!

Побушевав еще немного, выкинув всё из тумбочки дневального (обнаружились крошки от печенья) и наказав скоблить металлический порожек, чтоб сиял, Алексей Яковлевич проследовал в собственную канцелярию. Открыв «дипломат», он разложил бумаги и стал точить карандаш. Опу-

стившаяся затем тишина, которую нарушал один визг штык-ножа о порожек, продлилась недолго. Загремела решетка для обуви и раздались шаги, потом шушуканье.

– Ну, иди сюда, Киселёв, – Алексей Яковлевич показался в дверях канцелярии. – Заходи, рассказывай.

Киселёв помялся, оправляя форму. На лице его написано было совершенное недоумение: как рассказывать? для чего? стоит ли? было бы, о чем... Глаза излучали простоту и усердие.

– Крючочек застегни, – ласково продолжал Алексей Яковлевич, обходя кругом стол.

Киселёв истоиво содрогнулся: как он мог забыть? такое забыть?? поразительно! Пальцы его сами взбежали к воротничку, мгновенно исполняя приказание.

– Во-от, молодец-то какой, – сахарно резюмировал Алексей Яковлевич. – А я думаю, кто у нас отличник? Кого на отпуск представлять? А вот он – отличник, вот кого представлять надо... Видишь, командир какой старый стал. Убивать пора. («Пора», – ответили глаза Киселёва). Да-а... Дверь за нами закрой, дневальный, – пропел Алексей Яковлевич, беря в руки метровую линейку.

Дневальный повиновался. И остался рядом, слушать.

– Ух ты, молодец какой, – донеслось еще тише. Стало совсем тихо. Гудя, пролетела из спального помещения муха. И...

– Ёб...ый карась!!! – Рёв командира слился с хряском ло-

маемой об стол линейки. – Лычки сорву! Самого на кухню пошлю!

Дневальный отпрянул. Вошедший старшина Пазухов только головой покрутил, шевельнув губами, и поспешил в каптерку. Знал, что следующая очередь – его. Через пять минут, когда припрятано было кое-что ценное, разнесся крик:

– Старшина-аааа!

Пазухов показался.

– Я, товарищ гвардии подполковник.

– Ты как нарядом руководишь? – Алексей Яковлевич встал на цыпочки, делаясь страшнее. – Они тебе скоро на голову сядут!

Помытарив и старшину, вместе с ним совершив ревизию в каптерке и не найдя ничего криминального, Алексей Яковлевич подобрел.

– Один ты у меня на уровне, – доверительно сказал он старшине. – Уйдешь вот, и куда я без тебя?

Пазухов всем видом показал: жалко. Служить ему оставалось до осени.

– Может, пристрою на дембель в первую партию, – тихо пообещал Алексей Яковлевич, – как лучшего сержанта. Что там у тебя?

– Ведомости на летнее обмундирование.

– Ну давай, трудись.

Выставив Киселёва, Алексей Яковлевич остался один в

канцелярии. Гнев его совсем остыл. «Снимать наряд или оставлять? – думал он. – Ладно, позже решу. Время есть. Посмотрим, как поведут себя».

В дверь постучали.

– Да!

Снова старшина.

– Товарищ гвардии подполковник, Садыева привел.

– Запускай.

Садыев ступил боязливо, сдернул пилотку с головы.

– Надеть! – скомандовал Алексей Яковлевич. – Ты что, в церкви?

Садыев надел и ослабил правую ногу в колене.

– Смирно стой! Не рассыплешься, – Алексей Яковлевич усмехнулся. – Что, бессонницы не бывает?

– Нэ бивает бэссонница, – с трудом ответил Садыев. И умолк.

– Ну, постой тогда. Подумай, – и Алексей Яковлевич открыл книгу нарядов. Полистал страницы за последний месяц. Отметил про себя несколько фамилий. Выйдя в коридор (дневальный на тумбочке перестал дышать), покрутил ручку телефона.

– «Маяк», – буркнула трубка.

– Первую батарею седьмого дай.

После паузы ответил сам комбат.

– Майор Михайлов, слушаю.

– Николай Александрович, Горюнова подошли в казарму.

Дело есть.

– Что, насовсем?

– Видно будет.

– Хорошо.

Воротясь, Алексей Яковлевич поглядел на Садыева.

– Подумал?

– Нэ знаю... зачем стоять, – так же лаконично ответил нарушитель, перейдя опять в положение «смирно».

– Верно, незачем стоять, – подтвердил Алексей Яковлевич. – Пошли!

На улице он приказал:

– Иди к пруду, стой там. Я подойду.

Понаблюдав, как Садыев ковыляет вдоль продовольственного склада, Алексей Яковлевич окликнул:

– Стой! – и спросил, приблизившись. – Чего хромаешь?

– Нога натёр. В караул нога натёр, – объяснил виновный. – Сапоги узкий, новый.

– Давай, выполняй, – подумав, сказал командир. – Там бегать не нужно.

Сгонявший на стартовую батарею дневальный привел Ахмедова, который дремал перед этим в ангаре с ракетой. Тарасов оказался в карауле. А Горюнов, последний из короткого списка, мысленно составленного командиром, прибыл позже всех, не шибко торопясь.

– Ага, подошел, – улыбкою встретил его Алексей Яковлевич.

– Я больной, – невозмутимо сообщил Андрей.

– Лечить будем! – ободрил командир.

Собрав всех троих за оградой у пруда, он измерял что-то ногами, пошептал, загибая пальцы, и откашлялся. Предстоял объем работ. Команда разгильдяев нацеливалась на срочный проект, вытекавший из приказа Первого. Вообще, командирам, и Алексею Яковлевичу в их числе, каждый день выпадали дела совсем невоенного свойства. Проще говоря, сугубо хозяйственные. В саратовском училище ни о чем таком и речи не вели, объясняя про зону поражения, да про углы обстрела низколетящих целей. До житейских материй бывшие курсанты доходил потом сами, уже в офицерском звании, открывая тут целые материки. Починка дряхлеющего забора, вырубка кустарника на позиции, рытье новых канав, засыпка дороги щебнем или – краски для казармы достать, или – шиферу привезти... Ко всему имел прямое отношение командир дивизиона. А еще железных уголков запasti, да ставни в караулке поменять. Ох, не любил такой мелочи Алексей Яковлевич, но приходилось вникать. Служба!

Как почти всякий (это он так думал) боевой офицер, полагал он хозяйственные хлопоты злостной растратой времени и сил, отвлечением от полноценной подготовки личного состава. «Солдат – не рабочий!» – иногда хотелось крикнуть ему на совещаниях у Первого, где потоками изливались новые планы: покрасить, выкопать, сколотить... Но персональ-

ный успех, а также расположение Первого он всегда ценил выше других понятий. И, будем откровенны, беспокоили его не тяготы солдатские, а дивизион в целом как единица: сумеет ли боевую задачу выполнить? не завалит ли службу? не подведет ли его, командира? А уж потом значились и вымпелы переходящие, и грамоты, и благодарности в приказах по части. Не зря портрет Алексея Яковлевича на стенде висел рядом с управлением бригады. Хороший такой, и седины еще не видно.

Но, увы, сказывалась ли его нелюбовь, а, может, место было такое, несчастливое, но хозяйство в седьмом дивизионе шло кое-как. Забор валился после каждого настоящего порыва балтийского ветра. Канавы быстро засорялись. Крышу конопатили чуть не ежемесячно, а ставню в караулке вчера оторвало с мясом. К тому же для предстоящего ремонта, кажется, не хватало обоев, и Алексей Яковлевич готов был волосы на себе рвать, помня, что два рулона выманил у него зам по тылу Трошук. Он, зам по тылу, не далее, как в прошлом месяце, уволился. Навсегда.

Ненавидимое хозяйство мстило, как могло. Желчь переполняла Алексея Яковлевича при одном слове «работы».

...Так вот, предстояло отрыть яму для того, чтобы захоронить сортирные нечистоты. Чертеж составил в голове у Первого за время прошлого обхода хоздвора. Всё дерьмо, согласно его стратегическому замыслу, обязано было стечь по специальной наклонной канавке, а потом солдатики (любим-

мое словечко Первого) землю забросают. Хотя Первый не уточнял, само по себе очевидно было, что дерьмовую миссию выполнять должны солдаты нерадивые, малосознательные, службы до сих пор не понявшие. То есть, по-ученому говоря, физический труд заключал в себе и воспитательную функцию («Не доходит через голову, дойдет через ноги!»).

Всё это предельно кратко разъяснил своим тунеядцам Алексей Яковлевич, доведя в заключение и требуемые размеры: двадцать пять на двадцать шагов, а в глубину – пять штыков лопаты. Стеночки ровные, и землю далеко не разбрасывать.

Тунеядцы помолчали перед такой отнюдь не тунеядческой задачей.

– Тут камней полно, – сказал наконец Горюнов, единственный, кто мог связно возразить.

– Камни тоже не разбрасывать, – откликнулся Алексей Яковлевич, улыбаясь.

– Не сделаем за сегодня, – добавил Горюнов.

– Ночью поработаете, – эхом отозвался командир, еще слаще улыбаясь.

– А мы не в наряде, – пустил пробный шар Андрей.

– Считать нарядом, – лаконично ответил гвардии подполковник, потеряв ладошки.

Джигиты Ахмедов и Садыев по восточному обычаю всё молчали. Горюнов продолжал:

– А наряды на работы отменены, товарищ подполков-

ник, – тщательно выговаривая это «подполковник» без «гвардии», он знал, что дискуссия ведется впустую, но приступить к рытью, не попререкавшись, не хотел.

– Кто тебе сказал? – удивился Алексей Яковлевич.

– Не практикуются, – поправился Горюнов.

– А мы попрактикуем! Что неясного?

– Так ведь по уставу...

– Что «по уставу»?

– Восемь часов положено спать.

– Ну? Положено, говоришь? Это вы знаете, что кому положено... Это да! Службу кто нести будет?! – взревел Алексей Яковлевич, подступая к Андрею, так что грудью чуть не уперся ему в бляху. – Кого я в караул пошлю, а?

– С лопатой? – тихо обронил Горюнов.

– Ёб...ый карась! Тебя Родину защищать послали, вот бери лопату и дуй! Надо будет, руками говно перетаскаешь! Умный какой! – Алексей Яковлевич подпрыгнул, понуждая Горюнова отпрянуть. – Будешь копать?

– Я больной, – вспомнил Горюнов.

– Что у тебя болит?

– Нога.

– Ты кто, боец молодой? Натёр?

– Порезал.

– Где порезал?

– Вы уже видели.

– У фельдшера был?

– Что он тебе сказал?

– Терпи.

– И всё?

– Повязку наложил.

– Я тебе сейчас... лопатой наложу! Освобождение дал?

– От чего?

– От х... моего! От нарядов.

– Обещал рассмотреть.

– Что-о-о?

– У него там больных много. Зашивается парень.

– Горюнов, до греха не доводи!

– Не довожу.

– Работать будешь?

– Что смогу, пожалуйста.

– Я тебя на губу отвезу.

– А яму копать?

– Пока не сделаете, спать не уйдете, – Алексей Яковлевич повернулся через левое плечо. – Сегодня я ответственный, каждый час проверять буду!

И пошел, подпрыгивая, как в минуты крайнего раздражения. «Вот мерзавец! Знает, что не ударю. Нарочно измывается. Ладно, – решил Алексей Яковлевич, поддавая ногой по входной двери, – увидишь небо в алмазах!».

– Днева-аааа-льный!

Гвардеец выскочил с тряпкой.

– Почему на тумбочке никого нет? Почему дверь в пят-

нах?!

Исходя из вышеизложенного, можно было бы заключить, что Алексей Яковлевич – совершенно измотанный человек с разбитой нервной системой. Отнюдь! Именно такую жизнь он полагал единственно правильной. Громить, распекать, пещочить, забрасывать нарядами было его, без преувеличения, любимым делом. Даже, наверное, не сама дисциплина, а ее неустанное, железное поддержание являлось для него целью всего движения. В самом деле, он так привык стегать своих нерадивцев, что сделайся они в одночасье отличниками боевой и политической подготовки, почувствовал бы себя обойденным и отвергнутым, в положении буквально лишнего человека.

Нет, хорошо знал Алексей Яковлевич: хоть армия и слывет пока образцом организованности, полного порядка никогда в ее рядах не настанет. А значит, и необходимость иметь такого, как он командира, тоже не исчезнет – никогда.

Подкинув еще задание суточному наряду – бритвенным лезвием скоблить нечистый кафель в умывальнике, Алексей Яковлевич остался постоять на крыльце, посматривая время от времени, чтобы дневальный с тумбочки не удрал на подмогу товарищу. Солнышко начинало припекать, высушило росу на лужайках. Промычала корова на хоздворе. Прапорщик Голубь в белой курточке дежурного курил у запасного входа в столовую.

Взгляд Алексея Яковлевича, планомерно, как луч радара, исследуя окрестности, уперся в согбенную фигуру, приближавшуюся со стороны кочегарки.

– Стой! Сюда иди!

– Товарищ подполковник, я за плоскогубцами ходил, – гвардии рядовой Яценко откровенно заныл, выставя под нос командиру ржавые, как и весь дивизионный инструмент, клещи. – Старшина послал.

– Чьи плоскогубцы?

– Наши.

– А откуда несешь?

– Из восьмого.

– Опять кому попало раздаете? Что мне, старшину драть? – Алексей Яковлевич прищурился пуговичным глазом. – Отвечай!

Яценко смешался, понимая, что старшину подставлять нельзя: ради собственного блага.

– Ну?!

– Это я давал...

– Кому? Зачем?

– Просили...

Алексей Яковлевич хорошо ухватил Яценку за левое ухо. Яценко, шуплый солдатик (видно, его почитал за эталон Первый), вечно чумазый, с обкусанными ногтями и плаксивым лицом, уронил тихую слезу мученика.

– Ой, ну това-арищ подполковник...

– Куда мне тебя девать? Куда?! – Алексей Яковлевич брезгливо отпустил ухо и руку вытер об Ященкины штаны. – Опять на кухню посылать? Умрешь ведь.

– Я в караул могу...

– Ой, не смейся. Вон, такие же караульные дерьмо черпают. К ним захотел?

Ященко пошмыгал носом, без слов показывая, что он не такой.

– Ты же «дед», Ященко. Не стыдно? Я тебя и хлеборезом ставил, и в кочегарку, и в каптерщики вот записал. В наряды почти не ходишь. Я, говоришь, всё могу. Где оно, умение твое? На руки свои посмотри: ты же их по месяцу не моешь, они все болячками изошли! Как человек с такими руками хлеб может резать? Как?! Тут половина подразделения околеет!.. А в кочегарке что было?

Ященко совсем понурился.

– Как дежурный по части ни зайдет – спит Ященко! Будить начинают, а он кочергой капитану Гафарову чуть в лоб не засветил. Думал, в каптерке образумится, Пазухов его воспитает... Воспитал! Спелись со старшиной, да? Ты на шухере стоишь, пока он дембельский альбом делает, а он за тебя все прикроватные тумбочки заново нумеровал. Ведь у Ященко – руки! он банку краски извел. Он только может портянки вонючие собирать. Другие к себе в дивизион тащат, а Ященко последние плоскогубцы за здорово живешь соседям отдал.

Алексей Яковлевич прервался и глотнул воздуха.

– Может, в скотники тебя определить? Да хотя какой ты скотник, – подполковник только рукой махнул. – Жил-то в городе, на пятом этаже. Знаешь, с какой стороны к корове подходят? А к быку?

Ященко засопел, выуживая грязь из-под ногтей.

– Руки опусти! – Алексей Яковлевич хлопнул его по пальцам фуражкой. – Отвечай, что мне с тобой делать?

– У-у-у, другим всё можно, – затащил Ященко, глазом кося на входную дверь.

– Кому это можно? – понизил голос Алексей Яковлевич.

Ященко опять потупился.

– Вон Горюнову...

– А что – Горюнову?

Ященко снова покосился, нет ли кого.

– Ну, приемник слушать.

– Какой приемник? – подобрался Алексей Яковлевич.

– Есть у него.

– Может, не его приемник? Брал у кого?

– Его, его! Кто ж так часто давать будет?

– А что слушает?

– Не знаю. «Голос Америки» или Швецию, наверное.

– У себя, на батарее?

– Где же еще... Конечно.

– Точно?

– Да точно, – Ященко сделал попытку перекреститься.

– Сам видел?

– Не, от других слышал. Разве он покажет?

– От кого слышал?

– Фокин говорил.

– Тебе говорил?

– Что вы! Нет. Корешу своему.

– Бочкареву?

– Ему. Вчера, когда в караул собирались, – доложил подробности Ященко.

– Так... Больше ничего?

– Ничего.

– Ну, пускай. Дальше службу неси.

– А в скотники?

– Какие скотники? – удивился Алексей Яковлевич.

– Вы меня в скотники обещали.

– Ты что, дурной? Шучу я. Ты мне здесь нужен.

– Спасибо, товарищ подполковник, – голос Ященко окреп.

– Иди давай, старшина заждался. Хм, скотник! – Алексей Яковлевич фыркнул.

Ященко с инструментом испарился.

Алексей Яковлевич вернулся в канцелярию. Всё его существо пело. События развивались стремительно, и ночь в дивизионе обещала быть нескучной.

Что касается профилактики неуставных взаимоотношений, а также присмотра за обстановкой в коллективе вообще – кто чем дышит, чем живет, то Алексей Яковлевич был

сам себе особый отдел. Контроль за личным составом выступал вторым коньком в его упряжке, наряду с поддержанием дисциплины. Конька этого Алексей Яковлевич холил и лелеял, как родного. Чтобы хорошо командовать, нужно знать, а чтобы знать, нужно изучать. Примерно таким мог быть девиз гвардии подполковника.

Не жалея времени и усилий, возводил он собственную систему слежки. Не брезговал собственноручно лазить по карманам, шарить по всем закоулкам батарейных капониров. Содержал обычно двух-трех осведомителей – стукачей, грубо говоря, проводил их регулярные опросы. От природы весьма наблюдательный, он подмечал малейшие детали в поведении солдат, сопоставлял, анализировал. Почтальон Репейников, по секретному уговору, давал ему на ознакомление интересующие письма. То, что заслуживало внимания, педантично отмечалось в домашней картотеке.

Информация не пропадала втуне: на ее основе Алексей Яковлевич, не переставая, вел воспитательную работу. Поскольку дни были заняты – боевой и строевой подготовкой, обслуживанием матчасти и тому подобным, на воспитание оставалась главным образом ночь. Почти каждый раз, оставаясь ответственным по дивизиону или начальником расчета при боевом дежурстве, Алексей Яковлевич заранее готовился воспитывать.

А воспитывать он умел. И хотя сам Алексей Яковлевич срочной службы избежал, пройдя в училище с первого раза,

с лейтенантских лет он усвоил простую истину: солдату в пограничном дивизионе больше всего не хватает еды и сна. Ради них воин ПВО на всё пускается. На этих, вместе с общественным мнением, трех китах и строился его фирменный подход.

Провинившийся... или не провинившийся, а так, нужный для подобного случая человек заводился после отбоя в канцелярию (на боевом дежурстве по обороне Союза ССР отсылался на позицию, за полтора километра). Алексей Яковлевич, приятно улыбаясь, ставил его в положение «вольно», сам садился за стол, открывал документацию и работал. Время шло, а воспитуемый стоял.

По истечении первого часа Алексей Яковлевич с сожалением откладывал перо и спрашивал:

– Ну как, понял теперь?

Ответ обычно бывал таким:

– Что понял?

На что Алексей Яковлевич сокрушенно покачивал сединами и молвил грустно:

– Значит, не понял.

Если уж очень умный попадался воспитуемый, отвечавший «Понял!» без малейшего со своей стороны понятия, Алексей Яковлевич невозмутимо продолжал:

– Что ты понял? Рассказывай.

Воспитуемый тогда пускался в пошлые признания, ровно ничего не стоившие: и устав обещал чтить, и отцов-команди-

ров слушать, и в отличники скоро выйти. Алексей Яковлевич на это морщился.

– Устав, говоришь... А ты открой его. Небось, и в руках не держал.

Воспитуемый брал священную книгу.

– Давай с присяги начнем, коли ты жить сначала собираешься. Наизусть можешь?

Присяга обычно с грехом пополам одолевалась.

– Ну, что ж, бывает хуже. Теперь – обязанности солдата!

Обязанности солдата (матроса) в уставе занимали больше страницы, и никто их обычно всерьез не спрашивал. А потому никто особо не заучивал и не знал. Как-то без них по два года служили.

– Вот и приехали, – незло подытоживал Алексей Яковлевич. – Изучай. Изучив, доложишь.

Изучали подолгу: обязанности шли туго. Проходил еще час.

– Готово? – спрашивал Алексей Яковлевич, утверждая очередную ведомость.

– Готово, – наудачу бросал гвардеец.

– Рассказывай. Слушаю.

Зашивались, как правило, на втором или третьем параграфе.

– Как же ты, а? Не годится. Учи еще.

Учили еще. Проходило полчаса. Алексей Яковлевич доставал кипятильник, заваривал чайку – пахучего, настояще-

го индийского, пил с сахаром вприкуску, жмурился. Воспитуемый глядел, с трудом уже держа на весу устав. Алексей Яковлевич знал: в эту пору человеку бодрствующему уже неслабо хочется съесть чего-нибудь. Поэтому он доставал из мешочка пирожок и медленно, смакуя, съедал. Воспитуемый сглатывал пустую слюну.

Спрятав кипяtilьник, Алексей Яковлевич принимал положение полулёжа, вытягивал ноги поверх одеяла. Внутренняя крепость организма, с годами не прошедшая, позволяла ему спать по четыре-пять часов в сутки (и дома потом можно было часиков несколько прихватить).

Воспитуемый, не чуя ступней, изучал свои обязанности.

– И как ты до такой жизни дошел? – задумчиво спрашивал Алексей Яковлевич, позевывая.

Воспитуемый несколько слов бормотал нехотя.

– Ну, учи, учи... – Алексей Яковлевич поворачивался на бок и опускал веки. Даже носом посвистывал. Но проверять, чем занят нарушитель, не забывал.

Часовая стрелка добиралась до двух. Воспитуемого начало пошатывать. Предыдущую ночь он, как правило, проводил в наряде.

– Служба у нас с тобой только начинается, – буднично замечал Алексей Яковлевич.

Тут некоторые имели смелость бурчать:

– А мне спать надо...

– Милый! – восклицал Алексей Яковлевич. – Тебе обя-

занности свои учить надо!

И по третьему разу начинал экзамен.

Часов около трех, когда воспитуемый вовсю уже *плыл*, командир милостиво бросал:

– Чёрт с тобой! Поспи. Я не зверь, – и после ухода воспитуемого делал пометку в блокноте.

Наутро очумевшего тунеядца записывали в наряд по столовой (если заступал другой дивизион, то в виде исключения). А стукачи пускали слух, что ночью он рыдал в ногах у командира и просился к маме. С наиболее злостными процедуру повторяли еще раз.

Вот почему так дрожали те, кому Алексей Яковлевич обещал беседу.

Записав Горюнова на ночные чтения, Алексей Яковлевич сходил на позицию, заставил народ подвигаться. На его языке это называлось: «добавить в кровь адреналина». Заодно осмотрел места будущей вырубки кустарника, наказал готовить инвентарь и воротился. Походя заглянув в умывальник (дневальный продолжал умирать на кафеле), он взял у старшины подшивку «Советского воина» и полистывал ее, пока не зазвонил телефон.

– Вот ты знаешь, – размякнув, говорил он Пазухову, – сколько весит бронежилет?

– Сколько? – как будто наивно спрашивал Пазухов, давно знавший ответ, ибо вопрос задавался не впервые.

– Двенадцать килограммов! – торжествуя, подносил Алексей Яковлевич. – Ты понимаешь, Пазухов, какая тяжесть на солдате? А подсумок? Автомат? Фляга? А если раненого нести? Это как? Кто бы из наших выдержал, из дивизиона?

– Никто, – подумав, говорил Пазухов.

– Правильно! Никто. Может, ты один. А знаешь, сколько американский морской пехотинец на себе тащит?

– Нет, – отвечал Пазухов.

– Пятьдесят килограммов он на себе тащит без учета оружия!

– Да, здесь и я бы не выдержал, – признавался Пазухов.

– Не выдержал бы, верно. А они выдерживают. Случись что, как воевать станем?

Пазухов понурился. Он знал, что здесь нужно понуриться.

– Да, никто не понимает, – пожимал плечами Алексей Яковлевич. – Не хотят понимать!

– Нет, не хотят, – кивал Пазухов.

– Ты вот понимаешь да я, – продолжал Алексей Яковлевич. – А кто, кроме нас двоих? Никто. Вместо того, чтобы силу качать, спать лезут, как бродяги, кто куда. Кросс бежать – «нога болит». Яму вырыть – лень. Что дальше-то будет? Водку достанут и бабу приведут, правильно Первый говорит. И службе конец.

Пазухов сильнее кивал.

– Вот навалят на меня командование всей группой, – рассуждал Алексей Яковлевич, – на КП стану сутками сидеть.

Кто с моими останется? Михайлов? Специалист он золотой, лучше на «Маяке» нет, но вот человек... Не может взять и заставить! Всё по-хорошему хочет, через убеждение. Ему б замполитом быть. Оборзуют бойцы за сорок дней, жить начнут хорошо. А если солдат живет хорошо, – Алексей Яковлевич понизил голос, – то он уже не солдат!

– Оно, конечно, так, – соглашался Пазухов, помня о первой партии. – Тут вы правы.

– Да! Видишь, я всё знаю...

В этот момент и раздался звонок.

– Товарищ гвардии подполковник, – подкатился дневальный, – вас. Подполковник Арсеньев.

Арсеньев, начальник штаба группы, по пустякам не звонил.

– Слушает подполковник Санько!

– Яклич, – раздался сконфуженный бас Арсеньева, – на счет того самого...

– Приказа?

– Да. Первый только что подписал. Он со следующего понедельника уходит, а вместо себя Антонова назначил. Слышишь меня?

– Слышу, – еле ответил Алексей Яковлевич.

Антонов был на семь лет моложе, и вторую звезду на погон получил всего пару недель назад. Был он у Первого замом по вооружению.

– Понимаешь, да? Яклич?

– Понимаю.

– Не знаю, почему, – рокотал Арсеньев. – Тут и впрямь тебя намечали.

– Да-да-да...

– Ну, бывай. Привет супруге.

– Бывай...

Всё было испорчено. Конечно, Алексей Яковлевич был неискренен, говоря, что дивизион бросать жалко – хотя бы и на неполные полтора месяца. Командовать группой из четырех таких дивизионов, каждое утро прилетать на КП на известном каждому солдату «уазике» (втихомолку его звали «черный ворон»), по прямому проводу сноситься с комбригом... Эх! Да, всё полетело вверх ногами.

«Антонов! Давно ли из училища вылупился? – с ненавистью думал Алексей Яковлевич. – И уже, уже за Первого остается. Ну, люди устраиваются! Ни стыда, ни...»

– Товарищ гвардии подполковник, автобус уже на КПП стоит. Вы домой обедать поедете? – деликатно вмешался Пазухов.

– Да! Передашь комбату второй – пусть за личным составом присмотрит. Всё равно он у себя неисправность устраняет.

– Есть! – Пазухов козырнул.

«Сделаю ему первую партию», – решил, выбегая, Алексей Яковлевич.

Когда расселись в автобусе, и старший машины уже рас-

писывался в книге, Санько вдруг сорвался со своего кондукторского места.

– Товарищ командир, отъезжаем! – крикнул Михайлов.

– Минутку обождите!

Влетев на КПП, Алексей Яковлевич цапнул телефонную трубку.

– «Маяк», дай мне казарму седьмого!.. Дневальный, старшину!.. Пазухов, ты? Слушай меня: наряд в четыре часа сменишь, заступят снова. Проследи, чтобы готовились. Да, и Киселёва тоже сменишь, – и, вспомнив, как светился Киселёв, когда он, командир, уходил, добавил: – Я его научу людьми руководить!

1990 г.